

ПРОЗА

Пинцов Иван. СКРИПКА СТРАДИВАРИ.....	7
Соколов Юрий. НЕ ТОЛИНО ЯБЛОЧКО.....	17
Попов Леонид. ГВОЗДИКИ КО ДНЮ ПОБЕДЫ.....	19
Карпук Евгений. ПАШКА.....	28
Попов Лев. ВЕТЕРАНЫ ПЕХОТЫ Г. Е. КОПАНЁВ.....	40
Олейник Станислав. РАССКАЗ.....	43
Чарков Дмитрий. СЖИГАЯ ПРЕД СОБОЙ МОСТЫ.....	60
Хомич-Журавлёва Ольга. ПРОШЕДШИЙ СКВОЗЬ АД.....	67
Петров Сергей. ЕСТЬ СВЯЗЬ!.....	76
Чвырь Илья. ЭКИПАЖ «ПОДРУТИ БОЕВОЙ».....	83
Пыстин Вячеслав. «С ГАРМОНЬЮ И С ВИНТОВКОЙ ДО ПРАГИ».....	94
Маховой Григорий. КАК Я СТАЛ «ЗАЩИТНИКОМ ОТЕЧЕСТВА».....	98
Козлов (Афонский) Станислав. ВОПРЕКИ ВСЕМУ.....	107
Ряскин Алексей. ПРО НЕВОЗМОЖНОЕ.....	117
Мехреньгин Сергей. КОРОТКИЙ РАЗГОВОР.....	125
Ленков Анатолий. БЕЗ ВЕСТИ ПРОПАВШИЙ.....	134
Бокарева (Субботина) Мария. ВОЙНА СКВОЗЬ ПРИЗМУ ВРЕМЕНИ.....	142
Цимбалистов Владимир. СЕМЬ ДНЕЙ ВОЙНЫ.....	155
Ставер Сергей. НА КРАСНОЙ ПЛОЩАДИ ПРОПИСАН.....	165
Рехтина Татьяна. ШАГ В БЕССМЕРТИЕ.....	174
Бич Герман. СОЛДАТ.....	176
Пекка Елена. ВАРВАРА ИЗ РОДА ДОЛГОЖИТЕЛЕЙ.....	182
Шевченко Владимир. ДЕМБЕЛЬ РЕКСА.....	186
Розенблит Мария. КОЛЫБЕЛЬКА ИЗ ИВОВЫХ ПРУТЬЕВ.....	190
Думрауф-Шрейдер Елена. МАМАНЯ.....	196
Шигаев Владимир. ГОВОРЯЩАЯ ЛОШАДЬ.....	202
Фоменков Александр. ЖЕНЩИНА В ЧЁРНОМ.....	208
Зотова Галина. ВЫСТОЯЛ, ЧТОБЫ ПОБЕДИТЬ.....	211
Макаренко Артур. РАССКАЗ О ВЕТЕРАНЕ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ ПАРАМОНОВЕ ПЕТРЕ ИВАНОВИЧЕ.....	217
Гусельникова Валерия. ТО ЛИ ГРОЗА, ТО ЛИ ЭХО ПРОШЕДШЕЙ ВОЙНЫ.....	223

ПОЭЗИЯ

Федосов Илья. ГЕРОЙ	236
Алексеев Игорь. ДЕДОВА САРАЙКА	244
Постников Валентин. НОЧЬ ПЕРЕД ПОСЛЕДНИМ БОЕМ	247
Бикметова Рашида. ДО БЕРЛИНА	249
Великжанин Павел. ЦИКА: ПОРТРЕТЫ ГЕРОЕВ ВЕЛИКОЙ ПОБЕДЫ	262
Тимофеев Максим. ИСТОРИКО-ГЕРОИЧЕСКАЯ БАЛЛАДА О ГЕРОЕ СОВЕТСКОГО СОЮЗА ЗИНОНЕ ФИЛИППОВИЧЕ ПРОХОРОВЕ	267
Котляр Николай. ВАНИНА СУДЬБА	269
Карпунина Валентина. ПОМЯНЕМ ОБЫЧАЕМ РУССКИМ	272
Чудинова Елена. «МЫ - МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ!»	274
Валуева Диана. В ПАМЯТЬ О ПОГИБШИХ	286
Колесникова Людмила. ДИАЛОГ ВНУЧКИ И БАБУШКИ	292
Осипова Тамара. ПЕРЕПРАВА	294
Воронин Андрей. ИХ БЫЛО 616	296
Кошкин Сергей. ИСТОРИЯ ЛЮБВИ	298
Семёнова Елена. МОЙ ДЕД ВОЙНУ НЕЧАСТО ВСПОМИНАЛ	304
Шалов Александр. МЫ ТЕРПЕЛИ ЛЮТЫЙ ХОЛОД	306
Фоменков Александр. ШТРАФАТОВЕЦ	308
Рыбакова Мария. ПАШКА	310
Майстренко Альбина. 70 ЛЕТ ПОБЕДЫ	313
Подойницына Галина. ВАМ, НЕ ВЕРНУВШИМСЯ С ВОЙНЫ	317
Иванова Ираида. БАЛЛАДА О БРАТЬЯХ	319
Любухин Алексей. ШТУРМОВИК	321
Сурина Елена. ТЫ БЫЛ МАТРОСОМ НА БАЛТИЙСКОМ ФЛОТЕ	323
Крылова Ирина. ПЕСНЬ О ЮНОМ ПАРТИЗАНЕ	325
Виноградов Дмитрий. ШЕСТОЙ РОТНЫЙ	329
Бармина Лариса. АНЕЧКА СТАНИЦЫНА	331

Проза

Пинцов Иван Прокофьевич

Родился в 1925 году, участник Великой Отечественной войны, полковник-инженер.

В 1954 году окончил Военную Краснознамённую инженерную академию связи.

В запас ушёл с должности начальника кафедры радиотехнической разведки Ленинградского высшего зенитного ракетного командного училища.

Первая написанная им книга «Так это было (страницы жизни)» вышла в свет в 2008 году, затем последовательно были выпущены книги «Воздухоплаватели» (2011 г.) и «Воздухоплаватели» – второе издание, дополненное (2014 г.). Книга «Воздухоплаватели» (второе издание) в 2015 году удостоена литературной премии имени Маршала Советского Союза Л. А. Говорова Законодательного собрания Санкт-Петербурга.

СКРИПКА СТРАДИВАРИ

*... А вы ноктюрн сыграть смогли бы
на флейте водосточных труб?..*

Владимир Маяковский

Примерно такой вопрос возник, когда я неожиданно оказался владельцем скрипки Страдивари. Если учесть то состояние, в котором она попала в мои руки, то формулировка «... владельцем скрипки Страдивари» звучит избыточно сильно. Не буду, однако, на этом заострять ваше внимание, а изложу эту историю в той последовательности, в которой она складывалась.

Лето 1943 года. День в день со сдачей последнего экзамена в 15-й Харьковской специальной артиллерийской школе в далёком городе Лениногорске, что в Восточном Казахстане, я был призван в Красную Армию и направлен для учебы в Рязанское артиллерийское училище. По специализации училище, наряду с огневиками и управленцами огнём, готовило топографов и звукометристов. На мою долю выпало стать фотограмметристом – выпускником

фотограмметрического взвода, подготовившего единственный выпуск в течение четырёх лет Великой Отечественной войны. По распределению попал на 4-й Украинский фронт, где был назначен начальником фотослужбы 3-го воздухоплавательного Свирского ордена Красной Звезды дивизиона аэростатов артиллерийского наблюдения. Работа оказалась совсем не такой, как я себе представлял. По молодости лет, конечно, суетился, старался что-то сделать для уже близкой Победы, но, к сожалению, моё умение общаться с фотоснимком как с высокоинформативным документом в тех динамичных боевых условиях оказалось невостребованным. Единственный положительный балл мне был начислен за трофеи в виде очень нужных нам фотоматериалов – фотоплёнки и фотобумаги, которые я вместе с фотолаборантом вынес во время пожара со склада в городе Ратибор. На моё счастье, в часть вернулся бывший начальник фотослужбы. Он был хорошим фотографом-портретистом и поэтому всюду оказывался нужным человеком. За полмесяца до окончания войны я с начальственной должности был назначен, как и положено, командиром аэростатного взвода, чему был несказанно рад, да ещё и осчастливил засидевшегося на взводе старшего лейтенанта. Тут уж я вложил всю свою нерастратченную энергию в боевой клич: «Даёшь Победу!» Как бы то ни было, но две фронтовые медали: «За боевые заслуги» и чехословацкая «За храбрость» – явились свидетельством неумного желания внести свой вклад в дело Победы.

Войну наша часть закончила на дальних подступах к Праге, но в Чехословакии мы долго не задержались. Уже в начале июля прибыли к месту постоянной дислокации в небольшой западно-украинский городок Трембовля. Местность эта с давних пор называлась Галицией. Именно в этих краях произошёл знаменитый Брусиловский прорыв во время Первой мировой войны. Небольшой речкой Гнезна Трембовля делится примерно на две равные части. Наш военный городок был размещён в левобережной части недалеко от костёла. Казарма – сильно разрушенное трёхэтажное здание. Потребовалось приложить много усилий, чтобы обеспечить нормальные условия размещения в этом здании личного состава и управления части. Солдаты, истосковавшиеся по мирному труду за время войны, быстро справились со всем ремонтом. В одном крыле здания сохранилась небольшая квартира, в которой проживали две сестры: младшая –

смешливая, привлекательная щебетунья лет тридцати, и старшая – замкнутая и по виду несколько суровая женщина неопределённого возраста. На долю моего взвода выпало задание переселить эту семью в небольшой отдельный домик, расположенный недалеко от нашего военного городка. Как оказалось впоследствии, эти две сестры вместе со мной стали главными действующими лицами истории со скрипкой Страдивари.

Возведя крышу над головой, приступили к заселению помещений, в том числе к размещению ценного имущества, требующего для его сохранности поддержания постоянства температуры хранения. Вот тут-то очередь и дошла до трофейных фотоматериалов. В горячке пожара мы брали всё, что имело маркировку, относящуюся к фотографии. В спокойной обстановке выяснилось: примерно две трети имеют срок годности близкий к истечению или просроченный. Кроме того, часть материалов предназначалась для использования в рентгенографии. Тот же заместитель командира по вооружению и на этот раз принял простое, но мудрое решение. Все трофейные фотоматериалы с истекающим и истёкшим сроком хранения «деприватизировать» и вернуть тому, кто их добыл. Снова приличная гора этих материалов дополнительным грузом повисла на мне. Фотоматериалы, относящиеся к рентгенографии, мгновенно, с большой благодарностью и обещанием лечить нас от любых хвороб, забрали медики городской поликлиники. Часть проблемы успешно решена. Что делать с остальными материалами? Я знал, что в городе есть фотоателье. Заглянул туда и – о диво! Заведующая фотоателье – наша знакомая, младшая из сестёр-«новосёлок». Зовут её Фрима. Я предложил ей безвозмездно взять у меня фотоматериалы. Радости Фримы не было предела. За свою бескорыстную услугу был приглашён в дом на чай. Чаёвничание в милой женской компании мне понравилось. Впоследствии я несколько раз заглядывал к сёстрам на огонёк. Из общения в домашней обстановке узнал некоторые подробности их личной жизни. Фрима до войны имела небольшой фотосалон, сестра её Наташа – профессиональный музыкант – скрипачка театрального оркестра в Тернополе. Во время войны Фрима кое-как перебивалась случайными заработками и сама толком не может объяснить, как выжила в той сложной жизненной обстановке. Наташа была в эвакуации в Новосибирске. Сейчас они заняты оформлением документов на отъезд в

Польшу, где живут близкие родственники. Процедура эта длительная и хлопотная, но они люди терпеливые. Во время моего пребывания они музицировали. Оказывается, Фрима тоже хорошо владеет инструментом. Их дуэт был сыгранным и очень красиво звучал.

Я жил недалеко от сестёр в частном доме пожилой польской пары. Однажды дождливым осенним вечером хозяева пригласили меня, как выразилась хозяйка, «повечерять» с ними. По разнообразию еды на столе и поведению хозяев понял, что они заранее готовились к этой встрече. После того как были оценены кулинарные достоинства приготовленной хозяйкой еды, приступили к деловой части нашей встречи. Они рассказали мне, что у них в доме на протяжении двух последних лет войны и до настоящего времени хранится очень ценная скрипка Страдивари. Инструмент до войны являлся собственностью оперного театра города Львова. Люди, ответственные за сохранность этой скрипки, сделали всё возможное, чтобы она не попала в Германию. Скрипка долго переходила из рук в руки. Уже только одно подозрение, что у человека может храниться эта скрипка, грозило ему путёвкой в концентрационный лагерь. К хозяевам дома она попала совершенно случайно. Человек, отдавший её, погиб. Хранение скрипки представляло большие трудности и держало их в постоянном нервном и физическом напряжении. В доме у них часто квартировали немецкие офицеры, которые бесцеремонно, как собственную, брали любую приглянувшуюся им вещь. Попадись офицеру на глаза эта скрипка – и её хранителям обеспечена прямая дорога в газовую камеру. Пришлось хранить скрипку в мешке и прятать на чердаке вместе с отжившими свой век вещами и утварью. Эта скрипка предназначалась их единственному сыну. Во время войны сын служил в Войске Польском и погиб близко к её окончанию. Они больше не хотят связывать свою судьбу с этой скрипкой. В нашей стране их ничто не удерживает. Все близкие люди живут в Польше. Пользуясь предоставленной возможностью, они оформляют документы на отъезд туда. Просто так выбросить скрипку на свалку им не хочется: уж очень много сил и здоровья отняло у них её хранение. Увезти её с собой тоже нельзя: на границе заработаешь столько хлопот, что не разберёшься до конца жизни. Они знают, что я бываю в гостях у их соседки скрипачки, и, посоветовавшись, решили подарить мне эту скрипку. Считают, что при желании я смогу восстановить её

звучание и научиться на ней играть. Вот уж недаром говорят, что добрыми намерениями вымощена дорога в ад. Я с благодарностью принял их подарок и пообещал, что постараюсь сделать всё от меня зависящее, чтобы выполнить их пожелания. В своей комнате внимательно рассмотрел полученный мною дар. Скрипка не имела футляра, а была помещена в мешок из плотной ткани типа плащевки. Когда я извлёк из мешка все детали, принадлежащие этой скрипке, мой энтузиазм в части возможности восстановления её звучания упал до нулевой отметки. Годы подпольной жизни печальным образом отразились на этом хрупком произведении гениального человеческого творчества. Она буквально рассыпалась на составные части. Даже её «душа» не удержалась на своем месте. Общее впечатление от вида этой скрипки в моём сознании не ассоциировалось с той большой ценностью, которую, по словам моих хозяев, она представляла. В то же время её принадлежность к высокородному семейству скрипок Страдивари подтверждалась знаком на внутренней поверхности нижней деки.

На очередной встрече с Фримой и Наташей я показал им подарок и рассказал все подробности этого события. Сестры подтвердили высокое происхождение этой скрипки и её большую ценность в исправном состоянии. Одновременно обе выразили сомнение в возможности восстановления ее звучания. Непредсказуемое влияние на возможное звучание скрипки могли оказать трещинки на её нижней деке. После долгого обсуждения неожиданно возникших моих проблем они все же решили привести полученный мною подарок в рабочее состояние. Наметили нечто вроде плана работ и обеспечения их необходимыми материалами.

Молодой офицер в звании младшего лейтенанта и по должности командир взвода воинской части – далеко не та фигура, которой можно без ущерба для службы заниматься делами искусства. Высокое искусство требует сосредоточения на нём всех творческих сил и большого расхода времени. Такими возможностями я не располагал. Так, вскоре после получения подарка со взводом я был отправлен на лесозаготовки. Много времени отняла командировка по обеспечению выборов в Верховный Совет СССР в феврале 1946 года. И все же медленно, с перерывами и остановками, с разочарованиями и надеждами, работа по восстановлению скрипки продолжалась. Сёстры в нашей команде были прорабами и поставщиками нужных

материалов. С большой настойчивостью и увлечённостью они вовлекали меня в работу со скрипкой даже тогда, когда дело у меня шло медленно, а служба требовала моего присутствия в части. Иногда хотелось бросить всё, но данное обещание – вернуть скрипке звучание – удерживало меня от такого крайнего шага. В середине апреля все намеченные работы были закончены. Наташа отрегулировала натяжение струн и в качестве её совместного с Фримой сюрприза вручила мне смычок. В подаренной мне скрипке такого предмета не было. Провёл смычком по струнам – и у меня перехватило дыхание. С удивлением посмотрел на сестёр! Возможно ли это – скрипка звучит! Радостное возбуждение, слёзы на глазах сопровождали извлечённые из неё звуки. После взаимных поздравлений я попросил сестёр что-нибудь исполнить дуэтом с привлечением нашей общей скрипки, что они с удовольствием и сделали. На «нашей» скрипке играла Наташа. Через полгода после вручения мне скрипки Страдивари уже я пригласил своих квартирных хозяев отметить восстановление её звучания и «повечерять» с творцами этого чуда. Это был замечательный вечер! В словах и в музыке звучали печаль и боль о войне и невосполнимых потерях, о торжестве мужества и славе победителей, о надеждах на будущее. Первая часть обещания – восстановить звучание скрипки – была выполнена. Наступила очередь реализовать вторую часть этого обещания – попытаться научиться на ней играть.

В народе говорят: попытка не пытка. Это действительно так, если к ней психологически готов. В моём случае было больше сомнений, чем уверенности. И вот теперь, когда скрипка обрела голос, встал вопрос: попробовать реализовать вторую часть данного обещания – научиться играть на инструменте, используя добрую волю моих милых дам. Соблазн был велик, но я понимал, что это только соблазн. Совсем скоро, буквально через несколько месяцев, моя боевая жизнь в высоком искусстве кончится так же внезапно, как и началась. А пока я с благодарностью согласился быть послушным и исключительно хорошим учеником игры на скрипке у старшей из сестёр – Наташи. Учёба была трудной и нерегулярной. Я не был прилежным учеником, каким обещал быть. Причин тому было много, и главная из них – мой ненормированный по времени рабочий день. Моя воинская часть была частью постоянной высокой боевой готовности. Прошедшее увольнение из армии солдат старших возрастов

и пополнение подразделений молодыми бойцами, не подготовленными к выполнению служебных обязанностей, требовало от меня дополнительного расхода сил и времени на их обучение. Свободного времени оставалось очень мало. В начале июня убыли в Польшу дарители скрипки. Мне пришлось искать новое место жительства. Помогли товарищи. Как ни странно, но и в этих крайне неблагоприятных условиях моё обучение понемногу продвигалось вперёд. Мой музыкальный репертуар был очень скромным – вальс «Дунайские волны». Я всё увереннее и увереннее исполнял его. Почему для первого исполнения был выбран вальс «Дунайские волны», сказать не могу. В моей памяти это осталось белым пятном. Подошло время отъезда моих дорогих товарищей по восстановлению голоса скрипки и учителей игры на ней. Это было грустное расставание – навсегда. Наши добрые сочувственные и уважительные отношения теперь оставались лишь достоянием нашей души и памяти.

После окончания войны прошло уже больше года. Остались лишь единичные офицеры, не побывавшие в отпуске. В их числе был и я. Что делать со скрипкой? С отъездом дарителей обрубались концы её связей с прежними владельцами. Моя богомная жизнь в Трёмбове пока не заинтересовала сотрудников «СМЕРШа», но это не исключалось. Лучшим выходом из создавшегося положения было увезти скрипку в родительский дом. Пусть она там отлежится. Мысль хорошая, но в то же время сложность поездки с несколькими пересадками с высокой долей вероятности гарантировала, что я привезу домой одни щепки от этого хрупкого создания. Хороший скрипач, заслуживший доверие играть на скрипке Страдивари, обращается с ней примерно так, как сказано у Владимира Маяковского в «Стихах о советском паспорте»: «Берёт – как бомбу, берёт – как ежа, как бритву обоюдоострую, берёт, как гремучую, в двадцать жал змею двухметроворостую». А теперь представьте меня, мечущегося в бушующей толпе и кричащего:

– Пропустите, у меня в мешке гремучая, в двадцать жал, змея двухметроворостая!

А мне презрительно:

– Да пошёл ты!..

И это не в агоре или в концертном зале, а на Тернопольском пересадочном вокзале. А что будет в Киеве? Этот вариант

отпадает, равно как и вариант – оставить кому-нибудь из сослуживцев на хранение. Не хочу никого подводить. В сопровождении двух ассистентов москвичей-метеорологов: старшего лейтенанта Александра Соколова (впоследствии физика-атомщика) и младшего лейтенанта Юрия Белоусова (впоследствии полковника, доктора военных наук) торжественно несую дорожную мою, бесценную скрипку Страдивари в комиссионный магазин. Через пять минут она уже на витрине, а ещё через небольшой промежуток времени, в сопровождении тех же ассистентов, получаю приличную по тем временам сумму. Так решительно и бесповоротно закончился очередной этап жизни одной из скрипок Страдивари, законным владельцем которой я был девять месяцев.

Прошло три года. Часть, в которой я служил, была передислоцирована из Прикарпатского военного округа в Закавказский. Я подал рапорт и необходимые документы для поступления в военную академию. Летом 1948 года был вызван в Тбилиси на сборы для сдачи вступительных экзаменов. Первый экзамен – сочинение – сдан. От остальных был освобождён как окончивший среднюю школу с отличием. Со своей группой прохожу медицинскую комиссию. Время, когда группа занята учебными делами, у меня свободно. Большую часть этого времени я провожу в читальном зале библиотеки окружного дома офицеров. В журнале «Огонёк» разгадываю кроссворд. Напротив меня – крупный, интеллигентного вида мужчина, примерно лет пятидесяти. Спрашивает:

- Любите разгадывать кроссворды?
- Люблю.
- Такое-то слово разгадали?
- Да.

Спрашиваю несколько слов у него. Разговорились. Мой собеседник – Илья Ильич Арбатов, главный режиссер московской оперетты, гастролирующей в настоящее время в Тбилиси. К фамилии и должности пристраивается длинный перечень титулов – с первого раза не усвоить. Соответственно рассказываю о себе, о своём желании поступить в военную академию. Его очень удивило название моей воинской части – воздухоплавательная. Впервые слышит такое. Ввожу в курс дела. Рассказываю, как попал на фронт и конкретно в эту часть, о службе в Западной Украине, о передислокации части в Закавказский

военный округ, о наших мытарствах по военным гарнизонам Закавказья. Между прочим рассказал о том, как стал владельцем скрипки Страдивари и как нерачительно распорядился этим сокровищем. Илья Ильич был удивлён, что скрипка обрела голос после столь разрушительной для такого инструмента подпольной жизни. Увлёкшись разговором, он чуть не опоздал на репетицию. Попросил меня сопровождать его. Посмотрев немного театральную кухню, я понял, что мешаю, и решил уйти. Илья Ильич пригласил меня вечером прийти посмотреть «Весёлую вдову» Легара. Это был прекрасный, незабываемый вечер, тем более что число посещений театра в моей жизни исчислялось величиной в пределах счета пальцев одной руки. На следующий день, во время нашей новой встречи, Илья Ильич предложил мне пойти в гости к его другу Ване Мурадели.

– Кстати, – заметил он, – там будет наш общий друг – Арам Хачатурян.

Уже одно перечисление этих имен, внёсших заметный вклад в мировую музыкальную культуру, у простого человека вызывает душевный трепет. В нынешнее время таких людей принято называть национальным достоянием. Тогда же все было проще: известный всей стране такой-то композитор или писатель. От предложения Ильи Ильича не отказываюсь, робею, но иду. Хозяин радушно нас встретил. И Мурадели, и Хачатурян уже насыщены о чудаковатом лейтенанте-воздухоплателе. Начались расспросы. Повторяю вечерний рассказ о том, как попал в эту необычную воинскую часть, о службе в ней во время войны и после её окончания. Попросили подробно рассказать, как в мои руки попала скрипка Страдивари и какова её дальнейшая судьба. Их, как и Илью Ильича, очень удивило, что скрипка обрела голос после столь неблагоприятных условий хранения. Рассказывая о своей богемной жизни, я как-то незаметно для себя лишился той робости, с которой пришёл в этот дом, и постепенно стал «раздуваться» от величия своих музыкальных успехов. Потеряв всякую скромность, я по-есенински... «одуревши в доску» неудержимо покатился в музыкальную пропасть, спев этим выдающимся деятелям культуры сначала арию Индийского гостя, а потом и Варяжского. Бедный Римский-Корсаков! Если бы он знал, что я сделал с этими уважаемыми людьми! Помню, когда я только начал своё пение, мой тёзка Ване Мурадели решил подыграть мне. Куда там! Его

способностей не хватило, чтобы сопровождать мою интерпретацию арии. Он в беспомощности опустил свои руки, сначала задумчиво слушал, а потом разразился неудержимым смехом. Остальные слушатели тоже были «восхищены» моей трактовкой этих арий. Я совершенно потерял контроль над своими действиями. Как будто какое-то наваждение толкало меня от одного безумия к другому. На прощание мне сказали, что в жизни никогда так от души не смеялись, как в этот день, слушая моё пение. На следующий день моя командировка кончилась. Я тепло простился с Ильей Ильичом Арбатовым. Прощаясь с ним, я простился и со своими воспоминаниями о печальной судьбе одной из скрипок Страдивари, временным владельцем которой на её жизненном пути оказался я.

Январь, 2014 год

Соколов Юрий Анатольевич

Родился 20 февраля 1963 г. в посёлке Шира Красноярского края (ныне – Республика Хакасия). Окончил Шушенский сельхозтехникум. С 1989 года служил в органах МВД: сначала воспитателем в Канской детской колонии, затем участковым уполномоченным в селе Чечеул Канского района Красноярского края. В декабре 1994 года при исполнении служебных обязанностей был тяжело ранен, в результате чего стал инвалидом 1-й группы. Пенсионер. Ведёт активный образ жизни. Пишет стихи и рассказы, рисует, поёт, играет на гитаре. Стихи периодически печатаются в местных газетах.

НЕ ТОЛИНО ЯБЛОЧКО...

Осень. Прибалтика. 1944 год. Молоденький сибирский паренёк в траншеях, отбитых у противника. За свою жизнь, как говорят, не видел ничего круглее ведра и не пробовал слаще морковки. Зато попал дважды под бомбёжку в эшелоне, который направлялся в сторону Петрозаводска.

И вот он в окопе. Справа, слева, на расстоянии трёх – пяти метров усатые старые бойцы в промокших от постоянных дождей плащ-палатках.

На передовой тишина. И тут Толю привлёк небольшенький шарик, растущий на сломанной, посечённой осколками ветке. «Яблочко», – подумал Толя. И видит око, да зуб не ймёт. Яблочко он попробовал первый раз, провожая старшего брата Гришу на Западный фронт. А было так. На станции Шира сидели вдоль железной дороги, ожидая отправки эшелона. Уезжая, призывники купили Толе пакет яблок, ароматных, Толя и не знал, где и как они растут.

Примкнул Толя к винтовке штык, подпрыгнул, желая снять плод. Попытка оказалась неудачной. Заворчали старики: «Что ты подсказываешь? Продырявят «котелок». Снайперы не дремлют!» И вот вроде бы счастье. Из командирского блиндажа выходит офицер, оглашая приказ: «Такой-то, такой-то – в разведку, такой-то,

такой-то – в дозор (в том числе и Толя). Дозор осуществлять на своих позициях, без самодеятельности». Прослушал Толя слово «самодеятельность», а возможно, и не понял смысла. Находясь в дозоре, расстелил мокрую плащ-палатку на бруствере и предпринял попытку снять яблочко, чтобы оно скатилось прямо в окоп. Прицелился в ветку, выстрелил, но промахнулся. На выстрел противник ответил пулёмётным и миномётным обстрелом. Заворчали старики. Из штабного блиндажа выскочил офицер с целью узнать, по какому поводу пальба. «Отмазали» старики Толю, сказали, что огонь открывал по нарушителю.

А с рассветом – атака... И продвинулись советские бойцы вперёд километров на десять – пятнадцать. Так и не попробовал Толя яблочка. Осталось оно далеко в тылу. И не знал Толя, что через полтора – два года вернётся он домой, в Сибирь, в родную Хакасию, в своё село Солёноозёрное, глухонемой и на костылях. Ранение получил, освобождая «дружественную» нам Прибалтику. Но это уже другая тема.

А про это яблочко отец рассказал мне в 70-х годах, когда я ещё учился в школе, был пионером, запал рассказ в душу, решил я поведать его интересующимся военной тематикой людям.

Апрель, 2015 год

Попов Леонид Николаевич

Родился в городе Бронницы в 1960 году. Окончил педагогический институт имени Н. К. Крупской.

Живёт в подмосковных Химках. Работает в Центре психолого-медико-социального сопровождения «Успех». Руководитель информационного отдела центра.

Свои истории, рассказы не сочиняет, а берёт из детства – просто вспоминает о том, что было.

ГВОЗДИКИ КО ДНЮ ПОБЕДЫ

После уроков Вовка и Костя весело шагали по весенней улице, подставляя лица теплому майскому солнышку. Солнце щекотало в носу, отчего хотелось чихать и смеяться. Настроение было праздничное. Ещё бы! Завтра 9 Мая, День Победы, и ребята ещё в школе решили отметить его как-то особенно, по-взрослому.

– Значит, идём к Вечному огню, – кричал на всю улицу Костя, – и поздравляем всех-всех.

– Точно! – радостно поддержал его Вовка. – А давай мы этим ... – слово вылетело из головы, и он нахмурил лоб, вспоминая.

– Ветеранам! – подсказал Костя.

– Ага, ветеранам. Давай мы им цветы подарим.

– Да цветы денег стоят, – скептически протянул друг. – У мамы будешь просить?

– Зачем у мамы? – Вовка полез в карман и достал две смятые бумажки. – Гляди, целых двадцать рублей!

– Ха! – Костя насмешливо сморщил нос. – А ты знаешь, сколько они стоят?

– Сколько?

– Сто рублей!

– Врёшь! Букет?

– Сам ты врёшь! Один цветок – сто рублей. Мне мама говорила, если не веришь.

– Вот гады ... – с сожалением глядя на деньги, сказал Вовка.

– Точно, гады, спекулянты, – поддержал друга Костя. – Вон, смотри, ещё один...

– Где? – Вовка стал озиаться по сторонам в поисках гадов-продавцов.

– Да нет, не там, – Костя дернул товарища за руку и показал пальцем за зелёный забор, мимо которого они в этот момент проходили.

– А где ж там цветы-то? – удивился Вовка. – Да и продавцов не видно.

– Смотри, – Костин палец прицелился в странный невысокий домик, стоявший под деревьями.

Этот почти игрушечный дом был построен из тонких деревянных реек, а вместо стен и крыши его покрывала мутная серая плёнка, которая скрывала от всех проходящих жильцов дома. Она, эта плёнка, немного пропускала свет, но почти не давала разглядеть, что же там, внутри. Только неясные тени вдоль серых стен говорили, что дом заселён.

– Домик, – удивленно протянул Вовка. – Интересно, кто там живет?

– Сам ты домик! – Костя возмущённо взмахнул обеими руками, удивляясь такой необразованности друга. – Это теплица. В ней цветы растут.

– Да ну! – Вовка свистнул от удивления так сильно, что спугнул воробьёв, сидевших на заборе.

– Да ну, да ну, – передразнил Костя. – У нас в деревне такая есть. У бабушки.

– А зачем цветы в домике... в теплице? Они чего мёрзнут, что ли?

– Конечно, мёрзнут! Их когда посадили?

– Когда?

– Весной их посадили, холодно когда было, а там, в домике... тьфу, в теплице, тепло. Там лампочка горит и ветер не дует.

– Здорово! – обрадовался новым знаниям Вовка.

– Ну вот, – подвел итог Костя, – а теперь он их будет...

– Продавать! – догадался Вовка. – А кто он?

– Спекулянт, вот кто, – Костя определённо всё знал и даже не пытался это скрыть. – Все придут на праздник, а он им цветы по сто рублей!

– А знаешь чего... – Вовка задумчиво смотрел на серый домик под плёнкой.

– Ну?

– А давай их это...

– Чего это?

– Свистнем и ветеранам подарим, – идея так ему понравилась, что он даже повторил. – Точно! Подарим!

– Во! – Костя выставил два больших пальца кверху, тем самым показывая, что он согласен на все сто. – Вовка, ты гений!

– Давай утром, когда спекулянт будет спать, придём и всё свистнем.

– Давай! – у Кости горели глаза, он придумывал план ограбления спекулянта. – Только рано надо. А то он проснётся и увидит, что мы его цветы рвём.

– Тогда в семь утра приходи. Нет – в шесть. Прямо сюда, к забору.

– Я-то приду, смотри ты не проспай, – усмехнулся Костя. Он знал, что Вовка любит поспать утром и даже пару раз из-за этого опоздал на уроки.

– Сам не проспай, – Вовка знал эту свою слабость. Знал он, что завтра в такую рань будет очень трудно вставать, но дело того стоило. И он решил, что обязательно проснётся раньше всех, а потом выйдет из дома, никем не замеченный...

* * *

– Вовка, ты куда? – незамеченным выйти не удалось. Мама застала его врасплох, когда он натягивал ботинки.

– Тсс... – прошипел он, приложив палец к губам.

Если сейчас проснется папа, то на походе можно будет поставить крест: папа сразу же обо всём догадается. Он всегда обо всем догадывался. Вовка быстро зашептал:

– Мы к Вечному огню идём, мамочка. Ветеранов поздравлять, цветы дарить и вообще.

– Кто это мы? – насторожилась мама. «И вообще» прозвучало очень подозрительно.

– Я, Костик. Ребята, в общем. Мы договорились. Ещё вчера.

– Вот неугомонные, – зевнула мама. Сегодня был выходной, и она явно не собиралась вставать так рано. – Постой, а завтрак?

– Я уже поел, – соврал Вовка.

Он очень не любил обманывать родителей, но иногда они были такими непонятливыми, что иначе просто не получалось. Стыдно

было ужасно, особенно когда обман вскрывался. А что делать? Эти взрослые ничего не понимают и не хотят слышать. До них никак не может дойти, что и у детей случаются важные дела, такие важные, что и соврать можно. Чуть-чуть. Самую малость.

Вовка открыл дверь, махнул рукой, не дожидаясь дальнейших вопросов:

– Пока, мамочка. Я скоро.

– Осторожней через дорогу переходи, – опять зевнула мама и, уже обращаясь к себе, пробормотала: – Чего это он там поел?

***

Костя уже ждал у зелёного забора, хмуро оглядывался по сторонам и зевал, широко открывая рот. Улица была пуста. Все ещё спали. Праздник на площади у Вечного огня должен был начаться ровно в девять, а пока город досматривал последние сны, и только два грабителя распугивали утренний туман на тихой улочке. Никто не проснулся и не спросил, что это они тут делают, лишь сонная нахохлившаяся ворона проводила их недовольным взглядом с фонарного столба.

– Ждёшь тебя, ждёшь, – пробурчал Костя. – Замерз совсем. Давай иди сюда, тут доска отломана.

В заборе действительно шаталась одна доска. Кто-то, видимо, уже воспользовался этим путём в сад «спекулянта» и оставил дощечку висеть на одном гвозде, отчего та легко сдвигалась в сторону и открывала неширокий лаз в сад.

Оказавшись в саду, ребята заметно оробели: таким большим он был, этот сад. Дом «спекулянта» стоял в глубине, пугая черными окнами-глазами, и казался просто огромным.

– Вон какой отгрохал. Капиталист, – прошипел Костя. Слова «отгрохал» и «капиталист» были явно не из его лексикона. Костя любил повторять взрослые слова и делал это при каждом удобном случае.

– Почему капиталист? – тоже шёпотом спросил Вовка.

– Потому, – отрезал товарищ. Он не знал значения этого странного слова, но не сознаваться же в этом.

Костя по-взрослому нахмурился и приложил указательный палец к губам:

– Тихо! – потом кивнул головой вглубь сада. – Вон она.

Теплица стояла в стороне от дома и к ней от крыльца вела тропинка, усыпанная мелкими серыми камушками. Ребята, ста-

раясь не шуметь, выбрались из мокрой травы на эту тропинку и подошли к теплице. В торце домика из той же плёнки была «дверь» – серый вырезанный прямоугольник, а вместо замка – бельевая деревянная прищепка, наверное, чтобы ветром не открыло.

Костя первым вошёл в теплицу и присвистнул, забыв об осторожности:

– Вот это да!

Цветов было очень много. Они стояли, как солдаты, ровными рядами на зелёных длинных ножках и тянулись к пробивающемуся сквозь плёнку свету своими красными головками.

– Розы! – восхищённо сказал Вовка, выглядывая из-за Костиного плеча.

– Не-а, гвоздики, – со знанием дела заявил друг. – То, что надо.

Сзади послышался шорох, и ребята обернулись так быстро, что едва не сбили друг друга с ног. На них внимательно смотрели два больших глаза. Ниже, из полуоткрытой в странной улыбке пасти, сверкали огромные клыки. Это была здоровенная собака ростом чуть ниже Вовки. Она зловеще скалилась, тихо, но очень грозно рычала и не двигалась с места.

– У нас гости, Джек? – в теплицу заглянул бородатый человек, и собака исчезла, уступив ему место.

Она сделала своё дело, поймала грабителей, а теперь пришёл хозяин и уж он-то накажет незваных гостей, как положено. Бородач, нагнувшись, вошёл в теплицу. Потолок был низковат для хозяина цветов, и тот стоял, нависая над мальчиками, отчего у них просто душа уходила в пятки. Лицо «спекулянта» вдоль и поперёк бороздили глубокие морщины, борода белыми колючками торчала во все стороны, а глаза сердито сверкали из-под густых бровей. Он казался очень старым и страшным, но самое ужасное было то, что в руке он держал ружьё.

«Застрелит!» – с ужасом подумал Вовка.

– Дяденька! – вдрут завопил Костя. – Мы ничего, мы просто мимо шли, мы гуляем.

– Гуляете, говоришь, – зловеще усмехнулся страшный старик. – У меня в теплице, значит, гуляете. А ну говори, чего ты тут забыл?

Он поднял ружьё и прищурился. Было видно, что его не обманешь. Такой сам кого хочешь обманет. Глаза хитрые, злые – спекулянт, одним словом.

– Мы за цветами, – неожиданно выдал секрет Вовка.

– Вот те на! – удивился старик. Он, похоже, ждал, что ребята станут выкручиваться и сочинять, но вышло всё совершенно иначе.

– Мы для ветеранов, на праздник, – от страха у Вовки из головы вылетело всё, кроме правды, которая и вышла наружу, не заставив себя ждать.

– Для ветеранов? А если я тебя в милицию сдам? Как воришку? – старик задумчиво смотрел на «грабителей» и почёсывал седую колючую бороду.

– Не надо, дяденька, – насутился Вовка. – Мы правда для ветеранов. Сегодня же 9 Мая. Мы хотели им подарить цветы.

Хозяин теплицы прислонил ружьё к стенке, пошуровал в больших карманах и вытащил оттуда складной нож. У Вовки стукнуло сердце и провалилось куда-то в левую пятку: «Зарежет...» Сзади икнул Костя. Старый «злодей» раскрыл нож, перевернул его лезвием к себе и ткнул рукояткой Вовку в живот:

– Держи.

Затем он нагнулся, вышел в низенькую дверь на секунду и вернулся уже с большим пластмассовым ведром. Сунул ведро Косте прямо в руку и сказал, обращаясь к Вовке:

– Ты будешь резать, только режь пониже, у самой земли. А ты, – повернулся он к стоявшему в глубине теплицы Косте, – укладывай цветы в ведро, да смотри, не поломай. Знаю я вас.

Ребята стояли обалдевшие от такого поворота событий и не двигались с места.

– Марш работать! – рявкнул старик. От этого крика их подбросило на месте. Ноги развернули тела на 180 градусов, а руки сами собой потянулись к цветам.

– Да не халтурить мне тут! Приду, проверю. А ты, Джек охраняй! – с этими словами старый «спекулянт» повернулся и вышел.

Его место занял Джек. Он сидел, высунув язык, иногда скалил клыки и тихонько ворчал, от чего ребята принимались работать быстрее.

– И не сбежать, – подал голос Костя. – Вон какой бандитский пёс сидит.

Пёс зарычал, видимо, он хорошо понимал, о чём идёт речь.

– Только бы в милицию не сдал, а то папа узнает, – тоскливо вздох-

нул Вовка и остановился. Сзади раздалось ворчание «бандитского пса», и Вовка быстро заработал ножом.

Через полчаса, когда старик заглянул в теплицу, все цветы уже плотной компанией торчали красными головками из ведра.

– Справились, разбойники? А теперь дуйте сюда, да ведро возьмите, – он посторонился, пропуская мальчишек, подтолкнул их в спину к крыльцу и сам зашагал следом. Он сильно хромал, тяжело с хрипом дышал, но от ребят не отставал ни на шаг.

– Дяденька, – заговорил, оборачиваясь на ходу, Вовка. – Вы только милицию не зовите, мы больше не будем.

– Это мы ещё посмотрим, кого нам звать, а кого не звать. Ставь ведро и слушай.

Он присел на крыльцо, отдышался, вытерев пот с морщинистого лба, посмотрел на ребят внимательно. Сначала на одного, затем на другого и глухим голосом заговорил:

– Задание, значит, вам, разбойники. Возьмите-ка вы это ведро да пойдите на площадь к Вечному огню. Там уже поди народ собирается. Каждому, кто в форме, да с медалями, цветы будете дарить. И смотрите, чтобы всем хватило.

– А вы? – спросил Вовка. Он уже ничему не удивлялся. Только устал немного. И ещё руки от непривычной работы болели, а страха уже не было. Он понимал, что старик не такой уж и злой. Джек вон тоже совсем не злой. Строгий, умный, но не злой.

– А я попозже подойду. Проверю. Ступайте, да смотрите мне там. Ежели сбежите, я вас из-под земли достану и в милицию сдам, – старик грозно нахмурился и погрозил пальцем.

***

Ребята шли сначала молча. Держали большое ведро с двух сторон: один левой рукой, другой правой. Потом Костя произнёс:

– А здорово вышло! Теперь всем ветеранам цветов хватит.

– Ага, – ответил Вовка. Он думал о старике и его собаке, а ещё о том, как хорошо всё вышло. Только бы старик не сдал их в милицию. И на площадь надо успеть, пока ветераны не разошлись.

У Вечного огня уже играла военная музыка и было очень много людей. Больше всего было стариков. В шинелях, гимнастёрках. В чёрных солдатских сапогах. Но главное, что сразу бросилось в глаза ребятам, – это ордена и медали. Они сверкали на каждой груди, начищенные

заботливыми руками своих хозяев. Где-то наград было так много, что они закрывали всю грудь, до самого пояса. А где-то – одна, две. Но, несмотря на это, все были равны: люди с полосками на погонах обнимались с теми, у кого на плечах сияли большие звёзды. Здесь не было различий между рядовыми и генералами. Праздник – один на всех, и он их уравнивал в звании. Сегодня все были рядовыми и генералами одновременно.

А ещё было много слёз. Так странно смотрелись эти слёзы на изъеденных морщинами щеках. Но те, кто проливал слёзы, и те, на чьи плечи они капали, не стыдились этого, а только крепче сжимали руки, обнимаясь изо всех сил, словно в последний раз. Они обнимались, плакали и смеялись, глядя друг другу в лица, высматривая там что-то знакомое только им одним.

То тут, то там в толпе появлялись люди со странными знамёнами над головой. Вместо полотнища к древку была приколочена табличка. И на каждой надпись: «39-й мотострелковый полк», «17-я гвардейская стрелковая дивизия», «204-ая воздушно-десантная бригада». По этим табличкам солдаты находили своих друзей. Вокруг людей с табличками собирался народ. Где-то побольше, где-то поменьше. И везде обнимались, пели песни, а в одном месте даже плясали. Гармонист в серо-зелёной гимнастёрке играл задорную музыку, и под эту музыку отплясывали человек пять или шесть, лихо хлопая себя по сапогам.

Вовка и Костя бродили в этой толпе, глядя снизу вверх на плачущие и смеющиеся лица, каждому вручали по цветку, а иногда по два и говорили:

– С праздником вас! С 9 Мая! С Днём Победы!

Им отвечали:

– Спасибо милые! Какие молодцы! Здоровья вам, ребятушки!

Наконец они подошли к самому Вечному огню. В ведре остались последние три гвоздики.

– Вон ещё один, давай ему подарим, – кивнул головой Костя на одиноко стоявшего старика в солдатской гимнастёрке, чёрных сапогах и пилотке на седой голове. Тот держал в руках табличку «365-ая стрелковая дивизия». Только рядом с ним никого не было. Он стоял и держал свою табличку-знамя как часовой на посту.

– С праздником дяденька! – Вовка протянул старому часовому цветы и не отдал, а так и остался стоять с открытым ртом.

В гимнастёрке, залатанной во множестве мест, застиранной до серого цвета, стоял утренний знакомый-«спекулянт». Он внимательно смотрел на ребят и еле заметно улыбался.

– Ничего себе! – Костя налетел сзади на Вовку и уставился на старого солдата.

– Что, не узнать меня? А я вот он какой, бравый генерал, – старик подмигнул ребятам.

– А где же ваши? – Вовка головой показал на табличку.

– Так нет никого. Один я остался, – старик посмотрел куда-то вдаль, выше Вовкиной головы. – А они там, подо Ржевом. Лежат, стало быть, в земле сырой.

– Что, все? Ну хоть кто-то остался?

– Нет, милый, – старик вытер колючую щёку серым рукавом. – Я тут каждый год стою, и ещё никто не пришёл.

Ребята молчали. Они смотрели на табличку и на старого солдата. Потом Вовка тихо сказал:

– А можно мы с вами постоим?

– Пстой, внучек, постой, – старик снова вытер рукавом щёку.

И опять его взгляд оправился куда-то за горизонт. Наверное, он видел город Ржев и своих друзей, живых и здоровых, молодых и полных сил.

Так они и стояли, слушая музыку, речи выступающих и раздающиеся отовсюду голоса.

А потом, когда отыграл оркестр, отзвучали разговоры и все стали расходиться по домам, старик повернулся к ребятам и сказал глухим хриплым голосом:

– Поди уж дома заждались? Так вы идите, ребятки.

Вовка поставил пустое ведро на землю, постоял немного, будто хотел сказать что-то важное, повернулся, чтобы пойти, потом повернулся снова:

– До свидания, дяденька.

– До свидания... – эхом повторил Костя.

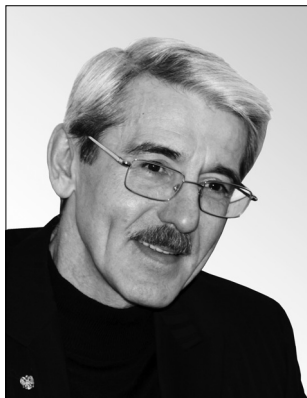
– И вы бывайте здоровы, – ответил старик.

Они пошли с площади, но Вовка вдруг остановился и вернулся назад:

– А можно мы на следующий год придём?

– Ну что ж, приходите, коли хотите.

– Мы обязательно придём! – уже на бегу крикнул Вовка и бросился догонять друга.

Карнук Евгений Семёнович

Родился 6 апреля 1958 года в городе Черногорске Красноярского края.

В настоящее время директор музея Курского института социального образования (филиал) Российского государственного социального университета.

Архивный исследователь, генеалог, писатель. Автор книг «Русская сторонка», «Сибирская сага», сборника рассказов «Ах, Жора...».

Секретарь правления Курского регионального отделения Союза писателей России.

ПАШКА

Пашке Толмачёву не везло, можно сказать, с зачатия. Вернее, оказывался он виноват там, где и провиниться не мог при всём желании. Начать с того, что мать прижила Пашку неизвестно от кого. Мать, конечно же, знала Пашкина отца, только ему о том никогда не говорила, а Пашка спросил только раз и понял, что задал ей больной вопрос, и уже больше никогда не пытался прояснить своего происхождения.

Всегда добродушная мать любила Пашку так, что в голод 1932 года сгинула через ту любовь. И остался Пашка в пять лет сиротой, хотя и не совсем: бабка ещё жива была. Она и сказала, что Пашка виноват в смерти матери, мол, она все крохи ему отдавала, сама картофельную кожуру ела, а полугодичная кожура ядовита... На пятилетнего Пашку навалились тогда вина, горечь, бессилие и обида, навалились так, что ком подкатил к горлу и образ седенькой бабки в застиранной неопределённого цвета кофте и залатанной во всех возможных местах юбке поплыл перед глазами. Пашка даже не понял, что плачет.

О матери у Пашки осталось одно светлое воспоминание, как под вечер она забиралась к нему на печь, укрывалась с ним пыльным овчинным полушубком, Пашка прижимался к её груди, а мать пальцами перебирала на его макушке пряди волос. Пашке становилось так тепло и уютно, что он мгновенно засыпал...

Весь последующий год голод был страшный, Пашка уже доходил

от истощения и вряд ли выжил, если бы по зову бабки не приехал её старший сын – Пашкин дядька. Здоровенный, загорелый, громогласный мужик в хромовых сапогах, в военной форме, перетянутой кожаными ремнями, с орденом на груди – песня, а не дядька! К тому же, по Пашкиным меркам, дядька был сказочно богат: привёз и выложил на стол пять буханок хлеба, куль муки, куль крупы, шмат сала... По словам бабки, только таким мужественным командирам, как её сын, кроме почёта, наград и уважения, ещё и усиленное довольствие полагается...

Дядька привёз Пашке гостинец, название которого на всю жизнь впечаталось в Пашкину память, как только он разжевал кусочек лакомства, что отрезала бабка от дядькиного подношения, – эклер! Такой вкусности и представить себе нельзя! Бабка целый месяц нарезала по тоненькому ломтику, и даже когда пирожное зачерствело и начинка прогоркла, всё равно Пашка слюной исходил от одной мысли о нём. Худо-бедно пережили они с бабкой и ту голодную весну.

В 1939 году одиннадцатилетний Пашка стал работать в колхозе и ему наравне со взрослыми начисляли трудовни – один за три дня двенадцатичасовой работы, а осенью – по четыреста граммов зерна на каждый трудовой день. Если бы по столько муки давали, ещё можно было бы как-то прожить, но о такой щедрости колхозного правления не мечтали даже трактористы...

В сентябре дядька приехал в легковой машине с персональным шофёром, и завидовала тогда Пашке вся деревенская ребятня. Дядька отпраивался куда-то воевать и решил устроить прощальное застолье в городской гостинице, куда и повёз Пашку с бабкой и где дожидались встречи его жена и дети.

Пашка впервые оказался в городе, у него зарябило в глазах от людей, машин, трамваев, домов в пять этажей. В Курске была совсем иная жизнь, чем у них в деревне. Наверное, в городе жили одни герои, думал Пашка, потому как только отличившимся людям полагалась такая красивая жизнь... И Пашке стало невыносимо стыдно за свои самотканые залатанные штаны, за застиранную футболку, из которой он давно вырос, за босые ноги, будто весь Пашкин облик объявлял, что он-то, безотцовщина, себя никак не проявил и оказался в городе незаслуженно!

Утвердился Пашка в своих догадках, как только очутился

в просторном, наполненном светом гостиничном номере, где увидел своих братьев в фабричных вещах, в белоснежных сорочках с накрахмаленными воротничками, а сестра в платице с оборками и рюшками показала ему принцессой. Но сразило Пашку другое: в центре стола стояло огромное блюдо с теми самыми эклерами! Количество пирожных прямо кричало о сытости, достатке и городском расточительстве. Рот не просто наполнился слюной, а предательски залил его, и Пашка, краснея, позорно слатывал её, пока не догадался отвернуться от этого невыносимого зрелища. И потом он сидел за столом и молчал, аккуратно, с уважением ел котлету с картошкой, пожаренной на настоящем сливочном масле, пил молоко, отведал ломтик мармелада, но так и не посмел взять хотя бы один эклер...

... Война докатилась до деревни очень быстро: провода мужиков, далёкие поначалу раскаты грома, тревога, отступающие наши части, эвакуация, бомбёжки, и вот они – немцы!

В деревне фрицев не было, а вот в ближайшем селе стояла рота охраны авиационной эскадрильи. Немцы были не злобные, скорее наоборот. В деревне быстро пронёсся слух, что у гителровцев можно разжиться жратвой, и вскоре, чтобы пресечь раздражавшее немцев попрошайничество, оккупанты стали один раз в день кормить при кухне всю сельскую ребятню. Пашка из-за забора наблюдал, как немцы усаживали детей, сбегавшихся в полдень к дымящимся котлам за столы, кормили всех мясной кашей, но запрещали что-либо уносить с собой. После того как поели дети, немцы принялись обедать сами.

Пашка тоже было решил попытать счастья, но сельские пацаны погнажи чужака восвояси. Но не мог Пашка в тот момент уйти и кружил, как беспризорный пёс, у летней кухни: дух свежесваренной тушёнки стоял такой – голова шла кругом... Пашка догадался, что фриц в серой шинели, пролаявший: «Ком цу мир», зовёт именно его, и уже через мгновенье, не жуя, глотал обжигающую рот и язык кашу и даже исхитрился стащить краюху хлеба.

Потом немцы ушли из села, оставив комендатуру с полицаями, а на дорогах появились отступающие словаки. У них не было даже лошадей, они шли пёхом, потрёпанные и истощённые. Словаки просили у жителей чего-нибудь поесть, и им подавали, хотя сами перебивалась с хлеба на воду... Подавали из сострадания к измученным людям, пусть и оккупантам, но всё же славянам... Речь их походила

на русскую, и от них селяне впервые узнали о разгроме фашистов под Сталинградом и что Гитлеру скоро конец.

В зиму 43-го словаки устали своими телами обе обочины деревенской дороги: присаживались в сугроб отдохнуть и замерзали. Околевших не хоронили и не убрали ни соотечественники, ни немцы, ни полицаи. Так они скрюченные провалялись до весны, пока не растаял снег. Тогда деревенские бабы перетаскали тела в овраг и прикопали ещё мёрзлой землёй.

Потом пришли румыны, умерла бабка, и Пашка остался совсем один. Он уже окреп, выглядел со стороны как деревенский мужичок, ходил в бабкиной телогрейке, собачьей шапке, нахлобученной на вихрастую голову, и только детское лицо и не знавшие бритвы щёки выдавали в нём подростка.

В июле началась такая бойня, что ясный день от пыли дыма и копоты превратился в ночь. Бились долго, пока немцы не выдохлись окончательно и не принялись отступать. Наконец пришли НАШИ, и Пашка радовался и кричал первым появившимся в деревне разведчиком: «Ура-а-а!». Навстречу бойцам летела сломя головы деревенская ребятня и наперебой сообщала все необходимые им сведения. А вскоре после разведчиков появились пехотинцы. Из спешившей к ним толпы ребят вырвался вперёд радостный Пашка и... увидел небо в алмазах!

Командир неожиданным ударом свалил счастливого Пашку:

– Что, крыса оккупационная, радость выказываешь?!

Пашкины сверстники опешили, мелюзга – врассыпную...

Офицер, склонившись над пытавшимся подняться с земли Пашкой, спросил:

– Сколько лет?

– Пятнадцать, – честно ответил испуганный Пашка, но то ли разбитый в кровь рот выдал не совсем отчётливый звук, то ли офицер намеренно сделал вид, что ослышался...

– Семнадцать? Очень хорошо! Для начала поработаешь, – объявил пехотный командир и приказал следовать за ним. Пашка не стал его разубеждать, чтобы не получить ещё одну зуботычину или чего хуже...

Это было мобилизационное отделение 4-го танкового корпуса 40-й Красной Армии генерала Кравченко. Верховный Главнокоман-

дующий к тому времени делегировал мобилизационные полномочия частям, освобождающим оккупированные территории. Из всех собранных по деревне 17 – 19-летних парней и 50-летних мужиков, «мобилизованных передовыми частями», как много времени спустя записали в Пашкиной красноармейской книжке, он оказался самым молоденьким. И рыл Пашка всю ночь вместе с другими «фашистскими пособниками» братскую могилу героически погибшим танкистам корпуса, и предательский комок подступал к горлу, и двоилось от слёз в глазах... А что Пашке довелось испытать в последующие полгода, врагу не пожелаю бы во сне увидеть!

Безоружных «мобилизованных» бросали в атаку, и они должны были, преодолев триста метров пристрелянного немцами поля, добыть себе оружие во вражеском окопе в рукопашной или в лучшем случае подобрать винтовку погибшего советского бойца. Приходилось Пашке живой мишенью скакать как зайцу на линии прямого огня, и вынимать винтовки из намотанных на них кишок, а один раз его собственные внутренности чуть не разбросало по траншее, он чудом спасся от разорвавшейся в метре от него немецкой гранаты.

Пашка собирал трофеи в захваченном вражеском окопе и наткнулся на труп офицера СС в чёрном мундире, непонятно как оказавшегося среди «серых» фрицев пехоты. Эсэсовец лежал ничком, подмяв под себя автомат, ствол которого на три четверти выглядывало из-под тела. Пашка резко рванул убитого на себя, как вдруг скатилась к его ногам потревоженная рывком граната и чека от неё на Пашкиных глазах отскочила... И Пашку обдало жаром от мысли, что у него осталось четыре секунды жизни и, слава Богу, он напрочь забыл то, чему учили: быстро упасть на землю – тогда бы точно кранты! Детский страх заставил кинуться вон, и в следующую секунду Пашка, оттолкнувшись, как от ступеньки, от груди эсэсовца, вылетел из двухметрового окопа в момент взрыва. Очнувшись под комьями земли и грязи, он не сразу сообразил, что ранен, подумал, обмочился, как в первом бою... Но шок скоро прошёл, и боль дала о себе знать. Осколок всё-таки зацепил ногу выше лодыжки. Но Пашка пожалел в тот момент не свою изуродованную конечность, а ещё живой бабкой пошитые из самотканки штаны, превратившиеся в окровавленные лохмотья: где ж он теперь возьмёт другие?

Пашка окончательно выбился из сил метрах в пятидесяти от сво-

их, когда его наконец заметили и полуживого оттащили в блиндаж. Санитарка что-то кричала оглохшему Пашке, но он её не слышал. Она наложила повязку на ногу, и это было последнее, что он смутно помнил. Очнулся Пашка уже в госпитале. Как потом выяснилось, с ним весьма серьёзно оскандалился командир роты.

В госпитале врачи возмутились, принимая бесчувственного Пашку, мол, что за бардак: солдатской книжки на раненого нет, одет в гражданское...

– Заштопали, и выкинуть его вон! – распорядился скорый на решения ротный, но майор-хирург потребовал предоставить на бойца книжку.

– Майор, зачем тебе это?!

Врач ответил просто:

– Знаешь, сколько я на него спирта извёл – страшно сказать...

– Да я тебе десяток таких приведу, спишешь...

Тот был непреклонен:

– Капитан, у тебя времени – до вечера!

– Да брось ты! Видишь же, он мобилизованный...

Врач упёрся:

– До вечера или... сам сдавайся особистам!

– Ты контуженный, майор?

– Если я не получу на этого бойца книжки, утром отдам кому следует рапорт о том, что у меня возникли большие сомнения в отношении прооперированного мною неизвестного бойца, доставленного в госпиталь в бессознательном состоянии и переодетого неизвестно кем и для чего в гражданскую одежду! Укажу, что подозрительно мне и настойчивое требование капитана Басистого списать этого бойца как несуществующего. И тогда моли Бога, капитан, чтобы этот мальчишка, очнувшись, не сказал, что ты его нарочно подорвал, забавляясь гранатой...

Через час красноармейская книжка Пашки Толмачёва лежала в столе хирурга, и вместе с нею капитан принёс полный комплект новенького солдатского обмундирования, включавшего вещмешок и совсем необязательный в таких случаях сухой паёк.

Но нескоро Пашка встал в строй, так как рана его оказалась серьезней, чем все думали. Списать Пашку по ранению не списали, а определили писарем на авиационный склад.

Здесь Пашка прижился, и скоро даже хромота его прошла, потому как «летуны» не знали, что он «оккупационная крыса», а кто знал, помалкивали или не придавали значения. И Пашка заметно приободрился, стал смотреть всем в глаза добродушно и открыто, потому как не читалось в них ни упрёка, ни раздражения по поводу его «оккупационного предательства».

4-я Воздушная армия, а с ней и головной склад стремительно перемещались на Запад, и в 45-м в Вене Пашка встретил Победу. Но его опять не демобилизовали, чему он очень обрадовался и отправился с эшелонам через всю страну на Восток – на войну с Японией!

Часть была в резерве Ставки и временно дислоцировалась в Забайкалье, но совсем недолго. Когда в августе война закончилась, открылась демобилизация, семнадцатилетний Пашка, получив на руки деньги и проездные документы, был уволен в запас по здоровью.

Куда податься? Возвращаться в свою деревню Пашка решительно не желал! Именно там он оказался в оккупации, там об этом знали все, и неизвестно, как у него сложится на родине, если, к примеру, особыты заинтересуются его прошлым... А ну как расскажут соседи, что он бегал в село подкормиться у оккупантов?! Подумать страшно, что тогда... Решат: если кормили, значит, пособничал фашистам, и попробуй тогда докажи, что всех детей кормили... И забытая уже тревога вновь вернулась к Пашке, когда ехал он на запад в товарняке в компании шумной солдатской братии, среди которой ему одному было не до веселья.

В Красноярске Пашка неожиданно для себя отстал от своего следовавшего на Москву эшелона. Прихватив вещмешок, выпрыгнул из душного вагона на перрон: что за станция? Красноярск? Ну что ж, посмотрим, что за город! На привокзальной площади закурил папироску... Тут Пашку и заметил патруль: «Документы! Куда следуете? Причина задержки?» Пашка перепугался не на шутку и стал сочинять, что случайно отстал от поезда и теперь решил посмотреть понравившийся ему город, а вечером попытается отбыть к месту назначения попутным эшелонам... Офицер сразу отметил испуг и враньё проверяемого и, продолжая задавать вопросы, по второму кругу принялся изучать все Пашкины документы. Потом ещё раз внимательно посмотрел на Пашку и неожиданно улыбнулся:

– Всё нормально, рядовой Толмачёв! Не тушуйся! Никакого обязательного для тебя места назначения уже нет.

Вернув Пашке документы, лейтенант добавил:

– Гуляй себе, сколько хочешь и где хочешь: ты теперь птица вольная!

И Пашка в ответ улыбнулся, аж хрюкнул от удовольствия и прокричал вслед удаляющемуся наряду:

– Спасибо, товарищ лейтенант!

Тот обернулся, погрозил пальцем:

– Не забудь на учёт встать!

А дальше всё завертелось с калейдоскопической быстротой: через неделю Пашка был зачислен учётчиком в лесозаготовительную контору, через месяц возглавил под Красноярском на притоке Енисея отгрузочный сплав, а ещё через месяц женился. Вот здесь Пашке повезло несказанно!

Встретились они случайно. Маша попутчицей подкатила к конторе в его полуторке и, неудачно спрыгнув из кузова, подвернула ногу. Пашка мгновенно оказался рядом, взял девушку под руку, довёл до скамеечки: «Больно?» Заглянул в глаза и обмер! Глубина распахнутых девичьих глаз открывала такую необыкновенную душу, что во рту у Пашки пересохло... Близкой ему была эта душа, такой близкой, родственной! И девушка прочла Пашкин взгляд, и лицо её сразу стало суровым. Она поправила юбку, буркнула: «Ничего страшного, пройдёт...»

Пашка нашёлся мгновенно. Коротко свистнул в сторону полуторки, распорядился:

– Дядя Серёжа, свежи девушку в больницу!

– Не беспокойтесь, я сама... Ой...

Шофёр, недавний фронтовик, лыбясь во весь рот, развернул машину и подал правый борт прямо к лавочке с пострадавшей, обдав Машу и Пашку облаком пыли. Выпрыгнув из кабины, весело спросил:

– Что, Маруська, серьёзная авария?

– Ничего страшного. Вы меня домой... коль начальник ваш позволит...

Дядя Серёжа вдруг стал хмурым:

– Да! Он парень хороший, а вот ты – дурёха! Ты его не отпихивай: их таких целёхоньких-молоденьких не больно много возвращается...

Девушка зарделась, поднялась с лавки и на одной ноге запрыгала к машине. Схватив шофёра за руку, оперлась на неё.

– Скажете тоже... – бросила короткий взгляд на обалдевшего Пашку. – Аж неудобно перед человеком...

А потом дядя Серёжа «случайно» указал Пашке дом, где с матерью проживала Маруся, и около которого в тот же вечер Пашка её подкараулил, поинтересовался здоровьем и предложил сходить в кино. Через две недели они с Машей расписались, и Пашка на правах зятя занял с женой комнату в доме тещи.

Счастью молодожёнов не было предела! Пашка спешил с работы домой, чтобы поскорей оказаться рядом с Машей, увидеть её милое лицо, ответить счастливой улыбкой на добрый взгляд её зелёных глаз, после умыться и усесться за стол, любоваться, как она хлопочет с обедом. А когда Пашка принимался хлебать из глиняной миски, Маша усаживалась напротив, подпирала голову и смотрела, как он уплетает приготовленные ею щи. «Если на свете и есть счастье, то оно выглядит именно так», – как-то поймал себя на мысли Пашка в такую минуту.

Продолжалось это счастье три месяца, пока Пашку не вызвали в военкомат...

– Ты чего встревожился? – почувствовав неладное, поинтересовалась Маруся.

Пашка замялся:

– Да так... Вдруг призовут...

– Паш, – Маша подошла вплотную, заглянула в глаза, – кто тебя, уволенного по ранению, призовёт? Ты чего от меня скрываешь?

Пашка покраснел, потупил взор:

– Ничего я не скрываю! Ты же знаешь, что я призывного возраста и не отслужил положенного срока...

В кабинете у военкома с Пашкой случилась истерика. Как оказалось, вызвали его для вручения награды, да не одной, а сразу двух, но Пашка упирался, ругался и доказывал, что никаких медалей он не заслужил!

Капитан-военком, заражённый Пашкиными сомнениями, достал из шкафа дело, уселся за стол. Беззвучно шевеля губами, пару минут изучал бумаги, после чего хмыкнул и сказал:

– Может, что-то и напутали. Всякое бывает, парень. Давай проясним... Где и когда ты службу начал?

– Под Курском в сорок третьем в четвёртом танковом корпусе сороковой армии, позже – в пятом Сталинградском...

– Та-ак! – согласился военком. – А дальше...

– Триста десятый головной авиационный склад! – подчёркивая всю важность этого сообщения, чуть не прокричал Пашка.

– Я не глухой, – заметил офицер, – продолжай... Армия? Фронт?

– Четвёртая Воздушная армия, второго Белорусского фронта, второго формирования.

– Всё верно... Так вот, дорогой товарищ! 4-я Воздушная армия принимала активное участие в боях за взятие Вены. Так или нет?

– Ну...

– Что ну? Забыл, где находишься?!

– Так точно, товарищ капитан, принимала.

– А раз принимал, то получай свои медали «За взятие Вены», «За Победу над Германией» и не морочь мне голову.

– Но я-то Вену не брал! Я в боях в Австрии вообще не участвовал, на складе сидел, понимаете!

– Да пойми и ты, дурья башка, что без твоего сидения, как ты говоришь, на складе не состоялось бы и удачных авианалётов в Восточной Пруссии.

– А я их и не совершал...

Военком pokrылся пятнами:

– Верховный Совет постановил наградить медалями «За взятие Вены» весь личный состав четвёртой армии! Ты что же думаешь, Верховный Совет заблуждался, принимая такое решение?!

– Никак нет!

– Тогда забирай свои медали и не морочь мне голову!

– Не положены мне награды... Тем более «За Победу над Германией», где меня и в помине не было.

– Опять начинаешь?! – рассердился офицер и вдруг рявкнул:

– Раздевайся!

Пашка занервничал:

– Зачем?

– Рядовой запаса Толмачёв, приказываю вам раздеться до трусов! – потребовал военком.

Перепуганный Пашка скинул с себя одежду и в полуголом виде встал перед капитаном «смирно». Тот обошёл его сзади и заорал, указывая на изуродованную правую икру:

– Вот это что такое?

– Ранение, товарищ капитан.

– Где и когда получено?

– Под Курском в сорок третьем.

– Так что ты мне голову морочишь?

– Ранение получено мной не в боевых условиях!

– Да чёрт тебя раздери! Не было других условий в сорок третьем под Курском!

– Я после боя в немецком окопе фрица перевернул, а под ним граната...

– Господи, да лучше бы ты подорвался на ней с концами! В деле у тебя записано про твоё боевое ранение, понимаешь? Боевое! Ты в захваченном тобой же окопе подорвался. Понимаешь?

– Никак нет! Окоп танкисты взяли, а я уже за машиной...

Военком, пристально посмотрев на Пашку, приказал одеться и, усаживаясь за стол, доверительно спросил:

– Послушай, Толмачёв, скажи мне откровенно, почему ты не хочешь брать наград?

– Да не заслужил я их, товарищ капитан! – чуть не плача сообщил Пашка.

– Ты, вот что, ты присядь, Толмачёв. Ты, я вижу, парень ещё совсем молодой и многих вещей не понимаешь... Смотри, что у нас с тобой получается. Я отправляю твои медали обратно в наградной отдел с запиской, где укажу, что рядовой запаса Толмачёв отказался от высоких наград Родины...

Пашку обдало жаром, и его испуг не остался незамеченным. Нащупав брешь в Пашкиной «обороне», военком стал целенаправленно бить в эту точку.

– Ты понимаешь, что такими вещами не шутят? – напустив на себя озабоченный вид, капитан определил: – Диверсией это попахивает, парень...

Пашка был загнан в угол. В самом деле, не сознаваться же ему было здесь в своё «оккупационное пособничество», за которое он, как сам считал, сполна заплатил в окопной Курской мясорубке и

думать забыл о том. Так нет, напоминают... Не мог же Пашка в открытую сказать этому капитану, что ему, как бывшему «пособнику», не положены награды. Медали – это перебор... За такой перебор и спросить могут: «А как же ты, боец, отсиживался у немцев, а после примазался к не тобой свершённому подвигу и принял ошибочно выданные тебе медали?!»

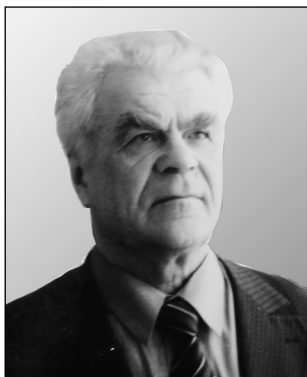
Видя Пашкино замешательство, капитан заговорил примирительно, по-отечески:

– Послушай меня, старика, сынок, выбрось из головы глупые сомнения, бери свои награды и никогда никому не говори, что ты их не заслужил!

... Взял Пашка медали, потому как выбора у него не было. И жгли они ему руку всю дорогу до дома. И его Маруся, только завидев виновато-растерянного Пашку, поняла, что произошло нечто ужасное, и тогда Пашка начистоту рассказал ей всё! Он даже не заметил, как среди прочего случайно «сознался», что на два года младше Маши и ему на данный момент восемнадцать лет, а не двадцать, как следует из документов. Сие признание выскочило само собой в контексте сумбурного Пашкина рассказа о том, как началась война, как в 41-м немцы заняли село и как он ел их кашу; как сочувствовал отступавшим словакам; как пришли наши и на правах полуштрафника он рыл могилы, ходил в атаки, скакал мишенью и собирал оружие... И Маша ревела в голос во время Пашкиных откровений, а потом вдруг бросилась обнимать и целовать его, и у самого Пашки из виноватых глаз текли обидные слёзы и ком колом стоял в горле...

Когда со временем Пашка обрёл житейскую мудрость, все его опасения улетучились сами собой. Но никогда Пашка не носил своих медалей, никому их не показывал и вообще не любил разговоров о войне.

Попов Лев Алексеевич

Родился 14 мая 1936 года в городе Верхнеуральске. Старший лейтенант в отставке.

Образование высшее. Автор ряда книг о Великой Отечественной войне. Лауреат премии имени В. П. Бирюкова, лауреат премии имени Ф. М. Старикова, лауреат конкурса Международного союза славянских журналистов «России верные сыны». Награждён памятной медалью «65 лет Победы в Великой Отечественной войне».

ВETERАНЫ ПЕХОТЫ Г. Е. КОПАНЁВ

Сооружение Челябинского металлургического завода отличалось высоким уровнем специализации строительных и монтажных работ. В предпусковой период до 50 различных организаций работали одновременно на объектах. И каждая из этих организаций имела свои интересы, свои цели. Достичь слаженности в их работе было не просто. Поэтому на помощь руководителям стройки приходили общественные организации. Например, собирался совет профсоюзных организаций строительно-монтажных управлений, участвующих в строительстве, и назначал профорга стройки, должность которого многие годы занимал Глеб Евдокимович Копанёв – человек энергичный, с большим жизненным опытом, ветеран Великой Отечественной войны.

О своем участии в войне Г. Е. Копанёв вспоминал просто, непринуждённо, так, как будто всё то, о чем он говорил, происходило совсем недавно:

«Бой длился недолго. Застигнутый врасплох враг бежал. Наше подразделение заняло село. Было жарко. Ярко светило солнце. Измученные боями и переходами, солдаты располагались на траве в тени деревьев и построек, радовались, каждый по-своему, наступившим минутам отдыха. А я зашёл в избу и решил почистить оружие. И только разложил его на столе, как наверху послышались подозрительные шорохи. Из-под карниза

вначале посыпалась земля, а потом на пол брякнулся вот такой кинжал... И следом за ним спрыгнул здоровенный детина в форме немецкого ефрейтора.

С криком: «Немцы!» – я бросился в дверь. Все повскакивали, защёлкали затворами: «Где немцы?»

А следом за мной из избы, испуганно озираясь по сторонам, с поднятыми вверх руками вышел фриц. Остановился у порога и что-то бормотал на своём языке.

Оказалось, что во время боя он спрятался под карнизом, но долго там продержаться не смог и свалился чуть мне не на голову».

Рассказывая эту историю, Глеб Евдокимович улыбался. Но на фронте он попадал и в такие ситуации, в которых было не до смеху.

«Наша рота, вернее то, что осталось от роты, – рассказывал он, – двигалась через лес. И неожиданно натолкнулась на небольшой немецкий пикет. Разгромив его с ходу, не задерживаясь, рота продолжала марш, а я замешкался...

Пуля прожужжала под самым ухом. Я оглянулся и обомлел: шагах в пятнадцати матёрый недобитый фашист стоит на коленях и целится мне в голову. Инстинктивно я отпрянул в сторону и встал за дерево. От осознания, что меня убивают, перехватило дыхание, руки и ноги перестали повиноваться. Вот не могу самого себя заставить пальцем пошевелить, хоть плачь, а он палит и палит в дерево.

Но самообладание вернулось. «Пули меня не достают, – думал я, – и мне удастся остаться живым только в том случае, если я его убью». Нашупал спусковой крючок автомата, выбрал момент – и сразу после очередного его выстрела выскочил из-за дерева. И... И не промахнулся. Весь черепок ему снёс. Подобрал полевую сумку и вывалившийся из его рук парабеллум и – догонять своих.

Командир увидел:

– Ты это где взял?

– Да вот, – говорю, – ихнего офицера подстрелил.

– Молодец! Дай-ка сюда парабеллум, а то в моём нагане всего один патрон остался. А наган, если желаешь, можешь взять себе.

Взял я наган с одним патроном, положил за пазуху и долго носил его там. Так, на всякий случай».

По возрасту Глеб Евдокимович в подразделении был самым

молодым. И спустя много лет с большим уважением вспоминал о своих старших товарищах, передававших ему свою науку побеждать:

«Тишина. Холодный ветерок. Луна словно висит на дереве, запутавшись в ветвях. Прижимаемся плотнее к земле. Шагах в восьми от нас враг: окоп, пулемёт, два пулемётчика, они стоят к нам спиной, мы видим их каски. Пулемётчики о чём-то беседуют, одного из них мы должны взять живым.

Наконец-то слева, за оврагом, разорвали тишину резкие хлопки. Это Иван Максимович Кунтинин забрасывает гранатами блиндаж. Сразу же рвутся гранаты справа, за кустами, это наши ликвидируют основную огневую точку.

Пора! Командир привстал, стремительно, как тень – лишь кинжал блеснул в лунном свете – метнулся во вражеский окоп. Я за ним. Короткая схватка, опрокидываю пулемёт за бруствер, под ногами корчится в агонии один сражённый фашист, а где же другой? Неужели сбежал? Где он? Вот он! Оказывается, в окопе внизу выкопана ниша, он нырнул в неё и, оцепенев от страха, смотрит на нас оттуда. И мне показалось тогда, что глаза в темноте у него светятся. Вытащить из ниши его не удастся, он кричит и упирается руками в стенку. Пришлось прострелить ему руку, стал послушней, но время потеряно. У немцев переполох, повисли осветительные ракеты.

Добрались до проволочного ограждения, а проход, который мы проделали, пробираясь сюда, найти не можем. Вот ситуация... Но помогли сами же немцы. Они запустили очередную осветительную ракету, и мы увидели проход совсем рядом. Не дав себя обнаружить, ушли скрытно, стараясь как можно быстрее преодолеть нейтральную полосу.

Вскоре вспышки выстрелов с нашего переднего края стали совсем близко, почти рядом. Теперь нас в обиду не дадут, можно передохнуть. Сердце ещё колотится так, что кажется, вот-вот выпрыгнет, но уже легче...

Добытый нами «язык» дал командованию важные сведения. За эту операцию, – с гордостью говорил Глеб Евдокимович, – меня наградили медалью «За отвагу», – и добавил: – А воевали мы тогда под Витебском».

**Олейник Станислав
Александрович**

Родился и вырос в Пермской области. Окончил военное авиационное училище, Высшую школу КГБ СССР. Юрист. Участник боевых действий в Афганистане (1974–1987 гг.). Инвалид войны 2-й группы. Полковник в отставке (из Вооружённых Сил уволен на пенсию в 1991 году, на второй день после распада СССР).

Член Союза писателей России (Харьковское отделение).

ПОСЛЕДНИЙ БОЙ В ХАРЬКОВЕ. ОКТЯБРЬ 1941

... Харьков дымился, моросил мелкий дождик.

Командир 57-й бригады НКВД полковник Соколов, морщась, осторожно потёр обожжённую щёку, грузно вылез из канавы и недоумённо уставился на подполковника.

– Почему ещё здесь, подполковник?! И где твои люди?! Почему не выполняешь приказ?! Расстреляю сукиного сына! – он лихорадочно схватился за кобуру пистолета, совсем забыв, что тот находится в его левой руке.

В той же канаве, метрах в десяти, с автоматами в руках лежали во главе со старшим лейтенантом трое выделенных в его распоряжение бойцов. Они напряжённо наблюдали за действиями полковника.

– Подождите, полковник, хвататься за пистолет. Кобура-то у вас пустая. Если хотите стрелять – стреляйте, пистолет у вас в левой руке. Я со своими людьми оказался здесь, потому что мы не смогли форсировать Лопань. Мост взорван, а немцы на той стороне. Бригада в окружении. Я сейчас со своими бойцами попробую прорваться к центру города южнее вокзала, – и не дожидаясь реакции комбрига, махнул рукой ожидавшим в канаве бойцам во главе с Колесниченко, слегка согнувшись, зашагал вдоль железнодорожной ветки.

Устало догорали загнанные в тупики вагоны. С последним, неохотным треском рвались оставшиеся в них снаряды. Пожар на вокзале тоже затихал, затихала и перестрелка. Выжидали и те, кто защищал

город, и те, кто пытался его захватить. Моросящий осенний дождь затянул всё небо над сражающимся городом. И только на западе светились взрывами, почему-то беззвучные зенитные разрывы.

Полковник Соколов, потный, отбрасывая с лица правой рукой грязные потёки пота, зачем-то засовывая левой рукой в карман пистолет, хмурясь, смотрел на появившегося перед ним сержанта.

Сержант появился перед полковником внезапно. Потный, с растёгнутым воротом гимнастёрки, с автоматом в правой руке, он, с трудом переводя дыхание, доложил:

– Товарищ полковник, передаю устный приказ командира дивизии. Вам следует отвести бригаду в квадрат четыре. Немцы уже в городе...

Это последнее, что успела услышать и увидеть, покидая позиции бригады, группа подполковника Завьялова.

На противоположном берегу Лопани, куда перебралась группа, лежали убитые бойцы. Все они полегли при защите берега от наступавших немцев. Тут же валялись трёхлинейки.

Колесниченко, приостановившись, посмотрел на старшего группы. Подполковник зло уставился на него.

– Ты что, старший лейтенант, в похоронной команде служишь? А ну марш вперёд! Пристрелю к чёртовой матери! Забыл, какой у нас приказ? – подполковник угрожающе потряс перед его носом пистолетом.

... А в городе тогда был мягкий осенний день. Мелкий дождь лужами блестел на асфальтовых дорожках, каменных мостовых главной городской площади и улицы Сумской, уже потёртых гусеницами танков, усыпанных битым стеклом, пустыми снаряжными гильзами.

Перебегая от дома к дому по левой стороне улицы, добрались, наконец, до нужного места – парка Шевченко. Запрещающе махнув рукой старшему лейтенанту, хотевшему было построить трёх бойцов в одну шеренгу, он устало прошёлся по их лицам и коротко scomандовал: «За работу».

– Быстрее, быстрее, ребята! – плотный офицер в распахнутой шинели, с тремя шпалами на петлицах, нервно поворачивая голову на раздававшиеся в стороне центра города выстрелы, торопил бойцов, суетившихся вокруг свежевыкопанной ямы. Бойцы опускали в

эту яму покрытые защитной краской продолговатые ящики, – немцы вот-вот будут здесь.

– Все, товарищ подполковник, – подскочил к нему старший лейтенант. На петличках его мелькнули по три муаровых квадрата.

Подполковник пробежал усталыми глазами по лицу старшего лейтенанта:

– Помогите вылезти тем, кто там внизу и быстрее закапывайте.

Он наблюдал, как внизу двое солдат закрыли плитой проём, как подали им руки те, кто был наверху, и, не выдержав, взял лопату и стал помогать закапывать яму, забрасывая её сверху опавшей листвой.

Выстрелы уже были где-то рядом.

– Все за мной, – негромко скомандовал он.

И четверо бойцов во главе со старшим лейтенантом, похватав с земли шинели, автоматы, вещмешки, побежали за ним к небольшой сторожке...

Уже будучи в подземелье, подполковник пытался анализировать оборону Харькова. И пришел к выводу, что организованной обороны города не получилось. Не имея должной боевой выучки, советские части, оборонявшие Харьков, сразу же после того, как противнику удалось ворваться на окраину, поддались панике и стали поспешно отходить к его центру. Вследствие отсутствия необходимых средств связи и слабо организованного взаимодействия между частями и подразделениями командование и штаб обороны уже в первые часы боев за город практически полностью утратили контроль за действиями войск...

Ожесточенные бои под Харьковом и в городе закончились к исходу 25 октября 1941 года. В 22 часа 30 минут 300-я стрелковая дивизия получила приказ командующего 38-й армией генерал-майора Цыганова оставить занимаемые позиции и начать отход на Старый Салтов. Грунтовая дорога была настолько разбитой, что войска и повозки, запряженные парами лошадей, с большим трудом могли двигаться по грязи.

Центр Харькова опустел. По безлюдной улице Карла Либкнехта (ныне – Сумская) сквозь морозящий дождь медленно ехали чужие мотоциклисты. Под сапогами немецкой пехоты хрустели осколки стёкол, битый кирпич и патронные гильзы. Позади были

четыре месяца Великой Отечественной войны. Впереди – фашистская оккупация.

И уже в этот день командующий 55-м армейским корпусом 6-й армии, генерал Фиров издал приказ № 17:

– Солдаты! Харьков, третий индустриальный город России, взят. Этот гордый успех достигнут благодаря вашей отваге... Солдаты, мы гордимся вами. Только последующая история сможет полностью отдать должное вашей славе. Вы можете гордиться, что сделали большой шаг на пути к окончательной победе. Вперёд, к победе!

В небольшое окошко было чётко видно, как группа немецких солдат во главе с офицером свернула с проезжей части улицы и направилась по парку, в сторону сторожки.

Только успели над головой поставить плиту на место, как сверху послышались шаги. Все затихли, приготовили оружие. В кромешной темноте, подняв головы, выжидающе смотрели туда, где был люк. Что-то наверху упало, кто-то обо что-то споткнулся. Раздалась непонятная ругань, затем хохот. А затем всё стихло. Решили ждать до вечера. Часы со светыщимся циферблатом на руке подполковника показывали 17.00.

– Товарищ, подполковник! Товарищ, подполковник! – прямо в ухо задремавшему Завьялову донесся громкий шепот старшего лейтенанта Колесниченко. – Может быть, зажечь свечу да осмотреться. У нас есть дюжина свечек, я нашёл их в ящике в сторожке.

Подполковник стряхнул с себя дремоту, сразу всё вспомнил.

– Давай, зажигай, – также шёпотом дал он разрешение лейтенанту.

Раздалось чирканье спички о коробок, затрепетал огонек, затем вспыхнул фитиль большой церковной свечи.

Подполковник огляделся. Сверху из-под плиты опускалась лестница. Почти прямо под ней, свернувшись калачиком, спали сержант и два бойца. Каждый из них сжимал в руке ППШ. Справа от подполковника стоял старший лейтенант. В левой руке его был автомат, а в правой он держал горящую свечу.

– Не буди, – кивнул подполковник на спящих солдат, – пусть отдыхают, пока тихо. Так, – он снова взглянул на циферблат часов, – уже 21.30. Сейчас пойдём осмотрим это помещение, есть ли какие-то выходы.

Он сделал несколько шагов и остановился:

– Подойди сюда, тут, похоже, дверь. Посвети-ка.

Перед ними в свете колеблющего пламени свечи предстала опутанная паутиной, кованая металлическая дверь. Из замочной скважины торчала ржавая рукоятка огромного ключа. Повернувшись в сторону спящих солдат, подполковник осторожно попытался повернуть ключ. Но ничего не получалось. Ключ не поворачивался.

– Будем ждать утра, – негромко кашлянув, тихо сказал подполковник. – Сейчас, ночью, все звуки очень хорошо слышны... Утром нужно попытаться вылезти наверх и попробовать найти какой-нибудь фонарь... или свечей побольше. Неизвестно, сколько нам здесь находиться придётся. Старший лейтенант молча смотрел на подполковника.

Утро было таким же, как и вчерашний вечер, – полутёмное, слегка освещённое уже заметно уменьшившейся свечкой.

– Ну что, ребята, выспались? – подполковник, улыбаясь, смотрел на растерянные со сна лица сержанта и двоих бойцов. – Старший лейтенант, – обратился он к Колесниченко, колдовавшему над свечой, – давайте завтракать, а затем обследовать подземелье. Нужно искать из него выход.

– А как же, товарищ подполковник? – Колесниченко вопросительно повел головой в сторону закрытого наверху лаза.

– Это оставим на потом. Сейчас там, наверху, я уверен, немцы. Пусть они сначала обследуют здесь всё, а потом мы, если не найдем выхода и вернёмся назад, посмотрим...

– Товарищ подполковник, – когда все позавтракали, глухо произнёс старший лейтенант, – нужно думать, где брать воду. Фляги у всех почти пустые...

– Знаю, старшой, сам думаю об этом. Когда пойдём, смотреть внимательно по сторонам и внимательно слушать, где капает водица. Авось и найдём водичку.... Поняли, ребята? – подполковник подбадривающе улыбнулся «личному составу», который насчитывал всего четверых во главе со старшим лейтенантом.

– Так точно, – тихо и в разнбой ответил «личный состав».

– Ну вот и хорошо, – голос подполковника посуровел, – разобрать оружие, личные вещи и за мной. Лейтенант, крепче держи свечу, и пошли к дверям, попробуем открыть. – Он взялся обеими

руками за ручку ключа. Ключ со скрежетом повернулся, и дверь с железным скрипом приоткрылась.

– Так, ребята, проходите за дверь вслед за старшим лейтенантом, а я попробую её закрыть.

Дверь с трудом, но закрылась. Подполковник спрятал ключ в левую сумку, взял свечу у лейтенанта и со словами: «За мной» – пошел вперёд.

Неожиданно раздавшиеся душераздирающие крики заставили старого солдата, прошедшего Гражданскую войну, борьбу с басмачеством и пережившего трагедию отступления, похолодеть. Подполковник оглянулся на подчинённых. Все, как и он, остановились и замерли. В глазах их был испуг. А через секунду на всех обрушилась такая мёртвая тишина, которая показалась всем ещё более пугающей, чем услышанные ими стоны и вопли. Но поскольку назад никто и не думал возвращаться, немного постояв, все двинулись дальше. Остановились в каком-то помещении, похожем на зал. Из всех углов доносились возня и копошение. Тут, как и во всех заброшенных подземельях, похоже, было много крыс. Подполковник осторожно передал свечу лейтенанту, извлёк из кобуры пистолет и привёл его в боевое положение. Принял в левую руку от старшего лейтенанта свечу, тихо дал команду приготовить оружие и двигаться дальше. Но минут через двадцать перед ними возник тупик.

Простучав стену, подполковник убедился, что за ней не пустота, а огромная толща земли, поэтому всем пришлось вернуться обратно. Но едва впереди показался выход в соседнее помещение, как снова раздались душераздирающие стенания, о которых вновь у всех на голове зашевелились волосы. Кое-как осмотрев помещение, обнаружили два прохода, которые были завалены разным хламом. С трудом очистив один из них, путешественники поневоле наконец смогли двинуться дальше.

Первые пятьдесят метров прошли довольно быстро. Затем свод прохода стал заметно ниже, так что идти приходилось согнувшись.

И тут снова тупик.

На этот раз за тонкой кирпичной кладкой раздавался гул пустоты, а значит, группа могла двигаться дальше. И точно, после нескольких ударов прикладом автомата, стена поддалась... Заглянув в проём, подполковник увидел довольно странную и удручающую картину...

Среди целых полотнищ паутины они обнаружили каменный саркофаг, вокруг которого лежало до десятка женских скелетов в одежде времён средних веков, притом, судя по всему, умерших своей смертью. Потрясённые, все с ужасом смотрели на окружавшие их скелеты. Затем раздался треск ломающихся костей, и несколько скелетов в дальнем углу помещения разом рассыпалось. И почти сразу раздались хрумканье, какое бывает, когда кто-то ест сухари...

В неярком свете колеблющегося пламени свечи оторопевшие путешественники увидели двух огромных, размером с собаку, крыс, которые с аппетитом пожирали мумифицированные останки. Твари не имели глаз. Да они им и не нужны были в этой кромешной тьме. Почувствовав теплоту живых существ, грызуны замерли и стали принюхиваться, медленно направляясь в сторону группы. Подполковник и его бойцы, сбившись в кучу у саркофага, не знали, что и делать. При этом помещение, и так не отличавшееся чистым воздухом, заполнилось такой жуткой вонью, что почти всех начало тошнить. В тот момент подполковник дал команду стрелять в этих тварей. Грохот выстрелов заполнил все помещение. От сумасшедшего визга, который раздавался вслед за этим, бойцы, как показалось подполковнику, стали сходить с ума. Видя это, он громко скомандовал: «За мной! Старший лейтенант, прикрывай отход» – и, держа над головой свечу, бросился вон из этого склепа.

Как все оказались вновь перед коваными дверями, из которых вышли двенадцать часов назад, никто объяснить не смог... Подполковник передал огарок свечи лейтенанту и полез в полевую сумку за ключом, но там его не оказалось. Он в растерянности стал проверять карманы. Увидев, что тот что-то ищет, лейтенант тихо проговорил: «Товарищ подполковник, вы не ключ ищете?» И не дождавшись ответа, добавил: «Если ключ, то вот он, в замке». И показал на торчащую из замка железяку. Подполковник оторопело обвёл всех взглядом. Он не мог понять, как ключ оказался в двери, потому что твёрдо знал, что из сумки его не доставал...

И только попытался открыть замок, как шум за дверью заставил всех замереть. За дверью отчетливо слышались шаги и немецкая речь. Все затравленно переглянулись. Группа в прямом смысле этого слова оказалась зажата в подземелье. С одной стороны немцами, с другой – полчищами кровожадных крыс.

Подполковник предостерегающе поднял руку, чтобы все молчали, и заставил всех отступить от двери. Отдавая отчёт своим действиям, он приказал пересчитать оставшиеся патроны, которых оказалось мизерное количество. Во фляжках заканчивалась вода. Так что положение их, как говорят, было аховое. Оставалось только одно – погибнуть в бою с немцами. Приказав держать оружие наготове, он тихо подвёл черту своим мыслям:

– Так, ребята, будем выжидать. Подождём. Не будут же немцы устраиваться на ночлег в подземелье. Посмотрел на часы. Стрелки показывали 22.30. Всё время, что прошло с тех пор, как группа оказалась перед дверью, она провела в нервном напряжении. Было слышно, как немцы дважды подходили к двери, пинали её ногами и, громко переговариваясь, смеялись. Колесниченко, неплохо знавший немецкий, переводил:

– Один предложил подорвать дверь... Другой голос предостережёт, сказав, что там, за дверью много крыс, которые сразу ворвутся к ним и их разорвут. Первый предложил доложить лейтенанту, сказал, пусть решает сам.... Второй согласился и предложил выбираться из этого склепа. Предложил ящики с галетами и тушённой спрятать в этом склепе, сказав, что они им ещё пригодятся.

Цокающие подковами шаги стали удаляться, затем раздался скрежет, похоже, немцы ставили крышку люка на место, и тишина. Выждав полчаса, подполковник подошёл к двери и решительно повернул ключ. Дверь открылась, и все вновь оказались в подвальном помещении, которое оставили более чем двенадцать часов назад. На них, давно не куривших, пахнуло запахом табачного дыма. Трепыхавшееся пламя недавно большой, а сейчас маленького огарка свечи готово было вот-вот потухнуть.

– Старший лейтенант, где там твой запас свечек? Давай зажигай новую, – подполковник посмотрел на стоявшего рядом офицера.

Вспыхнувшее пламя новой свечи, как могло, осветило не так уже большое помещение. Только сейчас я обратил внимание, что высота его была где-то чуть более двух метров. Подполковник задумался о создавшемся положении. Патроны на исходе, воды нет. Нужно было что-то делать. Выход был один – прорываться наверх, в сторожку. Если там немецкий блокпост, уничтожить его, захватить оружие, провиант, а главное – воду...

– Товарищ подполковник, здесь какие-то ящики. Пара штук...

– А это, наверное, те галеты и консервы, о которых говорили эти архаровцы. Умыкнули, и спрятали. Можно вскрыть, товарищ подполковник? – лейтенант посмотрел на заросшее седоватой щетиной лицо своего командира.

– Нет, старший лейтенант, – подполковник отрицательно покачал головой, – сейчас не время. Сержант, поднимись по лестнице к люку и послушай, что там происходит. А мы присядем на эти ящики и помолчим.

Прошло минут двадцать. Сержант осторожно спустился с лестницы и тихо доложил:

– Тишина, товарищ подполковник, но там кто-то есть. Храпят.

– Так, бойцы, похоже, немцев наверху, в сторожке, всего двое, – подполковник обвел всех взглядом и, помолчав, добавил: – Сержант, возьми бойца покрепче, поднимитесь к люку и попытайтесь бесшумно его убрать с проема. Мы с лейтенантом прорываемся наверх, убиваем немцев... Постараемся без стрельбы. Она нам совсем ни к чему. Главное, чтобы немцев там оказалось двое.

Сержант с бойцом поднялись к люку. Третий боец держал в руке свечу, подполковник со старшим лейтенантом, приготовив ножи, стояли внизу у лестницы.

Выждав какое-то время, тихо скомандовал:

– Вперёд!

Люк с лёгким скрежетом приподнялся и глухо опустился рядом с проёмом. Сержант с бойцом, чтобы не заслонять офицерам путь, прыгнули вниз, а подполковник вслед за лейтенантом быстро вскочили наверх. Им повезло. На столе в сторожке тускло горел обыкновенный керосиновый фонарь. Тут же лежали два электрических фонаря. На полу поверх спальных мешков спали два немца. Рядом с ними лежали автоматы. Неожиданно один из них открыл глаза и с ужасом уставился на нас. Нужно отдать должное старшему лейтенанту. Он молниеносно бросился на немца и ударом ножа прикончил его. Со вторым, так и не успевшим ничего понять, расправился подполковник. И почти сразу негромко позвал бойцов подняться наверх. Приказав одному занять пост у небольшого окна, другому у двери, подполковник с лейтенантом и сержантом стали осматривать сторожку. Под столом обнаружили небольшую канистру с кероси-

ном. Набили оба ранца банками с тушёнкой, добытыми из стоявшего тут же на полу небольшого ящика. Взяв канистру и две фляги с водой, оба автомата, по паре рожков к ним с патронами и четыре гранаты с длинными ручками, прихватив фонарь, канистру с керосином, оба электрических фонаря и сапёрную лопатку, все быстро спустились вниз. Сержант с бойцом поставили на место люк.

– Так, бойцы, – подполковник с трудом переводил дыхание, – будем решать, как быть дальше. Тут нам оставаться нельзя. Нас забросят гранатами и сожгут из огнемёта. Нужно уходить. Берём с собой всё, что можем, и уходим ... Вы, ребята, – посмотрел он на Макаручука и Зубарева, – отдайте неизрасходованные патроны сержанту Гуринову и лейтенанту, а сами возьмите захваченные автоматы. Свои автоматы спрячьте там, за дверью.

26 октября 1941 года. Подполковник Завьялов делал записи в тетради, освещая пережитые события по прошедшим здесь, в подземелье, дням. Да, тогда точно было 26 октября 1941 года ...

Часовые менялись через каждые два часа. Мне досталось дежурить трижды. Слава Богу, всё прошло довольно спокойно. Но произошло то, о чем я, как коммунист, решил никому не рассказывать, боясь, что меня примут за сумасшедшего: я сидел у выхода с автоматом на коленях и всматривался в темноту, в которой осталась наверху сторожка. И вдруг где-то совсем рядом раздался скрип. Кто-то будто немного приоткрыл дверь. Я повернулся в ту сторону, но в свете прикрученного фитилька фонаря, кроме каменных сводов тупика да лежащих там спящих солдат и лейтенанта, никого не увидел. Но скрип раздался снова ... Оглянувшись, увидел древнего, одетого в монашескую одежду старичка, державшего в руке какую-то книгу. Неподалеку от него в каменном своде виднелась дубовая дверь на ржавых петлях ...

– Возьми эту книгу себе, – сказал повелительно старичок, – прежде чем нам с тобой снова встретиться, ты её должен прочитать. Эту книгу тебе просил передать мой друг-отшельник ... – и, видя мою окаменелость, вложил в мою протянутую руку книгу. – Обязательно прочитай, – добавил он и исчез за дверью.

Снова послышался скрип закрываемой двери, и всё смолкло. Словно очнувшись, я посмотрел в ту сторону, но никакой двери в каменном своде не было. Подумав, что мне всё от нервного чрезмер-

ного напряжения привиделось, я тряхнул головой и хотел провести рукой по лицу. Но в руке оказалась древняя книга. Я оторопело уставился на неё. Потом повёл взглядом по своду, откуда появлялся старичок, и судорожно вздохнул. Книга в руке говорила мне, атеисту, что все, что произошло со мной, – это явь...

Я, пробежав взглядом по спящим старшему лейтенанту и бойцам, не спеша спрятал книгу в полевую сумку и, прибавив фитиль фонаря, негромко подал команду: «Подъём!»

То, что я, отдавая команду немедленно уходить, был прав, подтвердило это утро, 26 октября. Где-то позади раздавались взрывы гранат. Мы насчитали их около десятка. Задержись мы там, от нас ничего бы не осталось.

Прошло три часа, как мы плуаем по лабиринтам подземного Харькова. Сколько километров мы прошли и где находимся, трудно предположить. Бойцы стали опускаться. Неряшливо выглядеть, никакой заправки, в глазах усталость, злость. Нужно было что-то предпринимать. На одном из привалов я подсел к старшему лейтенанту и, прикоснувшись к его плечу, тихо спросил:

– Ты заметил, что с ребятами что-то творится? В глазах столько отчаяния, злости, что мне кажется, они готовы пойти на всё. А пока поработай с бойцами над завалом. Я почему-то уверен, что тут и есть наш выход. С бойцами потом поговорим.

Я видел, как, сменяя друг друга, повеселевшие бойцы, работая сапёрной лопаткой, руками, споро выгребали из завала землю, очищая проход. И неожиданно замерли. Со стороны завала явственно слышалась работа автомобильного мотора и доносились неясные человеческие голоса.

– А ну тихо, ребята.

Я взял из рук бойца лопатку и, опустившись на колени, начал медленно пласт за пластом отгребать в сторону землю. Мешали корни кустарника, росшего там, снаружи на откосе. Неожиданно яркий свет, вырвавшийся из маленького отверстия в земле, больно ударил по нашим глазам.

Я прильнул телом к земле и приблизил лицо к отверстию. Перед моим взором предстал грузовик из кузова, которого выпрыгивали старики, женщины, дети. Вокруг стояли с автоматами немецкие солдаты. Громко раздавались крики: «Шнеллер!» «Шнеллер!».

Потом после команды «Фойер!» раздались прерывистые пулемётные очереди.

Я понял, фашисты расстреливают гражданское население, и, не отдавая отчёта своим словам, вполголоса скомандовал:

– К бою, ребята! Там расстреливают наших, советских граждан. И передёрнув пистолет, рванулся в земляной завал. Я знал, что бойцы пойдут за мной. Ослепленный ярким светом дня, я выстрелил в стоявшего передо мной немецкого солдата. Перехватив у него из рук автомат, открыл огонь по лежавшим за пулемётом немецким солдатам. Я не видел и не слышал стрельбу старшего лейтенанта и бойцов, но видел, как падают один за другим немецкие солдаты.

Стрельба закончилась. У нас потерь не было. Около пяти немцев вместе с водителем были уничтожены. Подошли к расстрелянным советским гражданам. Перед нами в овраге лежали двое стариков, один мужчина средних лет, четыре женщины и один ребенок...

– Товарищ подполковник! – передо мной вырос один из моих бойцов. – Посмотрите туда, – он показал рукой в сторону дороги. Оттуда в нашу сторону, рассыпавшись цепью, бежали до взвода солдат. До нас им оставалось метров двести.

– Вот чёрт, – выругался я, – похоже, снова нас загоняют в подземелье. Ну уж нет! Сержант, соберите автоматные рожки, пулемёт «МГ», ленты к нему, если есть гранаты, и все сюда. Будем драться!

Быстро оборудовав что-то наподобие бруствера, я дал команду залечь.

Спрятавшись за бруствер, мы выжидали. Как только стали различимы лица наступавших немцев, я дал команду открыть огонь.

После первой отбитой атаки, наступило минутное затишье. Я оглянулся на бойцов и спросил:

– Все живы? Раненых нет?

Только произнёс эти слова, как немцы пошли снова!

Немцы обрушили на нас всю силу своего огня. Раздалось несколько взрывов. Это уже было серьёзно – били миномёты.

– Танки! Товарищ подполковник, танки! – закричал сержант Гурин. Но голоса его не было слышно – только виден был широко открытый рот. Гимнастерка на сержанте была порвана. По заросшему юношеской щетиной лицу ползли грязные потеки.

– Танки!..

По шоссе шла танковая колонна. Один танк свернул и, выбрасывая клубы синего дыма от выхлопа, шёл в нашу сторону. Вот из ствола его пушки метнулся клубок дыма, и почти сразу метрах в десяти он нашей позиции разорвался снаряд.

Я пробежал по разгорячённым лицам бойцов взглядом и понял, нам здесь не удержаться. А героически погибнуть мы всегда успеем. Я взглянул в сторону приближающегося танка и скомандовал:

– Всё, что стреляет, с собой, и марш все назад!

И вот мы снова в подземелье. Там, где только что мы все были, раздался мощный взрыв. Туннель, из которого только что выбрались, оказался засыпанным земляным грунтом...

– Отдохнуть! – тихо скомандовал я и опустился на засыпанный земляной крошкой пол прохода... Я уже знал – в подземелье немцы не полезут. Зачем бы они тогда подрывали проход? Поэтому можно было и отдохнуть...

Когда бойцы заснули, я внимательно посмотрел на старшего лейтенанта и неожиданно спросил его о том, как он относится к тем событиям, которые иногда встречались нам под землей.

Старший лейтенант с испугом посмотрел на меня.

– Не бойся, старшой, я не провоцирую тебя, коммуниста, офицера НКВД, тут некому докладывать. Ну, что молчишь? Я ведь серьёзно, Игорь, – назвал я офицера по имени. – Ты хотя бы понимаешь, откуда у меня вот эта книга? Нет, не понимаешь...

Я хотел было лейтенанту рассказать про встречу со старичком, но, поймав настороженный взгляд, подумал, что тот решит, что я сошел с ума, и просто сказал:

– Вот нашёл, когда отдыхали в прошлый раз. Библия, а выбросить жалко, – и вздохнув, снова спрятал её в полевую сумку. – Ладно, Игорь, давай ложись рядом, ещё отдохнем часа два и пойдём дальше...

Шли часа два. Впереди – подполковник с фонарём в руке. Остановились только в каком-то помещении, оказавшемся обыкновенным склепом. Приподняли над головой плиту и в образовавшуюся щель осмотрелись. Перед ними было разгромленное помещение обыкновенной кладбищенской часовни. Всё было как-то смиренно, тихо, заброшено, пусто. Осторожно вылезли. Подполковник дал лейтенанту команду сразу осмотреться. Осеннее солнце начинало склоняться к

закату. Косые его лучи мягко золотили пожухлую траву старого кладбища, играли на покосившихся крестах, переливались в уцелевших осколках стекла на окна часовни. Было тихо, веяло спокойствием и глубоким миром заброшенного кладбища. Внутренность невысокого узкого здания, в котором находились бойцы, лейтенант и подполковник, была лишена каких бы то ни было культовых украшений. Лучи вечернего солнца свободно врываются в разбитые окна, пробегают по запутанным паутиной истлевшим колоннам.

– Все спокойно, товарищ подполковник, – лейтенант отпрянул от окна, поворачиваясь к командиру.

– Там вон какая-то бабка идёт, – подал голос сержант Гурин от второго окна.

– Куда идёт, в нашу сторону?

– Так точно.

– А ну затихли.

Подполковник выглянул в окно и, увидев проходящую мимо старушку, тихо окликнул её.

Старушка споро повернулась в сторону окна. Подполковник поднялся на ноги и, приложив палец к своему рту, молча поманил её в сторону входа.

– Ой, мои миленькие, да как же вы тут-то одни? Это не вы погубили немцев-то сёдни на Сумской? Весь город уже об этом гудит...

– Ладно, бабушка, – оставляя вопрос без ответа, – остановил её подполковник, – ты нам лучше расскажи, что там в городе? Далеко ли наши ушли?

– Ой, – всплеснула руками старушка, – в городе-то страх что происходит. На Сумской, на Благоевщенском рынке каждый день вешают людей. Расстреливают... А наши-то ушли в сторону Дона.

– Ладно, бабушка, спасибо за информацию. Ты уж, пожалуйста, никому не говори, что нас видела. А теперь иди, иди, бабушка, и если сможешь, приходи сюда завтра. Подполковник ласково провёл рукой по плечу старушки. Все молча смотрели ей вслед...

И снова подземелье. Вылезли из-под земли на опушке старого дубового леса. Сели на тёплые корневища деревьев, расстегнули грязные воротники гимнастёрки и с наслаждением вдыхали освежающую острую прохладу, овевшую их снизу, от бьющегося из оврага ручейка.

– Старший лейтенант, – подполковник устало посмотрел на заросшее какой-то пегой щетиной лицо Колесниченко, – дай команду ребятам наполнить фляжки водой. И мою возьмите, – подождав, когда тот вернется, продолжил: – Нам отсюда нужно немедленно уходить. Если немцы ещё не знают про этот выход, то с минуты на минуту узнают. Ты же убедился. Это уже четвёртое место, где мы пытаемся вырваться. И все они оказывались заблокированными немцами...

– Товарищ, подполковник, немцы! – подскочил с двумя фляжками в руках сержант Гурин.

– Где?! – вскочил на ноги подполковник, хватая из рук сержанта наполненную водой фляжку.

– Везде, товарищ подполковник. Мы окружены. Метрах в пятидесяти от нас в кустах стоят немецкие бронетранспортеры. Макарчук с Зубаревым лежат у лаза в засаде.

– Твою мать... – выругался подполковник Завьялов. – Окажется, они хитрее, чем я думал. Так, ребята, не дергаться, вести себя спокойно, словно мы ни о чём не догадываемся. Они наверняка хотят нас взять живыми, поэтому и молчат. Гурин, позови сюда бойцов, будем решать, что делать.

– Ну, что, бойцы, – загнали нас немцы, что и выбраться негде. Приказываю дать бой и уходить снова под землю. Спокойно, не дёргаясь, встаём и идём к лазу. Только не дёргаться. Участок, где мы находимся, наверняка пристрелян...

И вдруг все приостановились.

Лес прорезал усиленный громкоговорителем голос:

– Советский офицерен и зольдатен, вы окружён. Сдавайтесь. Мы вам будем сохранять жизнь. Подземный ход заминирован.

– Вот так-то, бойцы, – горько улыбнулся подполковник, – будем сражаться. Военнослужащих НКВД они в плен не берут. Медленно возвращаемся к лазу, потом быстро спускаемся вниз...

Только оказались у лаза, под землёй раздался глухой взрыв. Из покрытого пожелтевшей травой подземного хода потянуло тошнотворной тротиловой гарью.

– Ложись, – скомандовал, падая на землю, подполковник. Вдруг что-то колючее и круглое прокатилось по его мокрой от пота руке. Подполковник вскрикнул и оторопел – ёж! Серым комом свернулся

и ждёт, распуская длинные иглы. Осторожно отбросив ежа в сторону, он резко прижался к земле. На них обрушился пулемётно-миномётный шквал. В воздухе носились осколки и пули, пронеслись над землей, шлёпались, зарываясь в землю.

Лейтенант затравленно взглянул на подполковника: «Конец этому будет или нет?..»

И вдруг крик Гурина:

– Немцы!

– Отразить атаку, и все под землю! – донёсся до лейтенанта голос подполковника.

Сержант Гурин, сбросив с головы пилотку, посылал одну автоматную очередь за другой. Делал он это без суеты, расчётливо невозмутимо. Рядом вели огонь Макаrchук и Зубарев. Что-то с сухим треском лопнуло неподалеку.

– Граната! – обожгла догадка подполковника. Он инстинктивно повернул голову и увидел немца. С непостижимой быстротой лежавший рядом старший лейтенант схватил того за ноги и дернул на себя. Фашист свалился рядом. Лейтенант выхватил нож и ударил немца в горло. Макаrchук и Зубарев лежали без движения, уронив окровавленные головы на автоматы.

– Гурин, – крикнул подполковник, – мы с лейтенантом прикроем, тащи ребят под землю.

Раненный в плечо сержант Гурин с трудом затащил в лаз тяжелораненых Зубарева и Макаrchука, затем снова поднялся наверх. Раненый подполковник, безуспешно пытался приподнять убитого лейтенанта. Только сержант помог подполковнику опустить под землю лейтенанта, как сверху в лаз полетели гранаты. И всё...

Очнувшись, подполковник с трудом вспомнил, как их несли по подземелью десять монахов в тёмных рясах. И всё, больше ничего вспомнить не смог... Крутом была умиротворяющая темнота и тишина...

Утром у подземного прохода остановился бронетранспортёр. Из него выбрался штурмбанфюрер СС Кранебиттер.

Ему доложили, что группа советских диверсантов уничтожена и вся она находится в подземелье.

Кранебиттер приказал вытащить наверх тела погибших. Оберлейтенант, который с группой солдат спустился за ними в подземелье,

лье, отсутствовал около получаса. Когда вернулся, в растерянности доложил, что там никого нет. Вчера вечером он лично видел все пять тел. Двух офицеров и трёх солдат, но сегодня их нет, и нет лежавшего с ними оружия. Выбраться они оттуда не могли. Охрана у прохода стояла весь вчерашний вечер и до утра. И все они были мертвы. Он в этом уверен. Это могут подтвердить и солдаты, которые спускались вчера с ним. Проход, через который пришли сюда советские солдаты, обрушен взрывом.

Поиски, которые были организованы подразделением СС, ничего не дали. Советские офицеры и солдаты словно испарились...

Чарков Дмитрий

Родился в 1968 году в городе Хабаровске. Окончил Государственный педагогический университет по специальности лингвистика и филология, в дальнейшем – Дальневосточный институт международных отношений со степенью МВА. Дмитрий Александрович Бочарников (Чарков – литературный псевдоним) является лауреатом федерального проекта «Кадровый резерв – профессиональная

команда страны», он профессиональный менеджер, а также действительный член Международного союза писателей «Новый Современник». В настоящее время с семьёй живёт и работает в Москве.

СЖИГАЯ ПРЕД СОБОЙ МОСТЫ

*Все мы, все мы в этом мире тленны,
Тихо льётся с клёнов листьев медь...*

*Будь же ты вовек благословенно,
Что пришло процветать и умереть.*

С. Есенин

Дед лежал на шести широких, составленных вместе стульях, посреди комнаты. Плотная штора позади него была задернута, и лучи заходящего солнца еле-еле пробивались сквозь широкие металлические кольца круглой деревянной гардины под высоким сталинским потолком. На древнее бабушкино трюмо в углу комнаты было наброшено бежевое махровое полотенце. Полумрак и тишина.

Рядом с изголовьем, в глубоком кресле-качалке, сидел отец, подперев одной рукой голову и уставившись в точку где-то на полу, различимую только ему.

– Проходи, – сказал он, не глядя на меня.

Я как-то неловко переступил порог и присел на тахту у стены.

Дед Николай выглядел как обычно, когда отдыхал после обе-

да на своём огороде, – хмуρο и замкнуто. Он даже и руки всегда так же складывал чуть повыше выпирающего живота, который в последнее время поддерживал кожаный бандаж – грыжа. В голове промелькнул на удивление бестолковый вопрос: «Интересно, а сейчас под его пиджаком надет этот бандаж?» Я перевёл взгляд на острый гоголевский нос и дальше – на редкие седые пряди. Рядом с его головой, на стуле, лежал маленький томик Есенина из родительской библиотеки «Классики-современники». Я сразу узнал его: в последнее время, приходя на семейные праздничные обеды, дед неизменно усаживался с ним у торшера, надевал очки в роговой оправе с толстыми стёклами и так сидел, читал, пока я или сестра не увлекали его к общему столу.

Странно, но этот томик сейчас не выглядел неуместным у деда в изголовье. В Бога он не верил, хотя и был крещёным – в один из первых дней после революции пятого года.

А вот Есенину дед Николай верил.

– Идите, помяните, – позвала с кухни мама.

Я подождал, пока отец тяжело поднялся, и сам вслед за ним встал с тахты. Проходя мимо меня, он тихо проговорил:

– Пойдём, помянем деда.

Я согласно кивнул, затем подошёл ближе к стульям. Их высокие спинки на одном уровне образовывали черту, вдруг показавшуюся мне физическим барьером, отделявшим меня от деда, как жизнь от смерти. И ещё она мне представилась той полосой, что была в этот момент общей – и для меня, и для Николая Кузьмича: каждому своя сторона, но в целом единая лента. Сбоку на круглом обеденном столе, поодаль от окна, стояла погашенная свечка на металлической крышке от стеклянной банки. Я достал из кармана спички и, чиркнув, поднёс зардевшее пламя к тонкой белой нити – не хотелось оставлять его здесь совсем одного.

На кухне мама уже приготовила рюмки и тонко нарезанное сало с хлебом. Тут же в глубокой походной миске лежали соленья – огурцы, помидоры, отдельно грибочки: дед был мастером на эти штуки, а мой отец и я уже «не крутили». Не было ни времени на свой огород, ни интереса к своей зелени.

Может, ещё появятся. Когда возвращённое в Китае совсем уже одолеет.

– Ну, царствие ему небесное! – сказала мама.

Отец укоризненно посмотрел на жену, но промолчал, выпив и бережно поставив рюмку на голубую клеёнчатую скатерть. Я последовал его примеру. В семье партийного работника такие выражения не были в привычном обиходе.

Никто тогда не мог и подумать, что не пройдёт и трёх лет, как он сам будет стоять перед иконой Спасителя, осеняя себя крестным знамением – молча, стиснув зубы, вспоминая прожитые годы.

После водки от сердца немного отлегло. Отец с матерью закурили. Неожиданно он произнёс задумчиво:

– Батя меня в жизни пальцем не тронул... только один раз.

Я хрустнул ядрёным дедовским огурцом и взглянул на отца. В годы развитого социализма такое отношение к подрастающей смене тоже не было в обиходе: детей частенько лупили, как сидоровых коз. Впрочем, не по внутренней злобе в большинстве случаев, а так – исключительно в целях коммунистического воспитания. Тогда всех лупили в этих целях, не только детей, и не только сидоровых.

– Помнишь тот мост на Угловой, под которым трамваи проезжают, мимо «Дальдизеля»? – спросил отец, наливая по второй.

– Конечно, – кивнул я. Это был небольшой металлический пролёт метров двадцати длиной над оврагом, по дну которого проложили трамвайные пути. Мост соединял нефтебазу с речным портом, и по нему регулярно гоняли покрытые снаружи нефтяной пленкой цистерны с горючим. В том районе постоянно стоял невыветриваемый специфический запах химикатов. Недалеко располагалась и средняя школа номер шестьдесят пять, для заводских, которую я окончил, хотя рождён был в семье советских интеллигентов. Тогда вопросы экологии и производственной безопасности трактовались несколько иначе, чем годы спустя: детей с малолетства приучали нюхать если не порох, то нефть и металл и играть неподалёку. Кому только впоследствии польза от этого была – остаётся загадкой.

– Мост тот не всегда был стальным. Во время войны он был деревянным. А завод назывался «Арсенал», в цехах дизели собирали для танков, а на нефтебазе готовили топливо, и по мосту перегоняли на платформах в порт, там перегружали... в общем, режимный объект.

Отец поднял рюмку.

– За батю! – коротко сказал он. Я тоже выпил, мама пригубила. – Твой дед во время войны был начальником цеха на «Арсенале». Ответственная работа, сам понимаешь. Как он умудрился пережить тридцать седьмой, а потом и сорок первый? Уму непостижимо...

– Такой молчун был, – вставила мама.

– Да, – кивнул отец, – может, поэтому и выжил, что молчал: ни о себе, ни о ком-то другом слова из него не выдавишь. Лишь изредка, и то – только хорошее, по делу. Очень сдержанный батя человек... был.

Он неторопливо отправил в рот маленький кусочек сала с хлебом, сдобренные чесноком, и продолжил:

– Я тогда маленьким пацаном ещё бегал, меня в заводском райончике нашем все знали: если футболом стекло кто высадит – ну, Сашка Бочарников, кто ж ещё! Или в «цыганском саду», который возле школы, зелёные груши обдерёт – «а, вон Саньку спросите, он точно знает!», или косточки от вишни по всей девичьей раздевалке в спортзале... Голодные ж ходили постоянно – война. Не знаю уже, правда или нет, чтоб я таким шалопаем рос, как бабки судачили... и я ли вообще всё это проделывал, но в тот день, когда сторел мост, батя мне всыпал по первое число. Ведь я его и спалил.

Не специально, конечно. Я в тот день, помню, испытывал новый коктейль Молотова собственного рецепта: тоже хотелось что-то для фронта ведь... Наскрёб в пустую бутылку черной маслянистой травы с насыпи, по которой нефтяные цистерны толкали, приправил всё это такими же вонючими листьями, поджёг и – хрясь! – об каменную глыбу, тут же, в овражке. Оно как полыхнуло всё – и вверх по насыпи, по сушняку, а ветром и к мосту понесло. А он деревянный, тоже весь такой промасленный и чёрный – в один миг полыхнул. Не помню от страха, как я дома очутился, но быстро-быстро! Отец после ночной смены отдыхал, увидел меня, увидел зарево в овраге – догадался сразу. Матушка рассказывала: побелел весь... Это же саботаж: в военное время, при Сталине – подумать только! Батя тут же меня за уши – и в погреб. «Сиди, – говорит, – не пискни мне!» Сам побежал к мосту. Там, понятное дело, уже люди: кто-то с лопатами, ведрами – землёй закидывают пламя, чтобы по шпалам не распространилось дальше по железнодорожной колее да по склонам насыпи, потом

ещё пожарные подоспели. Но куда уже... мост выгорел начисто. Хорошо хоть нефтезавод не полыхнул.

Батя в тот день долго не возвращался. Мать уже думала: всё, в НКВД определили. Ближе к полуночи только пришёл – чёрный весь, усталый, пропахший гарью и нефтепродуктами. Но на меня сил хватило. «Где Сашка?» – спрашивает. Мама на подпол кивает, мол, ты ж сам его туда засадил; она мне за день только попить да поесть пару раз спускала, и всё – я так и сидел: попробуй отца послушаться, ага! Он открывает половицы, достаёт меня за шкуру... Помню, мама ладошки так нервно прижала ко рту, в ужасе смотрит, но сама слово произнести боится – её-то, поди, тоже в рабоче-крестьянской семье растили, знает порядки. Сестра младшая уже спала в соседней комнате, старший брат мой на смене на заводе был. Отец, доставая ремень из петель штанов, шептал мне в ухо, как сейчас его слышу: «Сестру разбудишь – самолично сдам тебя Петьке жирному». (Дядя Петя жил тогда в соседнем подъезде и был кем-то, кого все сторонились. И боялись. Но ходил в «гражданке» – чистенький и отглаженный, пузатый такой, козёл. В пятьдесят пятом он испарился из города. До сих пор никто о нём ничего не слышал.) Я, конечно, не пикнул, пока меня батя ремешком-то своим обхаживал, молчал; не от боли даже, а от страха перед дядей Петей. На задницу потом неделю сесть не мог и ходил, как на раскорячке.

Слухи среди заводских, конечно, были: мол, сынок Николая Кузьмича постарался на мосту, но в лицо бате такое сказать боялись. Мать тоже пресекала враз все расспросы – никто меня там не видел, в общем-то: овраг глухой, все дети – как дети, были на занятиях, меня одного на испытания вместо литературы занесло. Но прогул урока не означал же виновности в поджоге! Родители сказали, что я в тот день ушёл с литературы, потому как заболел. Оно и правдой оказалось: за партией потом я сидеть всё равно не мог, а в сыром холодном погребке действительно простыл за несколько часов, так что неделю потом в постели провалялся. Если б ещё не рыбий жир... гадость такая! В принципе, как я позже узнал, никто о поджоге официально и не говорил тогда вовсе – никаких посторонних предметов на месте пожара найдено не было. Осколки бутылок – да их там куча всегда, а от обгоревшей спички и головки даже не осталось. Признали возгорание слу-

чайным, мост восстановили за 3 дня. Зато с тех пор он стальной – тоже ведь заслуга, а? Но батя мой тогда, можно сказать, из петли нас всех вытащил: если б хоть на секунду сдрейфил, не так на кого-то глянул, засомневался... не посмотрели бы, что стахановец, коммунист, что каждый месяц в военкомате скандалил из-за того, что в тылу его гнобят...

– Александр Николаевич, гроб привезли, – послышался голос соседки тёти Кати в коридоре.

– Ну, давай по третей, за деда, и пойдём, – отец выдохнул обжигающий перегар и прикрыл рот ладонью. – А через двадцать лет я работал там первым секретарём райкома комсомола... Вот ведь как.

Тётя Катя, худая и высохшая, без передних зубов, дымила «Прибоем», стоя на лестничной площадке. Через широкие сталинские окна в подъезде солнце щедро распыляло свои последние в этот день лучи. Двое парней в замызганных и местами дырявых футболках медленно поднимались снизу по деревянной лестнице, неся на руках простой, обитый ярко-красной материей, гроб. В детстве один вид его всегда приводил меня в ужас – по советским традициям, крышка от него выставлялась на площадке перед квартирой в доме, где умирал человек. Железный памятник ставили у подъезда. Пройти мимо для меня было нечеловеческим испытанием: ноги не двигались, руки холодели, а в самом воздухе, вокруг, казалось, витала сама Смерть – такая непостижимая и неведомая для ребёнка. В нашем дворе регулярно кого-нибудь хоронили, и можно было бы привыкнуть к виду катафалка, музыкантов с духовыми инструментами и венков, но мне почему-то не удавалось. Оттого, вероятно, впоследствии и флаг моей страны, с жёлтым молоточком и круглым хирургическим ножичком, всегда наводил на меня необъяснимый, граничащий с паникой, страх. Краснофобия.

Я вернулся в комнату, где лежал Николай Кузьмич. Свечка отбрасывала на стены причудливые тени. Приблизившись к барьеру и вглядываясь в такое знакомое и теперь бесконечно далёкое морщинистое лицо, я неожиданно для себя зашептал, словно в трансе:

– Спасибо тебе, бабушка, что ты был в моей жизни. Спасибо, что ты был папой моего папы, что я мог прижаться к тебе иногда и попросить десять копеек на мороженое, и ты никогда мне не отказывал. Как хорошо, что ты не варил самогонку и не курил папирос: мне

теперь намного проще понимать, что не это делает нас мужиками. Спасибо, что ты брал меня с собой на рыбалку и подарил мне кеды – правда, я из них быстро вырос в то лето, и они изрядно потрепались на поле «Нефтяника», но в них я забил столько голов, что ты по праву гордился своим внуком и говорил всем соседям во дворе, что это мне вручили все те грамоты и дипломы. Теперь ты вместе с бабушкой – передавай ей привет от нас от всех, пожалуйста, мы о ней так скучали все эти годы – ну, ты и сам знаешь; да и она, наверно, тоже, но всё-таки... с другой стороны, ты же так хотел всё это время снова оказаться вместе с ней, вновь увидеть её мягкую и добрую улыбку, ощутить прикосновение заботливых рук... ты ведь не находил себе места без неё, дед, я знаю, я всё это видел. Прости, что я не сдержался тогда, на кладбище, и накричал на тебя, но иначе ты бы до утра не ушёл с её могилы. И хоть ты говорил всегда, что Бога нет, дед, но, прости, я всё же думаю, что ты верил в Него всегда. Может, где-нибудь в глубине души, но для настоящей веры, наверно, и не обязательно говорить об этом вслух, тем более в том мире, где это подвергается гонению. Поэтому я смело прошу Господа нашего Иисуса Христа простить тебе все прегрешения, вольные и невольные, и отпустить тебе грехи, и даровать царствие небесное и вечный покой. Спи спокойно, мы тебя очень любим.

Проговаривая своё последнее «прости», я и не заметил, как рядом появился отец: он стоял, опираясь на спинку одного из стульев. В этот момент я физически ощущал эту тонкую грань между настоящим и прошлым. Или это мне только показалось? Есть ли оно вообще, это мгновение, отделяющее нас от истории?

– Спасибо, сын, – сказал он и, нагнувшись к деду, положил в его изголовье, поверх томика Есенина, маленькую золотую звёздочку на ярко-красной матерчатой розетке. В самом центре звезды единым символом переплелись те самые молоточек с ножичком – давно забытые во времени молот и серп.

Теперь, находясь в своих ощущениях на одной из многочисленных граней истории, я видел в этом артефакте совершенно иные инструменты и другую звезду.

Это была заслуженная грыжей и не сходящими мозолями Звезда – Звезда Героя.

Хомич-Журавлёва Ольга

Родилась 21 марта 1966 года в городе Северодвинске. Печаталась в газетах «Северный рабочий», «Северная неделя», в журнале «Радуга». С 2000 года живёт в Анапе. Автор сборников стихов «Услышанная Музыка Душ» (1995 г.), «Всепоглощающая страсть» (2004 г.), «В поисках безграничности» (2012 г.). Участник и победитель региональных конкурсов, фестивалей. Главный редактор альманаха «Парус» г. Анапа. Руководитель молодёжного литературно-художественного объединения «Авангард». Составитель первого сборника МЛХО «Авангард» «Осязаемая реальность» (2015 г.).

ПРОШЕДШИЙ СКВОЗЬ АД

Реальные истории, рассказанные моим дедушкой

*Светлой памяти моего любимого дедушки,
Лесихина Евгения Константиновича,
посвящается.*

Кёнигсберг сорок пятого. Предчувствие весны и радостное ожидание скорого окончания войны. Здесь уже нет снега. Тепло. Хотя деревья еще стоят голые, не торопясь выпускать листву. Февраль всё-таки.

Лесихин Евгений Константинович прошёл всю войну «от и до» – от рядового до старшего сержанта. Это после Ленинграда его повысили, вручили медаль «За оборону Ленинграда» и доверили возить педантичного генерал майора. Машину дали ещё ту – немецкую. Прежний погибший водитель-механик даже мотор переставил. И всё равно барахлит жестянка – бензин наш не любит, контра немецкая.

Сегодня с утра наши войска отбили у фашистов грузовую железнодорожную станцию и все товарные развязки. Да лихо так, что фрицы ничего с собой ни увезти, ни взорвать не успели. Вот повезло-то! Правда, все составы с продовольствием сразу оцепили – стратегический запас теперь.

Евгений Лесихин, 1944 год.

Евгений тяжело вздохнул и снова полез под капот капризной машины. Эх, он тут в грязи копается, в солидоле по самые уши, а там ребята! В общем, на отбитой станции, кроме всего прочего, в стороне стояла цистерна – чистенькая такая. Ну, солдатики сунулись в неё – мать честная! Да это ж чистейший спирт! Пока командиры не хватились, начерпали фляжек, да в касках водой развели, чтобы желудки с непривычки не пожечь. А там – хоть на гауптвахту – зато душеньку отведёшь да расслабишься в конце то концов. И, скорее всего, офицеры посмотрят на неожиданное пьянство сквозь пальцы – солдатики за четыре года сквозь такой ад прошли! Ничего – проспятся и снова в строй – фашистов добивать.

И надо же, вот ведь невезуха бывает! Только все расселись – чин чинарём, в кружки даже разлили божественную жидкость, как на тебе – подлетает рядовой:

– Лесихин! Мать твою! Генерал майор сейчас в штаб должен ехать. А у тебя машина на мази?

– Ладно, иду, – что и говорить, досада раздирала Евгения, ну почему именно сейчас приспичило-то?

– Во-во, иди, а я за тебя здесь «послужу» Родине, – и, выхватив кружку из рук Евгения, незло хохотнул.

«Зараза», – психанул Евгений и понесся к машине, генерал ждать не любит.

Да, машина что надо – умеют ведь делать фрицы. Не то, что его первые. С начала войны вообще грузовик с деревянной кабиной был. Грузы тогда возил, по разной надобности. И бои были. Ранение в руку получил – чуть-чуть и запястье бы отлетело – хорошо, что осколок между костями навывлет прошёл, только чуть одну кость перебил. А когда контузило во время одного из боёв – совсем на полуторку перевели. Вот где под взрывами поездил, когда отступали. Страшно было. Но Евгений всегда чувствовал – ребята рядом. К тому же он Родину защищает. Свою! И умирать ему – ну никак нельзя.

Где-то далеко, под Великим Устюгом, в Кичм-Городке ждут его мама, любимая жена Катенька, две дочки, да крошечные сестрёнка с братом. Как они там одни? Когда на войну уходил, Катерине всего

двадцать четыре было. Как она одна там всю ораву тянет? Мама – дворянка бывшая, за годы советской власти так ничего делать и не научилась. Так барыня барыней и осталась. Ни один из братьев её к себе жить не взял, кроме него. Как там жена Вениамина сказала: «Да лучше я свиней кормить стану, чем контру вашу» ... Ничего, сейчас хоть за детьми присматривает – и то дело. Мать умная – много знаний нужных девочкам дать может.

Бедная Катенька – девчонка совсем. Евгений был на семь лет старше жены. Привез он её из теплого Симферополя – сиротой девушка была, родители её ещё в Гражданскую погибли, старший брат – репрессирован. Выучилась на повара. В рабочей столовой и познакомилась. Как она тогда за наглость на Евгения тарелку супа вылила – сейчас вспоминать смешно! Вот после этой тарелки Катенька и запала в душу Евгения – не успокоился, пока не завоевал её сердце. Она и во время войны в рабочей столовой работала. Но Евгений знал, что жена настолько честна, что умирать будет, а из столовой ничего не принесёт – характер не тот. Из писем знал, что выжила его семья во время войны исключительно благодаря умению Катерины плавать. Она и раньше часто рассказывала, как плавала с пацанами в бурлящей реке Дон, ловили пльвущие яблоки ... Пригодилось. Теперь брали её с собой рыбаки – сети заводить. Никто так, как она, русалкой, по бурной реке Кичменге не плавал, даже мужики опасались студеной мощи воды. Часть улова честно ей отдавали.

***

- Старший сержант Лесихин, машина готова? Едем?
- Так точно, генерал-майор, – отвечал Евгений, заводя мотор.

До штаба – полчаса по раздолбанным дорогам. Какая же машина выдержит? Мост, кажется, стучит. Может, новую машину попытаться попросить? Вдруг выдадут снова из трофейного что поновее? Сейчас фашисты много оставляют техники, спасая свои шкуры.

***

Выжил, мать честная, ведь выжил же! Скоро конец войне. А сколько раз думал, что всё, крышка, смертушка пришла. Особенно в сорок первом и сорок втором, под Ленинградом. Когда Ладога

*Евгений Лесихин
с женой Екатериной
Мирошниченко.*

застыла, начали возить продовольствие в осаждённый Ленинград. Туда – хлеб, обратно – эвакуированных ленинградцев.

Первым напарником был Мишка из Таганрога. Вспомнив о нём, Евгений прерывисто вздохнул.

Страшный день тогда выдался. Разбомбили Пулковские продовольственные склады. И вся лавина крыс, обитавшая на складах, ринулась через застывшее озеро, на Ленинград. Но Евгений, да и все остальные водители тогда ещё ничего не знали. Рейс, как рейс – рутинный. Они с колонной спокойно добрались до блокадного города, разгрузились, посадили в кузова замотанных в тёплые вещи, притихших женщин и детей. Причём на этот раз набили пассажиров поплотнее – чтобы побольше вывезти из блокады. Медленно тронулись в обратный путь. Лед был крепкий – провалиться не боялись. А вот налета «мессеров» опасались, хотя по расписанию у них был перерыв. Немцы бомбили ровно в одно и то же время. Пунктуальные, сволочи. Ну, а русским это было на руку, главное – во время проскочить. Где-то в середине пути машины неожиданно встали.

– Выйду, гляну, чего остановились. Запрещено ведь, – Мишка шустро выскочил из машины и Евгений увидел, как остолбенел его боевой друг.

Евгений тогда сам вышел из машины. Впереди по всему горизонту, на сколько хватало глаз, на автоколонну серой массой неслись лавины крыс. Вот они, словно в кадрах замедленной плёнки накрыли волной первую машину. Затем волна за волной скрывали под собой всё, что было на пути чудовищной голодной массы, – бегущих людей и машину за машиной с воющими людьми.

– В машину, живо! – заорал Евгений и, прежде чем успел что-либо сообразить, каким-то образом уже оказался в кабине, словно кто-то рванул его на себя внутрь. Он видел, как Мишка замешкался, попытался снять с грузовика какого-то ребенка, но смертельная волна уже накрывала капот машины и взбиралась на тело Мишки. Евгений пулей закрыл правую дверцу. И вот тогда настала воющая, лязгающая чудовищная тьма. Крысы несметными полчищами всё карабкались и карабкались по железу и стеклу машины, давя и пожирая друг друга. Сзади, в кузове верещал нечеловеческий вой заживо съедаемых ленинградцев...

Сколько времени прошло? Евгений уже не помнил. Крысы, сплошь покрывающие его ветровое стекло, прекратили шевеление.

Тишина наступила такая, что Евгений слышал, как кровь течёт в его венах, подгоняемая толчками сердца. Выходить из машины он не решился. Неожиданно кто-то рванул ручку дверцы и Евгений увидел перед собой сержанта Ерошенко.

– Живой? – спросил тот.

– Вроде, – ответил Евгений, чувствуя, что не может пошевелить ни рукой, ни ногой.

– Давай, вылезай, скидывай крыс со стекла и поехали.

Евгений кое-как выполз наружу и тут же упал, как подкошенный. Зрелище было не для слабонервных. Все машины и снег вокруг них были забрызганы кровью. Кругом валялись розовые кости, обрывки одежды, видимо кто-то пытался убежать, и куски тел крыс, которые в стадном порыве поедали с людьми и своих сородичей...

Евгений сидел на окровавленном снегу и беззвучно шевелил губами.

– Да, браток, так-то, – сжал зубы Ерошенко. – Так-то... Давай-ка за работу, нечего слюни распускать.

И Евгений, взяв ветошь, трясущимися руками принялся сбрасывать дохлых, полусъеденных крыс с машины, боясь заглянуть в кузов. Справа от машины, среди вороха разодранной одежды, лежали розоватые, начисто обглоданные кости Мишки.

Выяснилось, что несколько водителей тоже съели крысы, у некоторых выживших счастливицков – только погрызли конечности, и часть машин пришлось на время оставить на Дороге Жизни.

Так и приехали тогда в расположение части: кровавая колонна машин с обглоданными скелетами в кузовах. Сколько тогда погибло ленинградцев, да товарищей?.. Мда...

Потом покусанные крысами водители какое-то время отлёживались в лазарете с инфекционными болячками. Кого-то домой комиссовали по инвалидности. А Евгений ещё долго не мог спокойно спать – все чудились крысы, поедающие его плоть.

***

Но время шло, каждый день колонна выходила на ладожский лёд, продолжая свою спасательную миссию.

Ближе к весне лёд истончился, и ездить становилось всё опаснее. Да и немцы оживились, всё чаще барражируя над Ладожским озером. Грузов брали всё меньше, ехали обычно медленно: по полночи – туда,

по пол – обратно. Ехали непременно с открытыми дверцами, чтобы успеть выскочить, если что. Когда под тобой часами трещит лёд, перестаёшь обращать на это внимание. Так что, когда первый раз его машина, гружённая хлебом, начала уходить под лёд, безумно уставший Евгений, даже не сразу сообразил, что происходит. Тогда его вытащил сопровождающий рядовой Конюшин, шедший с его стороны. Спавший напарник Семён так и ушёл под воду вместе с машиной. Следующие несколько раз Евгений уже сам лихо выпрыгивал в сторону, на ломающийся лёд, чтобы тонущая машина не утянула его за собой в ледяную воду.

Последняя ходка по Дороге Жизни в Ленинград едва не стоила ему и многим водителям жизни. Передвигались теперь только по ночам, когда был легкий морозец. Колонна кое-как, с небольшими потерями добралась до Ленинграда. Обратно решено было не брать беженцев – слишком велик был риск. И ведь как в воду глядели. Обратного следования растаявший лёд уже не выдержал. Прошли только первые несколько машин. Вся остальная колонна одновременно рухнула в воду под раскрошившимся льдом. Вот тогда Евгений почти распрощался с жизнью, когда, барахтаясь в сумерках утра, в ледяной воде, он пытался взобраться на кромку ещё целого льда, но та сразу ломалась под тяжестью его тела. Вдобавок ко всему ещё и ногу свело судорогой. И тут Евгения взяла злость. Его хрупкая Катенька сети заводит в ледяной северной реке, а он, здоровый мужик, что, не продержится? Подумаешь, окупился разок! И как только вспомнил про любимую жену, откуда и силы-то взялись! По телу жар прошёл, ногу отпустило. Помнил, что даже кому-то помогал выбраться на лёд. Доковыляли тогда до части еле-еле. Да ещё выговор за потерянные машины получили. Хорошо, что не заболел тогда, а ведь многие ребята слегли с жестокой простудой. Дорогу Жизни тогда закрыли до будущей зимы. А часть Евгения осталась на подступах к Ленинграду – в обороне. Боев много было. Но все вялые такие. Похоже, что немцы основные бои в других местах ведут. К осени выдохлись и немцы, и наши.

***

Доехали до штаба. Генерал-майора встретил адъютант, отвёл в штаб. К Евгению подскочил молоденький сержант:

– Товарищ старший сержант, лишнего бензину не будет? Сорвали с передовой, заправиться не успел.

– О чём речь, конечно.

***

Да, чего-чего вдоволь на войне было, так это бензину! Хоть займайся. Но он и спасал солдат.

Как тогда в сорок втором в землянках вши заели. Мыла-то не было! Просыпаешься, а они тебя всего с головы до ног облепили. Руками сбросишь, а вши снова наползают копошащейся массой. Вот тогда и спасал бензинчик. Натрёшься им, всю одежду в нём прополощешь, да и наденешь, высушишь на себе – тем от вшей и спасались. Именно с тех пор Евгений напрочь курить бросил. Чтобы не забыть-ся как-нибудь, да не сгореть сдуру.

Осенью сорок второго начался голод и стой, и с другой стороны. Солдаты почти уже не выходили из землянок. Лежали на верхних нарах – нижние были уже сплошь залиты водой. Стрызали все ремни, в общем, всю кожу, что была под руками. Иногда ползали в поля – там выросла одичавшая не собранная картошка. Выскребали её потом и из-под выпавшего снега. Не пухнуть с голоду позволяла крошечная порция хлеба. Наведывались в землянки и тощие крысы, но на этот раз они не нагличали. Подползут к лежащим на нарах солдатам, поприкусывают тихонько открытую часть тела, услышат стон человека и нехотя отползают – живые ещё.

Евгений исхудал так, что при росте метр восемьдесят с лишним весил всего сорок пять килограммов. Какое воевать? На ногах еле стояли. Совсем не брились – щетина расти перестала. Даже вонять перестали, над чем солдатики в бессилии посмеивались: «Мумии не пахнут».

Евгений снова начал прощаться с жизнью, когда почувствовал, что у него, скелетообразного воина, начал пухнуть живот.

– Лесихина на выход, к командиру, – сквозь сон забытья услышал Евгений.

Еле встал, по стеночке добрался до выхода из землянки, затем, не пригибаясь – чего уж теперь пулю бояться, что ли? – по рву, цепляясь за деревянные укрепления, кое-как ввалился в землянку к командирам.

– Как звать, сержант?

– Лесихин... Евгений Константинович.

- Женат?
- Так точно.
- Как жену звать? – с пристрастием допрашивал командир.
- Екатерина Петровна.
- Дети есть?
- Так точно. Старшая – Томочка, младшая – Валенька. Ещё мать есть – Ульяна, сестрёнка да брат малые – Нина и Миша.
- Откуда ты?
- Вологодская область, Кичменско-Городецкий район, село Кичменский Городок.
- Ну, значит это точно ты.

Командир отбросил со стола полотенце, и взгляду Евгения открылась такая картина, что у него началось сильное слюновыделение. На столе лежали куски сахара, несколько шматов солёного сала, махорка, по две пары вязаных носок и варежек.

– Вот, сержант. Посылку тебе жена прислала – сегодня сбросили. Письмо ещё, – он протянул мятый свёрнутый треугольник. – Забيرا гостинцы.

Евгений, шатаясь, слгатывая хлынувшие слюни, подошёл к столу, положил на него согнутую в локте руку и отодвинул большую часть с сахаром, махоркой и варежками – в сторону командира. Сам взял одну пару носков, сало и драгоценный треугольничек.

Потом, лёжа на нарах и медленно посасывая пластиночки сала, Евгений читал и перечитывал ровные строчки его любимой, которая в очередной раз спасла его от неминуемой смерти.

***

– Поехали в расположение части, – генерал-майор вернулся в машину.

На этот раз обратная дорога была короче – не надо было пропускать встречные войска, теперь машина двигалась в общем потоке грузовиков и пехоты, направляющихся в сторону фронта.

Евгений без проблем довёз генерал-майора до штаба на вокзале и, высадив его, поехал в свою дислокацию – поставить машину. Не понял, от чего в «гараже» такая тишина? Где все? Ну, да ладно. Евгений почти бегом бросился к товарным путям. Там ребята, небось, уже во всю «гуляют». Что такое? В том же направлении бежали и штабные офицеры, и даже его

генерал-майор. Да, влипли солдаттики. А Евгений так и не отпробовал немецкого спирта. Эх, невезуха. Когда ещё теперь придётся?

Возле цистерны со спиртом стояла молчаливой стеной толпа солдат. Евгений с трудом пробрался сквозь неё, чтобы посмотреть, в чем сыр бор... На рельсах, в неестественных позах лежало несколько десятков скрюченных предсмертной судорогой солдат. Все те, с кем ещё два часа назад он хотел выпить трофейного спирта... Те, с кем он прошёл долгий путь войны. Те, кого не съели вши и крысы, кто не умер от голода и не утонул на ладожской Дороге Жизни. Те, кто не подорвался на минах и не погиб в боях. Все они лежали сейчас на Кёнигсбергской земле, трагически и нелепо отравившись спиртом.

Это потом выяснят, что и продовольствие в оставленных немцами составах в основном отравленное.

Тогда Евгению совсем дурно стало. А вот и солдатик, что отобрал у него кружку – ведь на месте этого солдатика должен был оказаться он, Евгений. Ноги у него подкосились и Евгений сел тут же на рельсы, трясущимися руками достал из нагрудного кармана фотографию жены с дочками. В оцепенении он смотрел на снимок и думал: «Вот как бывает, Катенька, чуть не распрощался я с тобой только что. Клянусь тебе, куколка моя, домой живым вернусь. Увезу тебя назад, к Чёрному морю, дом построю, и будешь у меня там как принцесса жить. И всё у нас с тобой теперь будет хорошо...»

ПОСЛЕСЛОВИЕ

И что вы думаете? Сдержал-таки Евгений слово – выжил, дошёл до самого Берлина. Там победу у Рейхстага праздновал. Два года потом ещё мосты по стране восстанавливал и в сорок седьмом вернулся к своей Катерине. И увёз её впоследствии, как обещал, к Чёрному морю, в тихий городок Анапа. Купил ей дом у самого моря. И жили они долго и счастливо до самой золотой свадьбы.

И никто так не наслаждался жизнью, как он, восхищаясь красотой окружающего мира, смакуя каждый прожитый день, ибо прочувствовал цену этой жизни там, на дорогах войны.

Петров Сергей Владимирович

Родился в 1960 году. Литературным творчеством занимается с 2011 года. Публиковался в журналах «Юность», «Невский альманах», «Наша молодёжь» и других. Издал исторический детектив «Всё когда-нибудь заканчивается».

По специальности юрист. Офицер в отставке по выслуге лет. Член Московского отделения Союза писателей России.

Живёт и работает в Москве.

ЕСТЬ СВЯЗЬ!

Позиции отступающих немцев полк занял утром. Оставленные противником землянки были вырыты основательно, с солидным накатом. Солдаты брезгливо выбрасывали с нар полотенца, тряпки, куски брезента, мешки с соломой, на которых спали немцы, рассовывая по карманам сигареты, разбирая консервы и хлеб, запаянный в целофан. Сигареты, впрочем, оказались трава травой, хлеб – пресным. Удивило обилие мгновенно разошедшихся по рукам газет и журналов с красотками.

Между тем не спеша подтянулась полковая артиллерия, рассредоточились пулемётчики, выжигая шквальным огнём всё на холмах, где засел противник. Немцы отвечали редкими миномётными залпами.

Понимая, что артподготовка наступления – дело не скорое, уставшие от бессонных ночей бойцы укладывались спать. Ольга устроилась в углу землянки. Мешкообразная форма, уставшее, обветренное лицо старили её, но тонкие кисти рук и не окрепший ещё голос выдавали юный возраст. Она сидела, не шевелясь, закрыв глаза, начинала дремать, но на этот раз не повезло.

– Рядовой Смирнова, ко мне! – зычный голос командира не давал отсрочек.

Не успела, запыхавшись, встать перед комбатом, как прозвучал приказ – восстановить связь со штабом дивизии.

– Есть! – отчеканила она.

Чёрный провод уходил в сторону леса. Грязь противно чавкала,

пропитывая обмундирование липким месивом. Было скользко, ползти удавалось с трудом, хватаясь за траву и подтягиваясь. Узкие стебли резали в кровь пальцы, а катушка с кабелем, рация, оружие и подсумок за спиной замедляли и без того нескорое передвижение к месту обрыва. С таким снаряжением ползти даже по сухой земле было бы тяжело. Когда она поднимала голову, было видно, что позади горизонт подсвечивается артиллерийскими вспышками, а впереди светло от ответного огня.

Передохнуть решила прямо тут, в грязной жиже. Под свист мин всплыл в памяти грязный зал районного военкомата. Вдоль стен – деревянные скамьи, вокруг толпится множество незнакомых людей, на лицах – растерянность и слёзы. Они, поселковые, втроем прижались в уголке – высокая и статная Катя, живая, со вздёрнутым носиком, усыпанным веснушками, худенькая Надя и она, Оля – голубоглазая кнопка, старше остальных и самая робкая. Потом были вагоны, полные молодых девчонок. Увидев их, на одном из полустанков кто-то ахнул, крестясь и причитая: «Уже и девочек на фронт повезли...»

Когда выдали первое обмундирование, и Ольга, от горшка два вершка, стала натягивать брюки, то утонула в них. Ботинки на ногах тоже не держались. Но самыми жуткими оказались мужские трусы, из грубого сатина, широкие и длинные, почти как юбка. Выходило так, что ты вроде бы на войне, собираешься умереть за родину, а одет как пугало. Смешно и грустно, но ничего не поделаешь – обмундирование, как сказал старшина, включая нижнее бельё, у каждого солдата должно быть одинаковое. Но и это ещё ничего... Самым же трудным было найти возможность хотя бы раз в сутки умыться. О «женских» днях и говорить нечего – ваты и бинтов не хватало даже для раненых, потому приходилось использовать любые подручные средства, но чаще всего пропитанные кровью и понятными выделениями брюки засыхали, становясь стеклянными, режущими кожу до глубоких ран. Но это никого не интересовало, главное, что от неё требовалось – это связь, которая не должна прерываться никогда, особенно во время боя.

Запомнилось первое поручение – доставка секретного пакета в отдел «СМЕРШ». Путь лежал через поле. Она шла, придерживая за пазухой пакет, кругом была непроглядная тьма. И вдруг ей показалось, что следом кто-то крадётся. Несколько раз она останавлива-

лась и прислушивалась, но вокруг была тишина. А как только снова начинала идти – тут же слышала шорох позади. Пока дошла до места назначения – перетрусилась; лишь когда отдала пакет, то вздохнула с облегчением. На обратном пути уже рассветало, потому и страхов поубавилось. Так и осталось неясным, кто же крался позади, да и был ли этот кто-то реальной угрозой...

Ольга приподнялась. Темнеющее небо стало хмурым и недобрим. Время от времени резали глаза вспышки пулёмётных очередей, но огонь был неприцельный – на всякий случай. Она поползла дальше, цепляясь руками за траву – теперь, с небольшого пригорка, ползти было легче, дорога шла под уклон. Где-то внизу сиротливо темнела развороченная туша «тридцатьчетверки», ствол высунутым языком свисал к земле. Сорванная снарядом башня лежала рядом с распластавшимся змеей гусеничным траком.

Ольга была уже где-то неподалеку от немецких окопов, но обрыва провода так до сих пор и не обнаружила. Она легла на осклизлую землю и снова закрыла глаза... Вспомнился первый день на передовой. Первую ночь в общем блиндаже, оказавшись тут единственной девчонкой, долго не могла сомкнуть глаз. Спали одетыми, вплотную, тесно прижавшись друг к другу. От усталости всё же отключилась на время, но тут же пришлось отмахиваться от наглых рук. Уже после, попав после ранения в госпиталь, так и продолжала махать руками во сне. Нянечка стала допытываться, что, мол, за оказия, а было так стыдно объяснять, что пришлось отшутиться.

А потом в батальон прибыл новый ротный. Молодой, с необычным именем Арман, красивый настолько, что напоминал Ольге... вечерний летний лут, в который садится солнце. При каждом его появлении она смущалась, а однажды ротный и вовсе вогнал в краску шутивыми расспросами о любовных похождениях. Она тогда покраснела и отмахнулась, но ротный не унимался, приговаривая, что любовь – это така-ая штука, повкуснее пирожного. Ольга пирожных никогда и не видела, откуда в деревне такие изыски, а уж про эти самые любовные утехы и говорить нечего: не принято было до свадьбы подобным заниматься. Была у них в деревне Варька, шалава, так до свадьбы побаловалась – и ни один парень так и не взял в жены, порченную-то... Арман между тем продолжал о чём-то нежно вор-

ковать и уговаривать, и его голос звучал как безупречно настроенный музыкальный инструмент, словно не было вокруг войны...

А на следующее утро его принесли, тяжелораненого. Вокруг рвались снаряды, а ротный лежал на плащ-палатке и почему-то смущённо улыбался. Врач тихо сказал, кивнув на него, что, мол, не жилец уже. Ольга прониклась к ротному необъяснимой жалостью, погладила ласково по голове, не зная, что ещё может сделать. Арман снова смутился, достал помятую шоколадку и, извинившись, сказал, что хоть это и не пирожное, но тоже вкусно. А затем неловко попросил:

– Хоть расстегни гимнастёрку и покажи грудь... не видел никогда...

Она вспыхнула и сразу убежала, краснея со стыда, а когда вернулась, на лице ротного уже замерла смиренная улыбка. Склонившись перед умершим, Ольга виновато поцеловала его в щёку. Таким и вышел её первый поцелуй... А ночью ей приснился сон, будто она держит какую-то диковинку, от которой идёт сказочно вкусный запах, а рядом стоит Арман и говорит, что теперь она наконец-то отведала тех самых пирожных. Но только она подносит вкуснятину к губам, как раздаётся зычный приказ: «К бою!» – и больше нет ни Армана, ни пирожного, есть только война...

Однажды она всё же решилась попробовать того самого, на что намекал Арман, выбрав для этого тихого и неказистого пулемётчика Жилиева. Он был деревенским, почти своим. Всё случилось в лесочке, и не было никакой сладости, было только больно и страшно. А ещё было стыдно. Очень стыдно. Но самое ужасное произошло на следующий день – её отозвал молодцеватый Слава Тимофеев по прозвищу Тимоха и шепнул:

– Предлагаю вечером в лесочке... прогуляться.

– Да как ты смеешь!

– Думаешь, не видел, как ты вчера с Жилиевым кувыркалась?

Сморчком, выходит, не брезгуешь, а я для тебя не гожусь?..

Ольга растерялась и замолчала, не зная, что ответить.

– Не лома-айся... – тем временем продолжал уговаривать Тимофеев.

– Уйди!

Тимоха попытался приобнять, но неожиданно получил звонкую пощёчину.

– Шлюха! – разозлился он. – Я тебе устро-ую, дрянь! Ещё пожа-леешь...

На следующий день к ней подошёл сержант Григорьев и, ехидно улыбаясь, предложил прогуляться всё в тот же лесочек.

– Не гуляю я по лесу, – хмуро ответила Ольга.

– С Жилиевым гуляла, с Тимофеевым любила, а я чем-то плох тебе?.. – удивился Григорьев.

– Не было у меня ничего с Тимохой! – выпалила Оля и отпра-вилась искать обманщика.

Тот вместе с двумя солдатами курил махорку, над чем-то посмеи-ваясь. Уж не над ней ли...

– Сплетни распускаешь, – закричала она ему ещё издали, – не стыдно врать-то?

– А что, с Жилиевым не миловалась? – нагло улыбнулся Тимоха. Его товарищи тоже не скрывали ухмылок.

С этого и началось... Не было дня, чтобы к ней не подходил кто-то из солдат и не звал в лесок. Ольге стало казаться, что даже смот-реть на неё теперь стали оценивающе и презрительно. Раньше она, когда случалось затишье, мечтала о будущем, о времени, когда закон-чится война и наступит мир. В такие минуты становилось светло и хорошо, будто стоишь на косогоре у родной деревни, над соцветием дурмящих лугов. Теперь же каждый вечер она уходила подальше от всех и тихо плакала от бессилия и унижения.

Однажды в таком вот заплаканном виде Ольга попала на глаза командиру батальона, бывшему учителю, человеку пожилому и со-всем уже седому.

– Почему у вас глаза опухшие, в чём дело? – как мог, проявил уча-стие капитан.

В ответ на это Ольга снова расплакалась: ей давно хотелось вы-говориться, и она рассказала всё от начала до конца.

– Что ж ты, дочка, молчала... – вздохнул комбат. – Надо было сра-зу ко мне обратиться, не дал бы этим ухарям в обиду. Хорошо, будет первая передышка, выстрою батальон – и этот твой Тимоха будет у тебя на коленях прощение вымаливать!

– Ой, не надо, товарищ капитан... – испугалась Ольга.

– А это уже теперь не тебе решать. Несправедливости в батальо-не не место... Ты не бойся, всё будет хорошо!..

Земля под ней содрогалась и ухала. Деревья неясными силуэтами выступали в сумерках. В той стороне, где окопался противник, стали вспыхивать желтые осветительные ракеты. С нашей стороны длинными очередями отвечали пулемёты, захлопали винтовки.

Ольга вытерла пот суконной пилоткой. Показалось, что запахло кислой капустой.

Обрыва она так и не могла найти, хотя искала его, с какой-то детской наивностью веря в то, что ещё немного – и всё получится, всё будет хорошо. Почему-то вспомнилось детство. Мама достает из печи глиняный горшок с молоком, покрытым румяной пенкой. Она выходит на крыльцо. Только что прошёл дождик, всё вокруг сверкает. По двору важно шествует гусыня, ведя за собой ватагу гусят. Они пищат, посвистывают и толкают друг друга. Процессию бдительно сопровождает гусак, глава семейства. Он поминутно оглядывается – не грозит ли откуда опасность? Но всё спокойно, и слышится его тихое миролюбивое «га-га». Гусята, увидев одуванчики, бегут к ним, тыкаются клювами и пускают пушинки по ветру. Гусыня смотрит на гусят и качает головой – какие они ещё глупые. Оля тоже, бывало, фукала парашютиками одуванчиков в лицо младшему брату, когда тот оглядывался на неожиданный оклик. А потом уже брат, подкараулив, отвечал тем же, и она хохотала, а мягкие пушинки щекотали её лицо...

Свист и ухнувший рядом взрыв оборвали воспоминания. Ольга вскрикнула от острой боли, виной которой был глубоко вошедший в руку осколок. От вида крови даже закружилась голова. Она одним отчаянным рывком выбросила тело из воронки, охнула, но поползла дальше. Руку жгло будто огнём, но она ползла и ползла... Она не помнила, сколько так продолжалось, пришла в себя, только когда уткнулась лицом в лужу. От прохлады стало так легко, что не хотелось поднимать голову. Но надо было двигаться дальше – и она снова попыталась ползти, но свалилась в очередную подвернувшуюся воронку, закричав от боли в руке и даже зажмурившись от вспыхнувших в глазах искр.

Когда Ольга открыла глаза, то снова вскрикнула – теперь уже от радости: прямо перед ней торчал оголённый конец провода, это был тот самый злосчастный обрыв. Оставалось теперь только срывать провода. Она неуклюже присела; перебитая осколком рука

безжизненно висела плетью, другая рука была, похоже, сломана после неудачного падения в воронку, и даже поднять её не было сил.

Зажмурившись от страха перед будущей болью, она все же подняла руку и соединила оба конца провода. На их скрутку сил уже не оставалось – и тогда, поняв, что остается только одно, Ольга сжала зубами концы, вздрогнув от удара током: инструктор в училище им говорил, что когда на том конце кто-то крутит ручку, устанавливая связь, напряжение подскакивает до ста двадцати вольт.

Рядом громыхнул новый взрыв. В глазах у Ольги потемнело, и она почувствовала жгучую боль.

Тут и нашли её после боя, присыпанную землей и стискивающую зубами концы провода.

В расположение батальона Ольгу принесли на растянутой плащ-палатке. Из пилотки достали бумажку с адресом родных, которых надлежало уведомить о том, что случилось. К расстеленной на земле плащ-палатке стали подходить бойцы из её взвода, бросил занятие даже повар, отмывающий котёл полевой кухни.

– Давалка ... – вдруг сквозь зубы процедил Тимоха.

– Тимофеев, оставить! – прогремел голос комбата. – Жаль, поздно Оля рассказала о том, как ты себя повёл... Не довелось мне восстановить справедливость, пока живой была. Но я тебе сейчас скажу: сволочь ты и мерзавец, коли травил человека и сплетни распространял! И остальные, кто на твою брехню повелся, тоже хороши. Была у нас одна девочка в батальоне, беречь её нужно было, а мы – не сберегли...

Взгляды у солдат потупились.

– Сволочи мы, мужики, всё-таки, – вдруг хриловато продолжил за капитаном худой и белобрысый сержант по фамилии Хлебный, обычно тихоня тихоней. – Прости нас, Ольга, безвинная душа.

Пожилой и седовласый рядовой Акимов, медленно подбирая слова, добавил:

– Она была всегда грустной... Говорила негромко, рассудительно. Иные от переживаний начинают языком молотить, а Ольга немногословна была... А чтобы смеялась – почти и не видно было. И мы в том виноваты...

– Будем представлять к награде... посмертно, – подытожил комбат. – На таких и держится Россия.

Чвир Илья Хасанович

Родился 8 сентября 1957 года в уральском городке Верхняя Салда Свердловской области. Окончил факультет журналистики Московского полиграфического института.

Работал редактором в Институте общественных наук при ЦК КПСС, главным редактором печатного журнала «Ералаш». Член Союза писателей России. Председатель Комитета по детской и юношеской литературе Федеральной палаты культуры РФ.

Лауреат премий МВД СССР, Международного литературного конкурса «Дети войны» 2010 года. Печатается под псевдонимом Илья Ильин.

ЭКИПАЖ «ПОДРУГИ БОЕВОЙ»

*Женщинам-танкистам
Великой Отечественной...*

Екатерина проснулась, открыла глаза. Глухая плотная темнота. Подняла руку, нащупала холодный металл – днище Т-34. Поднесла к глазам светящийся циферблат трофейных часов. Пять часов десять минут. Всё ещё ночь. Спать да спать бы.

«Чего проснулась? – подумала. – Что могло разбудить? Стоп! Тишина! Что это? Звенящая тишина. Не может быть. Тишина разбудила».

Екатерина полезла из-под танка. Поднялась. Осмотрелась. На востоке, перечерченная стволами сосновой рощицы, светлела полоска будущего рассвета. Там в лесочке из трубы, торчащей из блиндажа, вылетали искры. Вот чудачки, теплынь, а кто-то печку топит.

«Зато у них горячий чай!» – позавидовала.

Но тишина! Будто не война! Будто передовая не в трёх километрах.

Екатерина сильно с шумом втянула воздух. Как же хорошо. Пахло свежестью, сырым сеном от разваленного стожка, смоляным духом сосновой коры и баней. Банькой на задах в огороде на берегу речки

Ясенки. Субботними банными вечерами, неизменно заканчивающимися сытным ужином, чаем с молоком. Довольным отцом с белоснежным полотенцем на распаренных плечах. Щекочущий запах дыма от «козьеj ножки». Отец сидит и дымит у окна, мама стаскивает полотенце и притворно шлёпает отца по спине, гонит курить на улицу.

Екатерина осмотрелась. Ничего похожего на баньку. Ах, вот в чём дело: на краю рощицы словно девица в кругу сосен-парней красуется берёзка. От неё и пахнет берёзовыми вениками.

Екатерина наклонилась, намочила ладони росой, освежила лицо. Пошла к блиндажу, шурша пыльными сапогами по травостюю.

– Стой! Кто идёт?

– Это ж я, Давыденко. Не признал?

Часовой потоптался.

– Отвечать по уставу надобно, товарищ гвардии лейтенант, – сердито забубнил часовой Давыденко. – Мало что.

– Да не ворчи. Ты только послушай?

Давыденко двинул вперёд подбородок, худенькая шея вытянулась, обозначился острый кадык. Блеснул белками глаз – вправо, влево.

– Чаго? – спросил шёпотом.

– Эх ты, чаго. Тишина Давыденко, ти-ши-на.

– А-а.

В этот миг с хлопком взвилась ракета с немецкой стороны. Повисла, освещая поле на нейтральной полосе белым резким светом, разделив мир на белый и чёрный. Оттуда, разорвав тишину и ночь, ударил пулемёт: та-та-та-та. Наши ответили: тррррр.

– Эх! Кончилась тишина, – Екатерина легко развернулась на носках сапог и пошла обратно.

Давыденко посмотрел на девичий силуэт, затянутый ремнями, вздохнул, облизал пересохшие губы и пошёл по короткому маршруту часового.

Рассвет приближался, наполняя утро новыми звуками и запахами. Проснулись птицы, мелькали пока ещё неясными тенями среди деревьев, гомонили, щебетали. Прилетел ветерок, запутался в берёзе, зашептал сердито. Светало. Молочной пеной проявились облака на синем небе. Обозначились заросли черёмухи по берегам пересохше-

го за лето ручья. Терпко запахло смородиной, кусты которой толпились на краю неглубокого оврага.

Уже затемно прошлым вечером в этой рощице заглушили моторы танки маршевой роты 26-й гвардейской танковой бригады 2-го танкового корпуса, действовавшего на Смоленском направлении. Позади многокилометровый марш по труднопроходимой местности. Мостам и переправам потеряли счёт. Заглушили моторы и повалились кто где – спать.

Екатерина подходила к месту стоянки. Тёмной махиной проявлялся танк. Танк, названный «Боевая подруга», построенный на сбережения женщин. И воевали в этом танке женщины – боевые подруги: Екатерина, командир танка, Александра, водитель-механик, Мария, радиотелеграфист-пулемётчица. И только командиром башни был единственный мужчина, гвардии сержант Полевой. Ну, ни за что не соглашался командир бригады на полностью женский экипаж. «А если гусеницу перебьёт? Я что, должен танк останавливать? Мужиков к вам посылать траки менять. Как вы гусеницу натянете?» – гремел полковник Нестеров.

И вот он, командир башни, похрапывает внутри танка. Несладко ему в женском экипаже. Вся тяжёлая работа на нём. И за всех мужиков достаётся.

Екатерина взялась за дуло, запрыгнула на корпус, перебралась на кормовую часть, присела, прислонившись к башне. Сквозь гимнастёрку почувствовала прохладу брони. Прикрыла глаза. И неожиданно задремала...

– Командиры танков к командиру роты!

– Командиры танков к командиру роты!

Полетела команда над привалом.

Екатерина проснулась, сладко потянулась, осмотрелась. Мария с Александрой копошились у бокового воздухозаборника. Над ними на башне торчал Полевой, протиравший перископ.

– Смотри-ка, – сдерживая смех, сказала Мария. – Какой крепкий сон у нашего командира. Так и победу проспит.

Александра сдержанно хихикнула.

– Командир, к ротному, – сердито сказал Полевой.

– Что же вы молчите? – возмутилась Екатерина, соскочила с танка

и побежала к блиндажу, около которого собрались командиры танков. На ходу одёрнула гимнастёрку, надела шлем.

Ротный, высокий статный капитан, хмуρο покосился.

– То, что вы женщина... – тут же запнулся, махнул рукой. – Впредь, прошу не опаздывать.

– Так точно! – согласилась Екатерина и игриво добавила: – Виновата! Больше не повторится.

– Товарищи! – капитан осмотрел командиров. – Нашей роте поставлена тактическая задача.

Капитан носком начищенного до блеска сапога расчистил от слезавшихся листьев и хвои кусочек песчаного грунта. Сломал веточку рябинки.

– Так быстро наступаем, что карты запаздывают, – оправдался.

Начертил две кривые линии.

– Вот. Здесь немцы. По данным разведки, тут, тут и тут противотанковые пушки. Здесь, в лощинке у осиновой рощи, миномётчики. Левее танки, около десятка, в основном «тигры». Наша задача: на этом участке вклиниться в оборону противника, завязать бой с «тиграми» и сжечь их к чёртям собачьим!

Капитан с силой перечертил рисунок, словно поставил крест на всех немецких «тиграх» разом и выпрямился.

– Слушай приказ!

Командиры подтянулись, лица посерьёзтели, в глазах появилась непоколебимая решимость выполнить любой приказ...

Екатерина бегом вернулась к танку.

– К машине!

Экипаж построился перед танком.

– Слушай приказ! Тщательно осмотреть и подготовить «подругу» к бою. Пополнить боеприпас. Проверить связь. На всё про всё два часа. Выполнять!

– Масло бы долить, товарищ командир, наше-то кончилось, – пожаловался Полевой.

– У заправщика получите. Саша, пойдём со мной.

– Подожди, командир, – попросила Саша. – Вон завтрак, поешь. Ведь сутки без горячего.

Екатерина стянула шлем, потряхнула курчавой головой. Махнула рукой. В старенькую промасленную фуфайку кулём был завернут ко-

телок. Развернула. Запахло распаренной гречкой и мясом. Потекли слюнки.

– Видала! – радостно сообщила Мария. – Наш Татырбаев расщедрился, гречку с мясом выдал! К чему бы это?

– К бою, Машка, к бою! – проворчал Полевой.

Справившись с кашей, Екатерина повела водителя-механика Александру на невысокий пригорок, утыканный молодыми тоненькими сосенками. Пристроившись за порослью ёлочек, протянула бинокль.

– Смотри Саша, смотри внимательно. Наша задача не допустить контратаки немецких «тигров». А их десять. Против наших семи. Когда пойдём в атаку, держись ближе к ручью. Видишь?

– Да.

– Стреляем под углом, с короткой. Выстрел, задний ход, выстрел и вперёд. Если что, скатывайся вниз.

– Молодец, гвардии лейтенант Петелина! Правильно мыслишь.

Сзади подошёл командир роты, похлопывая себя по голенищам всё тем же прутиком рябины.

– Ой! Товарищ капитан, – в один голос сказали подруги.

– Что? Не ожидали? Всё правильно. Но и немец не дурак, понимает, что к чему. Там у него два орудия спрятаны. И, наверняка, пристреляны. Предлагаю выскочить на левый берег. Вот уж фашисты наверняка не ожидают такой наглости.

– Мы же там будем как на ладони.

– Конечно! Но и вы будете видеть всё поле боя сверху. А это – преимущество. Вон там, видишь, не то старая рига, не то сарай. Как до него доберёшься, считай, пушки тебе не страшны. Стрелять с короткой. Вперёд пойдёт машина Редькина. Вы вторыми. За вами – Бабич. Ваша задача – танки. И только танки.

Екатерина посмотрела в бинокль. Дошатое, с обвалившейся крышей строение торчало на самом высоком месте. До него пару километров. Пару километров жизни и смерти...

– Эх, девоньки, девоньки. Не тем вы занимаетесь. Не женское дело – война. Что ж без вас бы не справились. Ваше дело сыновей нарожать. Сколько мужиков повыбило.

Екатерина и Саша захихикали.

– Ничего смешного, – обиделся капитан.

– Не обижайтесь, товарищ гвардии капитан. Как форму надели, так все будто стоворились, – Екатерина понизила голос, – ваше дело – детей рожать. Конечно, справились бы и без нас, но родина у нас одна и горе у нас одно, а злости у нас не меньше. И мстим мы не только за себя, а за многих, многих, многих матерей, жён, сестёр.

Капитан крикнул.

– Ладно. Хоть берегите себя.

Второй час шла артподготовка. Позади, слева и справа непрестанно бухали тяжёлые орудия, посылая снаряды на врага. Грохот стоял такой, что дрожала земля, вздрагивали деревья, роняя листья. Подрагивал танк, ощущая каждый выстрел. Птицы смолкли и попрятались.

Екатерина торчала в люке. С улыбкой посмотрела на небольшой веноч, сплетённый Марией из последних сентябрьских полевых цветочков. И когда только успела. Висел этот маленький оберег для броневой машины в основании дула. Каждый раз перед боем Мария плела веноч и вешала на дуло. Вот уж воистину – Марья искусница! Кто знает, может, и помогал веноч: лопались траки, рикошетила снаряды, обжигая бока башни, но ни одного прямого попадания. Тьфу, тьфу, тьфу!

«Шу-шу-шу-шу» – зашуршали в конце артподготовки реактивные «катюши».

– Катюшь! В твою честь! – кричит Саша, высунув из водительского люка руку в чёрной перчатке.

Екатерина поднесла бинокль, навела на немецкие позиции. Ад. Алые брызги разрывов, вспученная земля, густой тяжёлый дым. Неужели там можно выжить?

В наушниках раздался треск и хриплый голос: «Заводи!»

– Саша, заводи! – приказала Екатерина.

Слева уже лязгал гусеницами танк гвардии старшего лейтенанта Редькина, выворачивавшего на позицию.

Саша нажала кнопку стартера. Мотор ожил и весело заурчал, эхом приветствуя экипаж, деревья, небо.

– Вперёд! – Екатерина ухватила за крышку люка.

Танк дёрнулся и покатил по краю косогора к лоштинке.

– Принять левее! Саша, ориентир рига!

– Помню, командир.

Недалеко всколыхнулась взрывом земля. Оставшиеся целыми немецкие пушки стали огрызаться. Мария захлопнула люк. Танк Редькина, разворотив черёмуховые заросли, уже поднимался на пригорок.

– Больше ход! – кричит Екатерина. – Держи дистанцию за Редькиным!

– Есть, командир!

Ещё взрыв, ещё.

– Товарищ командир, спрячься уже, – просит Полевой.

Екатерина послушно садится на место и закрывает люк.

В перископ видно, как из оседающей дымной завесы выползают «тигры», расплозаются по полю. Три из них сворачивают к риге, на встречу. Танк Редькина, качнув дулом, застывает, стреляет. Не долёт. Екатерина ловит в прицел танк с белым крестом, немного приподнимает над «тигром».

– Бронбойным!

– Готово!

– Короткая!

Танк замирает.

– Огонь!

Фу! Танк словно выплёвывает снаряд, звенит гильза. В башне запахло порохом. Удача! Первым же снарядом подбит один из трёх «тигров». Крутится на месте, чёрный дым повалил из моторного отсека.

– Есть попадание! – кричит снизу Саша.

– Молодец, фиалка! – слышит Екатерина похвалу ротного.

Полевой убирает гильзу, заряжает новый снаряд.

Танк, послушный рукам и коленкам Саши (приходится помогать себе давить на рычаги коленками) пятится. Рядом вырастает столб разрыва. Осколки градом стучат в броню.

– Вперёд!

Танк окончательно выбирается на косогор. Ротный был прав. Отсюда видно всё поле сражения. Медленно ползущие «тигры» в центре. Раз, два, три, четыре... семь танков. Наперерез им четыре Т-34. Что здесь? Один горит, три движутся. Опять три. Значит, было больше десяти.

Екатерина сквозь взрывы ловит в прицел ещё одного «тигра».

- Короткая!
- Огонь!
- Вправо перелёт! – кричит Саша.
- Осколочным!

Полевой загоняет в ствол осколочно-фугасный снаряд.

- Готово!

Екатерина смотрит в перископ. Уже два «тигра» горят.

Перед танком взрыв. Танк вдавливается в столб земли, осколков и дыма. С ходу проскакивает воронку. В перископ ничего не видно.

- Саша!

- Всё нормально, командир!

В прицеле появляется «тигр». Уже ближе. Почти на прямой наводке.

- Короткая!

- Огонь!

«Тигр» скрывается в разрыве, разворачивается и замирает боком с крестом. Гусеница перебита. Но крутится башня, выворачивая дуло.

- Бронбойным! Стой!

Кто быстрее...

- Готово!

В прицеле белый крест.

- Огонь!

Башня с крестом подпрыгивает и валится дулом вниз.

- Горит! Горит! – кричит Саша.

- Вперёд!

Танк движется. До риги ещё метров шестьсот.

- Осколочным!

- Готово!

Резко дёрнувшись, танк останавливается. Больно ударившись бобом о перископ, Екатерина сердится.

- Саша!

- Редькина подбили!

Екатерина крутанула перископом. Танк гвардии старшего лейтенанта Редькина неподвижно торчал на косогоре и дымила. Люки были закрыты. Неужели все? Вихрастый беловолосый тульский паренёк Редькин, черноглазый, черноголовый кавказец Марат...

Близкий разрыв вернул в действительность.

– Вперёд Саша! Вперёд!

Обогнули танк Редькина.

– Стой! Назад!

Екатерина спрятала «подругу» за подбитый танк. И вовремя. Впереди грянули сразу два взрыва.

– Саша! Назад. После выстрела сразу за танк!

– Поняла, командир.

Танк выехал из укрытия. Екатерина навела на «тигр».

– Огонь!

– Влево недалёт!

Заехали в укрытие. Одно было плохо – танк мешал наблюдению и наводке.

– Саша! Теперь вперёд, короткая и вперёд! Бронбойным!

Щёлкнул затвор.

– Готово!

– Вперёд!

Танк выскочил из укрытия. Замер. В прицеле «тигр». Навела прямо на чёрную точку дула. Не успела. Оттуда вырвался огонь. В нас.

– Огонь!

Немецкий снаряд разорвался в метре. Танк трянуло.

– Целы?

– Порядок, командир!

– Осколочным!

Екатерина взглянула в перископ. Опять не попала. «Тигр» неторопливо катил к ручью.

– Аккуратно. Наводим под танк.

– Огонь!

«Тигр» дёрнулся и задымил. Из него посыпались танкисты в чёрных комбинезонах.

– Ах, вашу! – закричала Мария, припав к пулемёту.

Оставшийся «тигр» сделал выстрел и стал пятиться.

Подскочили к риге. Екатерина осмотрела поле боя. Семь немецких танков дымили. И три наших.

– Командир! Слева немцы! – доложила Саша.

Екатерина навела перископ. Из лесочка выбежали фашистские

автоматчики. Десяток солдат в серых мундирах на ходу строчили из автоматов. Пули щёлкали по броне.

– Мария, встречай гостей!

– Вижу!

Застрочил пулемёт.

– А ну, Саша! Дави их, нелюдей!

Танк взревел, словно разъярённый зверь взрыхлил землю и ринулся на фашистов. Те испугано заметались, кто успел, спрятался в щели, остальные остались лежать на русской земле, вперив выпученные от ужаса глаза в смоленское небо. Молоденький ефрейтор, командовавший автоматчиками, лежал на спине с перебитыми ногами и плакал. Никто не видел его слёз. Никто не звал вас...

Бой закончился. Из оставшихся «тигров» подняли над люком белые платки. Пленные фашисты толпились кучкой внутри восторженной, радостной, одуревшей от победы группы русских солдат.

«Боевая подруга» потрескивая остывающим мотором, стояла недвижно недалеко от исковерканных орудий. Саша вылезла из водительского люка, уселась на горячий бруствер и разминала опухшие колени и руки. Полевой лазил вокруг башни, осматривал и подсчитывал раны. Мария соскочила с танка, обрадовалась маленькой беленькой ромашке на тоненькой зелёной ножке. Присела и стала уговаривать ромашку: «Бедненькая, испугалась, кругом страшные железные машины. Теперь всё, теперь будет мир. Теперь живи!». Мария погладила нежные лепесточки.

Екатерина торчала из люка, не в силах унять дрожь от напряжения минувшего боя. Опять была тишина. Но это уже не та тишина. Усталая, побитая, упавшая тишина. С запахом смерти.

Мария поднялась и помахала Екатерине.

Грянул выстрел.

Мария охнула, опустилась на колени. В красивых карих глазах недоумение. По спине багровое пятно.

– Маша! – закричала Екатерина, слетела с танка, подхватила подругу.

– Ромашку... не...

Выстрелил ефрейтор. Стреляя, никого и ничего не видя, слепой от боли, от грязи, залепившей глаза. Наугад, потому что пистолет в руке, а в пистолете один патрон.

Через минуту ефрейтор умер.
Через минуту умерла Мария. На руках Екатерины.
Десять свежих холмиков на бугорке, где утром стояли танки, суетились экипажи, ели пахучую гречку с мясом.
Среди них одна табличка с женским именем Мария.

***

Танк Т-34, названный «Боевая подруга», реально существовавшая машина, прошедшая с боями от Смоленска до Восточной Пруссии. Первым механиком-водителем которой была **Мария Васильевна Октябрьская**. 2 октября 1944 года ей присвоено звание Героя Советского Союза посмертно.

Ещё имена женщин-танкисток:

Ращупкина Александра Митрофановна, водитель-механик Т-34, награждена орденами Красной Звезды, Отечественной войны 2-й степени, медалями.

Калянина Людмила Ивановна, инженер-майор танкоремонтной службы, удостоена ордена Красного Знамени, двух орденов Отечественной войны 2-й степени, двух орденов Красной Звезды, 23 медалей, в том числе «За боевые заслуги».

Бойко Александра Леонтьевна, командир тяжёлого танка ИС-2. Закончила войну в Праге. Награждена орденами Отечественной войны 1-й степени, Красного Знамени и медалями.

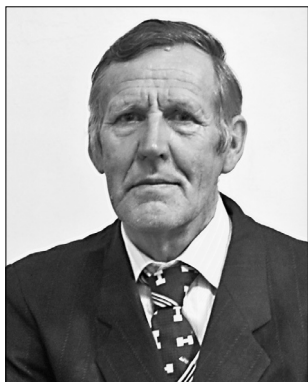
Петлюк Екатерина Алексеевна, водитель-механик лёгкого танка Т-60. Тяжело ранена при форсировании Днепра, после госпиталя направлена командиром учебного взвода танкового училища. Удостоена орденов Отечественной войны 2-й степени и Красной Звезды.

Самусенко Александра Григорьевна, командир танка Т-34. Награждена орденами Отечественной войны 1-й степени и Красной Звезды. В бою под Берлином была тяжело ранена и скончалась от ран.

Левченко Ирина Николаевна, командир группы лёгких танков Т-60. Герой Советского Союза. Войну закончила в Берлине.

Бабушки, матери, жёны, сёстры. Боевые подруги.

Низкий вам поклон!

Пыстин Вячеслав Ильич

Родился 11 января 1947 года в селе Трошицко-Печорск Коми АССР. Образование среднее. Служил в СА в 1966 – 1969 гг.

Работал в аэропорту 11 лет. Трудился фотокорреспондентом в районной газете «Заря». Затем 29 лет – в лесной отрасли. Станочник 5-го разряда. Ветеран труда, пенсионер. Дипломант трёх республиканских конкурсов сочинений-эссе.

«С ГАРМОНЬЮ И С ВИНТОВКОЙ ДО ПРАГИ»

... Вот наконец-то на передовой бой затих. На местности видны подбитые танки со свастикой по бортам, а уцелевшие повернули назад. Ещё одна атака немцев захлебнулась. Тишина. Благодать. Стало слышать чирикание птиц, цыркание не известных для молодого бойца Ильи насекомых. Только сегодня утром он прибыл в расположение полка и сразу попал в пекло. Свистели пули. Попадали в бруствер траншеи, свистели над головой. Грохотали пушки. Было страшно, но он старательно подтаскивал снаряды к своим пушкам. Другую работу в первый день командир не дал, хотя Илья успел окончить в Москве курсы по подготовке артиллеристов и в красноармейскую книжку ввели запись «орудийный номер батареи». Багровое солнце закатилось за горизонт, и стало очень темно. Изредка вспыхивали в небе осветительные ракеты. Они тухли, и становилось ещё темнее. «А у нас в это время солнышко всё ещё ярко светит», – задумчиво и тихо проговорил новичок. «А откуда же это ты прибыл?» – удивился наводчик аварец Магомедов. «Из Коми, и у нас сейчас белые ночи. Если солнце и заходит, то ненадолго, а севернее нас за полярным кругом – полярный день». И потёк не спеша разговор о краях, откуда были призваны бойцы. Командир батареи – сибиряк, были и украинцы, и с Алтая. ... Вдруг командир вспомнил «А не ты ли, Илья, сегодня с гармонью прибыл, давай поиграй, а то на душе кошки скребут». И совсем как в известной песне получилось «Бьётся в тесной печурке огонь... и поёт мне в землянке гармонь про улыбку твою и

глаза...». Кто-то подпевал – «Выходила на берег Катюша», и каждый видел себя дома, видел своих родных. И у самого гармониста перед глазами появилась его жена – голубоглазая Люба, он как будто наяву слышал её жаркий шепот: «Вернись, вернись же живым домой». «Вернусь, обязательно вернусь», – обещал он. Сейчас Илья не знал, что вернётся домой через 4 года в декабре 1945. Проживёт после Победы 30 лет. Мастеровой человек умел делать лодки, санки, сани, построит большой дом. И будет в семье пятеро детей. Поработает 7 лет в милиции и до выхода на пенсию в родном колхозе. В праздничные дни будет рассказывать своим детям о боях и какой ценой досталась Победа, о своих друзьях-однополчанах. И не будет говорить, сколько же земли пришлось перекидать, роя окопы, траншеи и окапывая орудия, за долгий фронтной путь. В минуты грусти будет брать в руки гармонь и петь песню, как «далеко-далеко на Кавказе много-много пролилось крови советских солдат».

Будет вспоминать курьёзные случаи и трагические случайности: «Полк находился на отдыхе и с его расположения привезли кино. Илья не пошёл в тот сарай – получил письмо от жены. Она сообщала, что призванные два её брата: Павел и Иван Поповы «пали смертью храбрых» – так сообщалось в похоронках, и Илье надо было писать ответ. Только пошли титры на экране, как послышался стрёкот самолётов и посыпались бомбы на зрителей. Трагедия усугублялась тем, что это были наши ПО-2 кукурузники, в темноте сбросили бомбы не по адресу. Они просто-напросто заблудились... В минуты грусти фронтовик будет брать в руки гармонь и тихонько петь грустную песню на коми языке, как далеко-далеко на Кавказе пролилось много крови советских солдат. Именно там сейчас поет его гармонь «про карие очи и дом свой отчий». Таких музыкальных минут в его землянке будет много и, к очень большому сожалению, состав слушателей будет меняться. Будут и раненные, будут и погибшие однополчане, и на замену придут новички. Этот трудный день навсегда останется в памяти у Ильи. Задолго до восхода солнца началась усиленная канонада. Артиллерия немцев старательно утюжила позиции полка. Из-за горизонта выплывает солнце и вместе с ним в поле зрения появляются немецкие танки «тигры», довольно грозные и внушительные. «Приготовиться к бою», – передается команда от одной батареи к другой. Начинается жестокий бой. Орудия прямой наводкой

стреляют по танкам, «тигры» огрызаются и плюются в ответ снарядами. Загорелся один танк, другой закрутился на месте – попали в гусеницу. И вот оглушительный взрыв на позиции 4-й батареи. Илью засыпало землей. Очнувшись и отряхнув с себя землю, оглядел себя: руки целы и ноги целы, но трещит от боли голова и ничего не слышно. Упала на него тишина и видит перед собою картину, как в немом кино: идет бой, видит разрывы, видит танки и сотни фашистов в черных мундирах, «навверное, эсэсовцы» – успел подумать он. Слева и справа наши батареи беспрерывно стреляют, но на его высоте никто не шевелится. И что такое? И его друг – молодой пулемётчик Василёк, казачок с Кубани, лежит с открытыми глазами.... Служили они в разных частях, но как только случайно разговорились – незаметно подружились. При Илье пулемётчик не раз разбирал своё оружие, и таким образом ознакомил и своего друга с пулемётом. Трудно примириться с такой потерей – и веером полетели пули, строчил и строчил он, меняя ленту. Время, казалось, остановилось, и он видел падающих фашистов, они кричали «Русским капут!», но красноармеец этого не слышал и не хотел этого слышать. Придёт время и сами немцы, сдаваясь в плен, будут кричать: «Гитлер капут!». И вот послышались крики «Ура! Вперёд! За Родину, за Сталина!». Это подошла подмога. Коми воин теряет сознание – оказалось, он один удерживал высоту почти полчаса. «Героя» ему не дадут, но медаль «За отвагу» командир полка, полковник Головачев торжественно вручит, и это будет первая, но не последняя награда. Будут бои за знаменитую Сапун-гору, за город-герой Керчь. Будет переход через пролив Сиваш. Будут освобождены города и столицы других стран. Илья воевал и писал домой: «Бьём фашистов» – и думал: а как же его жена, каково ей одной с детьми. И в самом деле, нелегко ей было. Работая в колхозе дояркой, она доила одиннадцать коров, убирала навоз, таскала воду в любую погоду. И в 40 градусов мороза запрягала лошадь, ехала за сеном за 15 километров. Домой приходила зимой вся в обледеневшей одежде.

Пыстин Илья Степанович. Прага. 1945 год.

Душа болела за голодных детей. Кроме мелкой сваренной картошки в чугушке, нечего было оставить дома. И молоко запрещалось брать с собой. За нарушение запрета была дорога в лагерь (не пионерский, конечно же). Никому дела не было до голодных детей. Родине не забыла её трудовой подвиг – Пыстина Любовь Петровна была награждена медалью «За доблестный труд в годы ВОВ». Через неделю после контузии Илья снова в строю, и снова его пушка 76 мм калибром отражает атаки «тигров», «леопардов» и только через три года его полк и вся Советская Армия пойдут в наступление, освобождая город за городом. Война закончилась для нашего героя в Праге – столице Чехословакии. Радостная толпа закидывает победителей цветами и уже как в другой песне поется «Майский вальс» – «Весна 45-го года, так ждал тебя синий Дунай»: только не на площади Вены спасённой, а на площади Праги спасённой, собрался народ стар и млад и на старой израненной в битвах гармонии вальс русский играл наш солдат. Легко, вдохновенно и смело «солдатский» вальс этот звучал, и Прага кружилась и пела, а парень с улыбкой счастливой гармонь свою к сердцу прижал. И этим солдатом был наш Илья Степанович Пыстин, гвардии рядовой 33-го гвардейского Керченского полка ордена Богдана Хмельницкого. Не Волжские видел разливы, как в песне поется, а родную реку Печору, тайгу и родное село Троицко-Печорск Республики Коми.

Маховой Григорий Яковлевич

Родился 12 ноября 1923 года в селе Песчаное Решетилковского района Полтавской области в крестьянской семье. В 1937 г. окончил Николаевскую семилетнюю среднюю школу, а позже Зугресскую школу ФЗО. С 1941 по 1942 год учился в Арзамаском пулемётно-миномётном училище, а в 1943 – в Брянском военно-политическом училище.

Сражался на Калининском, Северо-Западном и 1-м Украинском фронтах. Был несколько раз ранен. После обучения на курсах

заместителей командиров артиллерийских частей по политчасти (г. Горький) был направлен на службу в Военно-морской флот.

В декабре 1960 г. уволен в запас из рядов ВМФ и переехал жить в город Рязань. Капитан первого ранга в отставке. Награжден 5 орденами, 35 медалями и многочисленными грамотами различных уровней, в том числе – за литературное творчество.

КАК Я СТАЛ «ЗАЩИТНИКОМ ОТЕЧЕСТВА»

В середине июня 1942 года началась войсковая операция, в которой я впервые принял непосредственное участие. Это был мой первый бой. С большим волнением я ждал его. Припомнил советы батальонного комиссара Ловцева, сказанные нам при движении на фронт. Стал следовать его советам. Отправился в обход обороны взвода. Беседовал с бойцами, командирами, боевыми расчетами пулемётов, миномётов, артиллеристами в дзотах. Призывал их к выдержке. Не паниковать, когда начнется артподготовка, а за ней на нас пойдут танки в сопровождении пехоты. Нужно стоять до конца и все же надеяться на помощь. Уставший, я уснул в своем командном блиндаже.

Проснулся рано от тревожного предчувствия беды. В амбразуру блиндажа заглянул ранний лучик солнца. Ополоснув лицо водой, выпив кружку холодного чая, поднялся наверх. Полной грудью вдохнул свежий, пахнувший хвоей, луговыми травами воздух. Несколько шагов в направлении наблюдательного

пункта были последними шагами мирной передышки моего подразделения.

Вдруг с немецкой стороны захлопали миномёты. К ним присоединился рёв многочисленных артиллерийских установок. В моём мозгу промелькнула мысль: «Ну, началось»! Содрогнулась земля наших позиций от взрывов мин и снарядов. Немцы начали артподготовку – прелюдию к наступлению основных сил танков и мотопехоты. На флангах в центре обороны взвода стали вырастать фонтаны земли, смешанные с бело-голубыми клубами взрывного газа. Как в лихорадке задрожала земля от наносимых ей ударов. На меня сыпался град комьев земли. Преодолев большие трудности, добрался до своего командного пункта. Немного отдышавшись, приказал своему помощнику командира взвода и командирам отделений укрыть личный состав в щели. Вырытые перпендикулярно к основному окопу, они при взрыве мины или снаряда в окопе предохраняли личный состав от потерь. Приказал при переносе огня артподготовки вглубь обороны быть готовыми к отражению танков и мотопехоты. Огонь открывать на эффективных для нас и опасных для противника рубежах.

Мощная артподготовка немцев длилась минут тридцать – сорок. Затем её перенесли вглубь обороны. Их огонь был направлен против позиций нашей артиллерии, миномётов, особенно против подвижных артиллерийских установок противотанковой артиллерии. Поднявшись на площадку наблюдательного пункта, увидел и убедился в точности предположения командования полка о том, что немцы нанесут основной удар в стыке второго и третьего батальонов полка. Сюда был направлен их основной артиллерийский удар с целью как можно больше уничтожить защитников обороны.

Перенос артиллерийского огня вглубь нашей обороны позволил мне с ординарцем пройти по периметру обороны. Преодолевая завалы окопов, посетил основную оборонительную позицию. Известил командиров и личный состав: «Сейчас за переносом артиллерийского огня вглубь обороны на нас пойдут танки в сопровождении мотопехоты. Для нас главное – не трусить. Ожидать подхода танков, мотопехоты на выгодных для нашего оружия рубежах. Только тогда открывать эффективный огонь...»

После обхода обороны возвратился на свой наблюдательный пункт. Отсюда увидел, как из Зеленишинской балки, построившись в

три «клина», пошли в атаку немецкие танки в сопровождении мотопехоты. Картина была устрашающая. Особенно для слабонервных.

Позвонил ротный: «Сейчас средства ПТО откроют огонь по танкам. Поддерживайте и вы их своим огнём». Не успел я окончить разговор с командиром роты, как со стороны центра обороны полка сухо защелкали противотанковые пушки. Стали вспыхивать огоньками подбитые танки. Их становилось всё больше. Это вынудило немецкие танки маневрировать, прятаться за складками местности. Они, ведя огонь, продолжали своё движение. В это время появилась немецкая авиация – пикирующие бомбардировщики «Ю-88». В поддержку своих танков они стали наносить удары по нашей обороне, особенно по подвижным средствам противотанковой обороны. Они нанесли значительный урон нашей обороне, но не сумели уменьшить огонь наших противотанковых артиллерийских систем. На смену выбывших артиллерийских установок появились новые, подброшенные командованием из своего резерва. Всё больше горело танков противника. Особенно большие потери нёс первый танковый клин, близко подошедший к нашей обороне.

Из своего наблюдательного пункта наблюдал за действиями личного состава левой и правой отсечных позиций. Когда немецкие танки и мотопехота вошли в зону огня отсечных позиций, их защитники открыли огонь. Мотопехота под огнем залегла, танки пошли вперёд. Чтобы избавиться от огня, немецкая мотопехота перешла в контратаку на обе отсечные позиции. Защитники правой позиции отбили контратаку, а на левой немцам удалось проникнуть в неё и завязать там бой. Командир – сержант Васильев попросил помощи. В противном случае они могли потерять позицию. Это сообщение вызвало во мне большое волнение. Проникновение немцев в нашу оборону означало начало большой беды. Немцы умели малейший свой успех путем наращивания сил превращать в направление главного удара.

Стал лихорадочно рассуждать: «Здесь, на левой отсечной позиции, немцы могут прорвать нашу оборону. И это на моём участке обороны! Этого нельзя допустить». Связался с командиром роты. Доложил создавшуюся обстановку. Выслушав меня, он спросил: «Ваше решение?»

К этому времени оно у меня созрело: «Нужно использовать резерв. Мне лично с ним прибыть на левую отсечную позицию – вы-

бить оттуда немцев или погибнуть». Доложил своё мнение. Попросил у командира роты резерв из курсантов – «арзамасцев».

«Хорошо, ваше решение утверждаю. Через пять – десять минут мой резерв будет у вас. Действуйте и никакой гибели! Верю в ваш успех!» – сказал он.

Капитан Сиверцев точно выполнил обещание. Через десять минут у моего наблюдательного пункта стояло двадцать пять – тридцать курсантов-«арзамасцев». Скрывая волнение, обратился к бойцам: «Товарищи бойцы, мои коллеги по училищу! На левую отсечную позицию прорвались немцы. Это грозит прорывом нашей обороны. Мы должны выбить их оттуда. Верю в наш успех. Вперёд, друзья! Я с вами».

Бежим по основному окопу, преодолевая завалы, переживая огневые артминомётные налёты. Перед входом на позицию останавливаемся в огромной бомбовой воронке, чтобы перевести дух. Здесь предупреждаю бойцов о сложности боя в лабиринтах позиции, возможностях рукопашных боев, чтобы они были осмотрительными.

... На позиции шёл бой. Раздавались автоматные очереди, слышались взрывы гранат. Разбившись на небольшие группы, начали проникать на отсечную позицию. Бежим туда, где шёл бой. На нашем пути встречались группы немцев. Завязывались кратковременные бои. Со мной шли четыре товарища по училищу, бывшие чемпионы «лопаточного боя» старшие сержанты: Иволгин, Грознов, Шонников, Попков.

Мы вышли к большому жилому блиндажу. Оттуда нёсся звон металла, слышались удары, отборная русская и немецкая ругань. Мы поняли, что там идет рукопашный бой. С криком: «Хэнде хох!» – ворвались в блиндаж. Увиденная картина потрясла нас. В центре блиндажа в окружении десятка немецких солдат спинами друг к другу, стояли трое окровавленных защитников позиции. В их руках, как молнии, сверкали сапёрные лопатки. Ими они поражали всех, кто приближался к ним. Вокруг валялись трупы немцев. Среди наших я узнал сержанта Васильева – командира отсечной позиции. Он тоже узнал меня, крикнул: «Гриша! Окружайте их. Мы пойдём навстречу вам». Наше предложение о сдаче немцы отвергли. Они с ещё большим остервенением начали нападать на нас.

В считанные секунды я оценил обстановку, прокричал своим

коллегам: «Саша, Коля, Олег, Дима! Угол! – на языке «лопаточников» это означало, что я иду вперёд. – Прикройте меня!»

Вырвав из чехлов лопатки, мы бросились на немцев. Ловкими ударами поразил двух нападающих. Отбивая удары, сыпавшиеся на нас, поражали тех, кто не успел прикрыться, отразить удар. Мы буквально прорубались навстречу Васильеву и его товарищам. Те, ободренные надеждой на своё освобождение, нанося смертельные удары, шли навстречу нам. Был ли страх за свою жизнь в этой сече? Вначале была тревога за исход боя, которая сразу же была вытеснена спортивной злостью.

«Мне ли, командиру, чемпиону по «лопаточному бою», бояться их?» – крикнул я и ринулся вперед, рубя врагов. Сколько их зарубил? Много. Было ли жалко убивать людей? Нет. Когда в любую секунду мог лишиться жизни, не до жалости было – мы поражали тех, кто хотел прикончить нас. Воля к жизни, инстинкт самосохранения толкали дерущихся на смертельные поступки. Сознание здесь отсутствовало. Ещё один наш призыв прекратить бой немцы встретили молча. Перевес сил был на нашей стороне. Лишь несколько раненых из них сдались в плен...

Ещё в одном блиндаже произошёл жестокий рукопашный бой. На этот раз несколько немецких солдат выскочили через запасной выход. Они с безумным видом бежали по окопу и кричали, что там на них идут кровожадные русские, которые рубят их солдат на куски. По всей территории позиции шли упорные в основном рукопашные бои. Почему рукопашные? Конечно, не по желанию обеих сторон. Создавшиеся условия перекрыли возможность проникновения свежих сил немцев на позицию и подпитки бывших нападающих боеприпасами. У нас же бомбёжкой был взорван склад боеприпасов. В бою некогда смотреть, сколько патронов ещё осталось. Боезапас быстро иссяк. Встретились враги. Что было делать? Бежать? Назад? Но это не принято у советских воинов, не принято и у немцев. Вот и хватали и те и другие всё, что есть под рукой, чем можно убить человека.

К полудню старшие групп начали докладывать, что немцы отходят туда, откуда пришли, на первую траншею. Тогда стало ясно, что ход боя склонился в нашу пользу. Не получив возможности убежать к своим, немцы или гибли в рукопашных боях или начали сдаваться в

плен. Правда, сдалось немного, да и те в основном раненные. Освободив позицию, мы включились в восстановление огневых точек. Помнили, что немецкие танки и мотопехота пошли мимо нас вперёд на центр нашей обороны, где и вели бои. Им придётся отходить назад мимо нас. Мы их должны встретить огнём.

Ещё более трудный бой шёл на центральной оборонительной позиции полка. Здесь, в стыке двух батальонов (второго и третьего), немцы наносили основной удар тремя танковыми «клиньями». Выйдя на дистанцию прямого выстрела, танковые «клинья» открыли концентрированный огонь по нашей обороне, её огневым позициям. Усилился наш ответный огонь. Чем ближе подходили танки противника к нашей обороне, тем чаще вспыхивали их подбитые танки. Неся потери, боясь, как бы атака танков не захлебнулась, немцы бросили на нас свою авиацию – пикировщиков «Ю-88».

Они появились из-за Зеленишинского леса. Несмотря на плотный огонь зенитчиков, «Ю-88» нанесли ряд ударов по нашей обороне. Наши потери были значительными, но это не уменьшило огонь против танков.

Подвижные противотанковые артиллерийские комплексы уходили из-под ударов пикировщиков. В этом бою мы увидели и почувствовали возросшее мастерство нашего командования в организации взаимодействия родов войск. Не успели их самолёты уйти, как над боевыми порядками танковых «клиньев» появились наши пикировщики «Яковлева». Они стали бомбить немцев. В результате танковые «клинья» распались на мелкие группы. Это резко снизило эффективность огня противника, так как он перестал быть концентрированным. Танки первого «клина», которые близко подошли к нашей обороне, понесли большие потери. Они не смогли пробить глухую стену противотанковой обороны. По-видимому, немецкое командование убедилось в бесперспективности их атак, дало приказ об отходе. Его начали остатки танков первого «клина». Они отходили организованно, ведя огонь и прячась за неровностями местности от настильного огня наших противотанковых пушек. Отходили в Зеленишинскую балку, откуда недавно пошли в атаку на нас. Удача на этот раз изменила немцам. На скопления бронетехники в балке налетела наша авиация. Немцы не во время боя, а в своем тылу понесли

немалые потери. Когда мы заняли Зеленишинский укрепрайон, то в балке насчитали десяток подбитых и сожженных танков.

...Заканчивался день. Заходящее солнце бросало печальные взоры на истерзанную землю. Не верилось, что немцы, потерпев неудачу в танковой атаке днём, не используют остаток светлого времени для организации авиационных ударов по нам. Так оно и произошло. На горизонте вновь показались в большом количестве немецкие бомбардировщики. Немцы решили, как можно строже «наказать» неподатливого противника. Они совершили массированное «коровое» бомбометание по периметру обороны нескольких соединений, включая нашу дивизию. Был нанесён большой урон обороне. На этот раз появились и наши истребители. Им удалось встретить уходящих бомбардировщиков немцев. Они сбили пять «Ю-88». Когда отступающие немецкие танки и мотопехота проходили возле нашей отсечной позиции, мы открыли по ним пушечно-пулемётный огонь.

На этот раз они не стали ввязываться с нами в бой, последовали в том направлении, откуда пришли. Мы взялись за восстановление огневых точек, очищение окопов от трупов, завалов.

Организовали патрулирование первой линии окопов, позиции. Бой склонялся к завершению. Стало ясно, что поставленную цель (взять Ржев) немцам реализовать не удалось. Пока остатки всех трёх танковых «клиньев», отстреливаясь, уходили назад, немецкая артиллерия вела вялый огонь. Если не учитывать редких взрывов снарядов в пределах нашей обороны, периодического рокота крупнокалиберных пулемётов, стреляющих трассирующими пулями не по цели, а так, в нашу сторону, то можно было сказать, что бой заканчивался. Над расстрелянным пространством противоборствующих сторон установилась относительная тишина. Поднявшийся ветер относил гарь взрывов, пыль земляных фонтанов взорванной земли в сторону немцев. За это мы благодарили природу. Убедившись в восстановлении боеспособности отсечной позиции, о чём сообщил командиру роты, я поспешил в центр обороны взвода. Моему взору открылась печальная картина прошедшего боя.

Позиции взвода на тридцать процентов были разрушены. Все дзоты уничтожены, их боевые расчёты погибли. Пострадали позиции пулемётов, минометов. Неподалеку от переднего края обороны догорало несколько танков противника.

«Да, – подумал я. – Здесь шёл жаркий бой». Было тяжело и у нас в центре. Все понесли значительные потери. Разрушен командный пункт взвода. На нём убит мой заместитель – старший сержант Боков. Меня встретил старший сержант Лосев, который после гибели Бокова, принял командование на себя. От него были получены сведения о ходе боя и потерях. Эти сведения о бое в центре и на отсечных позициях я сообщил командиру роты.

На совещании командного состава были подведены итоги боя. Они были малоутешительными. Но мы поняли главное – выиграли бой. Мой взвод получил положительную оценку, и я тоже, особенно за освобождение левой отсечной позиции. Сразу получили задание – провести мероприятия, которые обычно проводятся после сражения: похоронить погибших, выявить отличившихся, написать письма родным погибших, приступить к восстановлению обороны под руководством сапёров. По этим вопросам дал указание заму, командирам отделений, организовал работу патруля на первой линии окопов. Только тогда, крайне уставший физически и морально, отправился в свой вновь отстроенный командирский блиндаж на отдых... Наконец заметил, что заканчивался день...

Красный диск солнца, словно омытый кровью погибших воинов, садился за чёрно-синий горизонт истерзанной земли. Скоро креп ночи окутал всё вокруг. Чёрное небо осветилось сотнями ракет, которые с педантичной точностью запускались с обеих противоборствующих сторон. Ночное небо стало ещё светлее, когда вдоль фронта дивизии прошли самолеты «У-2». Они развесили медленно спускаемые светильники. Организаторы этой иллюминации имели цель – не допустить каких-либо боевых действий с обеих сторон, дать возможность эвакокомандам убрать погибших и боевую технику. Я удивился, что этой священной миссии никто не мешал. В это время не раздалось ни одного выстрела. Позже я узнал из изучаемых материалов военной истории, что это время священо. Никто не может нарушить покой павших. Это правило соблюдается тысячелетиями, с тех пор, как начались войны.

Мой ординарец приготовил скромный ужин. Покушав, я лёг на жесткую солдатскую постель. Пахло свежеструганными сосновыми брёвнами, что не помешало мне сразу уснуть. Спал недолго. Лёжа в постели, медленно прокрутил в памяти события

прошедшего боя, вспомнил напутственные слова батальонного комиссара И. Н. Ловцева, как надо вести себя в первом бою. Задал себе несколько вопросов: «Как я действовал? Выиграл ли я бой? Как я вёл себя в бою? Состоялся ли я как командир?» Скрупулезно рассмотрел все нюансы прошедшего боя и откровенно, как на исповеди, сам себе дал положительные ответы. Да, в бою были критические моменты, которые ставили меня в трудное положение. Но я нигде не струсил, принимал и осуществлял правильные решения. Подведя итог своих размышлений, дал себе положительную оценку. Я состоялся как командир. Такая оценка наполняла мое существо удовлетворенностью. Тем более что моя оценка самого себя совпадала с оценкой командира роты. Позже за участие в этом бою под Ржевом летом 1942 года я был награжден орденом Красной Звезды. А мне тогда шёл только девятнадцатый год! В этом бою я приобрёл почётную профессию «защитника Отечества». С ней я прошёл все годы службы в Вооруженных Силах. Этой профессией я гордился во время службы, горжусь и сейчас, находясь в отставке.

Козлов (Афонский) Станислав Николаевич

Родился в городе Дзержинск Горьковской области в семье учителей.

Окончил среднюю школу, отслужил в армии. Работал в городе Горьком на стройке, на оборонном заводе. Учился в московском Университете искусств им. Крупской на факультете живописи. Затем вместе с семьёй переехал в город Кстово (25 км от областного центра). Работал художником-оформителем, депутатом Городского

совета на постоянной основе, в аппарате районной администрации руководителем управления.

В настоящее время свободный независимый журналист.

ВОПРЕКИ ВСЕМУ

– Никакой войны с Германией у нас не будет и не может быть. Пролетариат Германии не позволит фашистам напасть на родину пролетарской революции – Советский Союз! А если Гитлер всё-таки решится начать войну, то рабочие и крестьяне Германии немедленно восстанут и свергнут его власть. Ведь армия фюрера состоит из мобилизованных крестьян и рабочих – они ни за что не станут убивать в России своих товарищей по классу.

Сказав это, Владимир Игнатъевич невесело (грустно) усмехнулся. Горькие складки глубже обозначились на щеках. Мы с ним идём по широкой солнечной улице к Вечному огню на площади Мира. Идём не торопясь. С «третьей ногой», как называет свою палку мой спутник, не поспешишь при всём рвении. Раненная в войну нога не даёт о себе забывать – почти не гнётся. Помолчав несколько шагов, Владимир Игнатъевич продолжает.

– И ведь так уверены были все, наверное, курсанты нашего Одесского артиллерийского училища. А как же? Пролетарии всех стран, соединяйтесь, а война, стало быть, разъединение. Такого не может быть. Когда же война всё же началась, то её и за войну-то не приняли. Так, мол, провокация... Не серьёзно это всё... Десант немцы

высадили под Одессой. Нашему взводу курсантам приказали его уничтожить. Мы с энтузиазмом руки к козырькам: «Есть!» – будет сделано. Оружие выдали – по нагану с патронами и по паре гранат – и этим с немчурой справитесь... А у немцев, глядим, автоматы с рожками, ручные пулемёты и гранаты за поясом и за голенищами сапог... С длинными деревянными ручками. Куда нам с нашими революционными наганами... Так и полегли бы, наверное, все. Мы, а не немцы... Если бы не подоспел вовремя батальон нашей армии. Немцев ликвидировали. А у нас во взводе двое убитых и трое раненых...

– Здравствуйте, Владимир Игнатьевич! – улыбулась не без лёгкого кокетства встречающая женщина.

– Здравствуй, здравствуй, Надя! – просветлел улыбкой мой спутник. – Куда так спешишь?

– Дочку из садика взять бегу. Ждёт меня там, поди.

– Ну, беги-беги не задерживайся... Ученица моя бывшая. Историей очень увлекалась и теперь сама её преподаёт, – пояснил мне Владимир Игнатьевич.

Возраст его хоть и принято называть преклонным, но сам его обладатель к преклонности был не склонен. Никакой сутулости, строен, выправка дай Бог молодым, волосы побелели, но сохранились без ущерба, под прямым носом аккуратные белые же усы, выразительные большие глаза, морщины лица не портят – «ну какой же мужчина без добротных военных морщин». Встречные женщины нетнет, да и взглянут на него... Внешность – врождённый аристократ XIX века. На самом же деле Владимир Игнатьевич родом из многодетной крестьянской семьи. Впрочем, и среди крестьян того времени встречались аристократы. Во время русско-японской войны отец его служил минёром на броненосце «Сысой Великий». Получил из рук его капитана два Георгиевских креста и медаль «За храбрость». Отличный пример для сына Игната – за боевое участие в Великой Отечественной войне Игнат был награждён шестнадцатью наградами и тремя нашивками за ранения – без ранений, в лучшем случае, фронтовику не обойтись.

Палочка Замышевского отсчитывала его шаги. Ветеран какое-то время молчал, вспоминая...

– Да... Первая боевая встреча с врагом лицом к его морде показала, что рассчитывать на восстание немецкого пролетариата,

одетого в военную форму, не стоит... Началась осада Одессы. Я в то время учился в артиллерийской спецшколе... Патрулировали город... Вместе с одесскими пацанами – они нам здорово помогали. Немцы то и дело засылали диверсантов. Они ракетами из ракетниц указывали немецким самолётам цели для бомбёжек, поджигали склады... Вредили, сволочи, как могли. Обнаружить их – дело сложное: одеты в красноармейскую форму, все говорят по-русски. Из белоэмигрантов...

Пацаны народ ещё тот! Всё замечают и подмечают. Вот входит в троллейбус офицер Красной Армии. Вместе со всей кучей очереди входит через заднюю дверь. Достает деньги, платит за билет. Всё как у людей. Но он, если настоящий офицер, не должен быть как все! Ему, как и милиционеру, положено входить через переднюю дверь. И ехать бесплатно! А этот заплатил. Мальчишки немедленно бегом к военному патрулю. Задержали офицера. Оказался немецким агентом. Его плохо проинструктировали – упустили такие маленькие детали с билетом и входом. Другой случай. По улице капитан идёт, фуражку в руке несёт и ворот гимнастёрки распахнут... Солнышко припекает. Жарко человеку – вот он и распахнулся, почему бы и нет. А потому нет, что по тогдашней форме одежды советский офицер на улице всегда обязан быть в головном уборе, застёгнутым на все пуговицы. Подоспевший патруль задержал и этого – диверсант. По-русски пары слов связать не может... Ну, вот я и пришёл. Вовремя как раз...

Мы остановились возле школы с широкой лестницей перед входом. На ней стояла группа школьников, сияя улыбками навстречу моему спутнику. Сегодня был день уроков мужества. Владимир Игнатьевич вместе с другими фронтовиками-ветеранами Великой Отечественной должен был рассказывать об огненных смерчах боёв, в которых им выпало счастье остаться живыми. И победить. Опираясь на палку, Владимир Игнатьевич поднялся по лестнице. Навстречу ему шагнул высокий и могуче сложенный Герой Советского Союза Иван Никифорович Чернов в полковничьих погонах на тёмно-зелёном парадном мундире. Пожали друг другу руки и вошли в распахнутые двери школы.

Встретились мы с Замышевским в другой раз уже на очередном заседании постоянной депутатской комиссии по молодёжной

политике Городского совета народных депутатов. Обсуждался вопрос о патриотическом воспитании. Владимир Игнатъевич, как фронтовик, депутат и гражданин, безусловно, был самым активным и авторитетным членом этой комиссии. После заседания опять шли вместе.

– Владимир Игнатъевич, а как вы на фронте оказались в «семнадцать мальчишеских лет»?

– Ну, Станислав, семнадцать лет уже не мальчишеских. Я же ведь успел и два курса одесской артиллерийской спецшколы окончить, и первый курс Сумского артиллерийского училища... А как оказался?.. Нас, новобранцев, не сразу на фронт бросили – подучили, по возможности. Уже сорок второй год шёл. Везли в «стольпинских» вагонах с нарами в два этажа... Настроение было такое, будто направление на фронт для нас – дело привычное. Да и подкрепляли его изнутри кое-чем, по кружечкам разлитым. Я, правда, не употреблял. Назначили меня комсоргом эшелона. На коротких остановках еле успевал взять в штабном вагоне газеты и листовки и рассовать их по вагонам. Работа серьёзная и абсолютно трезвенная... Кроме чтения газет, слушали ещё и анекдоты. Особенно доставалось в них «Второму фронту»... Мы уже знали, из политбесед, что союзники тормозят со вторым фронтом. Вот и анекдот: «Политрук спрашивает солдата: «Ваня, ты бы какую казнь Гитлеру придумал?» – «Очень простую – раскалил бы докрасна лом железный и запендрючил бы его холодным концом в жо..» – «А почему, Ваня, холодным то, а не раскалённым?» – «А это потому, чтобы наши союзнички его обратно не вытащили». Этих союзников мы звали «нагло-американцами», вторым фронтом их свиную тушёнку под названием «свиная душонка»...

Называть-то называли и обзывали, но ели с аппетитом – когда удавалось её достать. Плоховато нас в эшелоне кормили. Концентра-тами пшённой каши и сухарями к ней. Досыта наелись только в Челябинске. Но потом вновь заголодали. Подкармливались на остановках картофельными лепёшками, огурцами да луком зелёным. Это больше смахивало на закуску. Да и было что закусывать – самогон промышляли. В обмен на одежду и на снаряжение. В ход пошли плащ-палатки, нижнее бельё, стеклянные фляжки... От этих избавлялись очень охотно. Фляжки были из толстого стекла, тяжеленные. Должны были крепиться к поясу в чехлах... Если бы в такую попала пуля – раны

от стеклянных осколков были бы хуже пулевых – стекло-то в ране не видно... А насчёт самогона я, как комсорг, кое-что сказал ребятам и получил кое-что в ответ, чтоб не лез, куда не спрашивают. Тем более что в эшелоне везут целый вагон продуктов, а продовольствия не видать. Почему? Для кого? «Ты лучше скажи начальству: если кормить не будут – мы сами разберёмся и возьмём из того вагона всё, что положено». Запахло не только «свиной душонкой», но и бузой... Командованию я передал, что требовали солдаты, а они были правы, и на следующей же остановке по вагонам разнесли консервы, печенье, чай сладкий, хлеб, масло... Оперативно начальство сработало. Но товарообмен всё-таки продолжался. И самогон тоже... Настроение поднимать. А оно, чем ближе к фронту, тем заметнее падало. Мы увидели следы близкой войны: печные трубы на месте сожжённых изб, искорёженные снарядами танки и другую технику, нашу и немецкую, землю, развороченную бомбами... Нам навстречу шли эшелоны с ранеными в кровавых повязках – наше вполне возможное и близкое будущее... В лучшем случае... Песни в вагонах уже не звучали...

Ветеран замолчал, задумчиво рисуя что-то концом палки на земле возле скамейки в сквере, на которой мы с ним сидели. Неподалеку старушка, широко размахнувшись, рассыпала веером пшено по асфальту – для голубей. Немедленно их стая, шумно хлопая крыльями, налетела на корм.

– Между прочим не люблю голубей, – усмехнулся Владимир Игнатъевич. – Символом мира лучше бы курицу какую-нибудь изобразили... Ты посмотри, как сии «миротворцы» дерутся между собой из-за крошки пшена. И вообще они очень сварливы, голуби эти... Да... Поезд нас прямо к линии фронта не довёз, высадил и мы пошли дальше пешедралом. Жара палила несусветная, а мы всё своё, и оружие тоже, несли на себе: пулемёты, миномёты, противотанковые ружья, пэтээры, то есть. Тяжеленные! Сорок килограммов. Да к ним ещё патронов две сумки по 25 килограммов, автомат ППШ в 10 кг весом с запасными дисками, парочка гранат... Всего по полсотни килограммов. Пёрли в день по 50 – 60 километров. С привалами, конечно, короткими. Но они сил полностью не восстанавливали. Шли в поту и в пыли – на лице одни глаза остальное – маска. Но не жаловались, терпели – на войне, как на войне. Пулемётчики тоже на себе свои «максимы» несут и миномётчики так

же... Я был вторым номером расчёта ПТР. Первым – гвардии старший сержант Пеклевоян...

– Владимир Игнатьевич, а сорокапятки у вас были? Верно, что их прозвали «прощай, Родина?» Почему? Это же были противотанковые орудия – уничтожали фашистское зверьё бронированное – «тигры» и разные там «пантеры». И вдруг «прощай, Родина»...

– Ну, Станислав, если у нас был арtdивизион истребителей танков – стало быть и противотанковые пушки имелись, сорокопятки. Вот только действительно истребить немецкие танки «тигр», то есть Т-6, и «пантеру», то есть Т-5, сорокопятка не могла – калибр мелковат для толстой немецкой брони. Впрочем, как и ПТР. Стреляли из них главным образом туда, где послабее: по моторам, в смотровые щели, по гусеницам... Гусеницу перешибёшь – зверюга развернулась на оставшейся гусенице и встала. Теперь она неподвижная мишень для наших Т-34... А «прощай, Родина» действительно называли... Промеж себя. Ещё звали «братская могила для пятерых»... Тут дело в том, что наши пушечки стреляли прямой наводкой, без укрытия, а щит у них маловат. И если снаряд немецкий рвался поблизости – весь расчёт из пятерых лежал убитым... Как в братской могилке... Пушки свои мы, конечно, не сами катили. Всё же имели гвардейское звание: «Отдельный истребительный противотанковый гвардейский 69-й артиллерийский дивизион». Во как. С разбегу и не выговоришь... Да... Так на каждую пушку имелся американский «виллис», он же «козёл» – по кочкам да ухабам прыгал лихо и безотказно. Вот за такой «второй фронт» американцам действительно можно спасибо сказать... После войны у нас появились «УАЗы» – почти точные копии «виллисов»... Ещё были мощные американские грузовики «студебеккеры» – тоже замечательные машины «Второго фронта».

Немцев-то от Москвы прогнали, но того, как теперь пишут некоторые «писатели», что «советские войска неуправляемой лавиной погнали фашистов на запад», увы, не происходило. Весной сорок второго немцы попёрли на Харьков. Да так, что наш дивизион, вместе с 62-й дивизией, угодил в окружение... Чтобы вырваться из него, пришлось побросать практически всю технику, боеприпасы и даже раненых... Их судьба осталась не известна. Можно только предположить, что с ними стало... Из дивизиона часть вырвалась, часть по-

пала в плен... Это так говорят теперь, что «попала» – сдались в плен, если честно. К чести дивизиона его командиры прорвались через окружение в полном составе... Но об окружении старались особенно не распространяться. Тем более в присутствии новобранцев...

А на войне как на войне. Не каждый день наступление, не каждый отступление и, слава Богу, не окружение. Тем более, когда мы временно находились в подвижном резерве Степного фронта... Да... Из ПТР, случилось, падали не только по танкам. Однажды даже самолёт сбили. Точнее сбил мой первый номер Пеклевоян. Надоела нам немецкая летающая «рама» – так прозвали двухфюзеляжный самолёт-разведчик. Кружит и кружит, как ворона. Пеклевояну это осточертело. Уложил он ружьецо своё противотанковое на яблоневый сук, тщательно прицелился и бабахнул. «Рама» летают не шибко быстро, надо сказать, и первый же выстрел попал точно в цель. За подвиг такой редкий гвардии старшего сержанта Пеклевояна наградили орденом Отечественной войны второй степени, денежной премией в 400 рублей и месячным – месячным! – отпуском. Вскоре настал и мой черёд отличиться. Правда, самолёта на мой счёт не нашлось, а вот пулемёт немецкий из своего ПТР уничтожил вместе с его пулемётчиками. Настырные были эти немцы – падали в нас по любому поводу даже ночью. Днём пристреляют то или иное место на нашей территории и ночью по нему шпарят. А я их ночью по вспышкам выстрелов засёк и ударил по ним тремя патронами. Все угодили в цель. Это потом разведчики подтвердили...

Владимир Игнатьевич снова задумался. Ушёл от окружающего пространства в мир воспоминаний.

– Это всё мелкие эпизоды большой войны. Впереди была битва на Курской дуге, форсирование Днепра... Обычно рассказывают о самом начале Курской битвы, когда наша артиллерия ошеломила немцев внезапным мощным ударом. Но ведь был и ответ немцев, когда они опомнились. Ответили они оглушительным и сокрушительным бомбовым и артиллерийским ударом. Из брюха их бомбардировщиков бомбы сыпались ливнем. Вместе с бомбами швыряли и пустые металлические бочки с пробитыми отверстиями. Завывали они просто адски. Глушили и душу выворачивали... Дым, пыль, ничего не видно, а стрелять надо прямой наводкой... Не знаю, как там в аду с чертячьими сковородками, но ад на Курской дуге, наверное, пострашнее

был... От грохота выстрелов и разрывов дрожала не только земля, но и небо. Жара неимоверная и от огня, и от солнца. Тела убитых начинали разлагаться через несколько часов. Смерд... Немецкие танки прут. По ним бьют и пушки, и наши ПТРы, и штурмовики «Ильюши» с неба ракетами... Сзади наши Т-34 навстречу немецким «тиграм» и «пантерам». Танковые пушки огнём плюются. Подбитые в чёрном дыму к небу взлетают, горят багровым пламенем... Трупы валяются, раненые кричат... Потери кошмарные с обеих сторон. От танковых полнокровных дивизий горсточки остаются...

Но вот что интересно. Через некоторое время после окончания битвы, в которой мы победили, пришлось нам проходить по месту сражения. Прошли и страшно удивились. Сгоревшие, разбитые и подбитые наши танки там и тут попадаются, а немецких – нет ни одного! Но ведь победа-то наша! Почему же немецких побитых танков нет? Куда они подевались? В немецкий тыл они подевались. На ремонт и переплавку. Немцы народ аккуратный – не пропадать же металлу. Их тягачи убрали. Такие мощные, что даже боком могли танк переть за собой. А наши танки остались – успеется... Впрочем, они и наши танки могли бы уволочь с теми же целями... Очень хотелось посмотреть на мной подбитые танки. Да где там – разве отыщешь...

А после Курской битвы нам пришлось штурмовать границу Великой Германии...

– Владимир Игнатьевич! Как это – сразу и границу Германии?

– Да вот так – сразу и границу... Шучу я немножко. Но на самом деле границей Великой Германии немцы называли линию своей обороны на Днестре. В Днестре они собирались нас всех утопить, если мы сумеем его преодолеть. Но мы всё-таки сунулись и действительно многие в нём утонули... Немцы оказались по ту сторону реки на высоком её берегу и вели себя так, будто их там и нет вовсе. И вся их оборона скрыта зарослями разными. А мы на противоположном голом низком берегу. Все наши приготовления к переправе, как на ладошке. И всё немецкими пушками да пулемётами пристреляно, как в тире. Но пока почему-то не стреляли. Ждали, должно быть, когда мы в воду полезем. Мы и полезли. Днём. Наши командиры надеялись лихо перемахнуть всю ширину реки на плотках единым героическим броском. Немцам того и надо было. Лупанули по нам из всех стволов. Вода столбами поднялась, от плотов щепки и брёвна полетели, и

всё, что было на них... Клочья тел солдатских. В кино ничего такого не показывают. Не показывают, как наши ребята тонули. Не показывают, что лишь очень немногие вернулись назад... Это был очень горький урок как не надо форсировать фронтовую реку. Не изведав броду, сунулись в воду. Причём днём! Днём, когда всё на нашем берегу видно немцам. И не только на берегу, но и на всей ширине Днепра. А ведь ещё Тарас Шевченко писал, что редкая птица долетит до середины его... Преувеличивал, конечно, но наши ребята в тот раз не доплыли до середины Днепра – это точно...

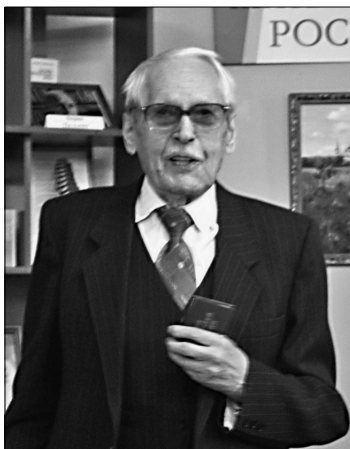
Но, стреляя по нам, немцы обнаружили свои огневые позиции, и мы ударили по ним. Впредь штурмовали реку ночью. Сделали всё, что надо для форсирования. Захватили плацдарм. Сначала узенький да маленький, но потом немцев здорово потеснили и отодвинули на пятнадцать километров... Потери были огромные... Очень досадно было то, что немецкие бомбардировщики «Юнкерсы» творили в небе над переправами что хотели. наших «сталинских соколов» почему-то почти не было ни видно, ни слышно. Наверное, были какие-то более важные дела...

Ну, а после форсирования Днепра пошло дальше освобождение Украины... Тогда популярной была строевая песня «Белоруссия родная, Украина золотая, ваше счастье молодое мы стальными штыками защитим!» Конечно, не только штыками – у нас уже было чем и защищать, и освобождать... Да... Мы, значит, освобождали Украину и под Ахтыркой меня похоронили.

– Как это, «похоронили»? – опешил я.

– Да ты не пугайся, Станислав, я не призрак, а живой инвалид войны. Только могилка моя на самом деле под Ахтыркой есть. По ошибке мои инициалы на пирамидке написали. Ранено меня под Пятихаткой. Хорошо, что не досмерти, а только в обе ноги. Коленная чашечка вдребезги.

На этом фронтовая жизнь Замышевского кончилась. Но военная

????

продолжалась даже после войны. «СМЕРШ» – сложная работа по раскрытию вражеских агентов. После демобилизации педагогический институт, учитель, преподаватель истории. Активнейшая работа в обществе инвалидов, был депутатом Горсовета, давал «Уроки мужества» школьникам в рядах ветеранской «Лекторской группы», трудился в комитете участников войны-фронтовиков...

Похоронили Владимира Игнатьевича на местном кладбище. Навещая его могилу, нашёл я однажды возле неё вмятую в пыль Георгиевскую ленточку с булавкой. Уронил кто-нибудь случайно. Поднял её, отряхнул пыль и грязь, поискал, где бы отмыть, не нашёл. Прикрепил к ограде могилы Замышевского. Теперь он единственный фронтовик, имеющий две могилы в разных местах – если могила под Ахтыркой ещё сохранилась... Ахтырка находится в Сумской области Украины.

Февраль, 2015 г

Ряскин Алексей Александрович

Родился 7 марта 1984 года в Воронеже. Окончил Воронежскую государственную лесотехническую академию и Воронежский государственный университет по специальности журналистика. Работал курьером, сторожем, мастером на заводе. Сейчас инженер на одном из воронежских предприятий.

Печатался в журналах «Подъём», «Наши современник», «Север», «Губернский стиль», коллективных сборниках. Лауреат премии им. Егора Исаева, премии журнала «Камертон», гран-при фестиваля «Во славу Бориса и Глеба» и других конкурсов.

Член Союза писателей России.

Женат, живет в Воронеже.

ПРО НЕВОЗМОЖНОЕ

Ивану Калтонову просто не повезло: задержись он в избе ещё хотя бы на пару секунд и снаряд, взорвавшийся где-то у крыльца, вряд ли бы его достал. Но он не задержался, выбежал наружу, лишь только слышал выстрелы. И вот...

Иван, сплёвывая на снег кровавую слизь, кое-как вполз по ступенькам назад в сени полуразрушенной хаты. Облокотился на кучу дров, наваленных прямо у входа и закрыл глаза. Стрельба теперь была слышна совсем рядом, где-то неподалёку то и дело что-то взрывалось. Немцы были уже так близко, что время от времени до Ивана доносились обрывки фраз их грубого, резкого, как собачий лай, языка. Значит, скоро уже...

Шум на улице заглушал режущий ухо звук собственного дыхания: казалось, где-то в глотке у Ивана друг о друга трутся два наждачных листа, забивая лёгкие противной вязкой пылью. Калтонов задыхался. Но несмотря на это, всё же медленно полез в карман за папиросами. Подняв руку на уровень глаз, он увидел, что осколками ему разорвало ладонь, превратив правую кисть в

красные лохмотья. Боль пока не приходила, но Иван знал, что придёт очень скоро. Хотя, может и не успеет.

А ведь как вчера вечером всё хорошо начиналось: теплая изба, после нескольких недель партизанщины по заметённым снегами лесам, варённая картошка, хлеб, заботливо порезанный хозяйкой избы, мочёные яблоки вперемешку со съедавшей их плесенью и (о чудо!) пол фляжки спирта. А потом дымящиеся папиросы, разговоры, фельдшер Чвикалов с нескончаемыми байками про своих пациентов, смех, воспоминания о полузабытой довоенной жизни. И вот теперь ещё только утро, а он, Иван, уже лежит в чужих сенах с засевшим где-то в правом боку осколком снаряда, с раздробленным коленом и тщетно пыгается исковерканной рукой достать вымокшие в его собственной крови папиросы.

«Всё, отвоевался», – как-то вяло промелькнуло у него в голове.

Ни страха, ни грусти, ни слёз. Ничего. Будто бы взрывом из Ивана вышибло всё чувства, оставив в груди какую-то незнакомую выжженную пустоту.

Что с остальными, Иван не имел представления. Скорее всего, либо уже убиты, либо ранены и, так же как и он сейчас, просто ждут своей участи. Ничего, скоро уже. Немцы, они такие: упёртые, напористые, ждать не любят. И чего попусту столько снарядов тратят? Кого тут бомбить-то? Их всего здесь от силы человек десять, если не считать местных старух и стариков.

«Чего-чего, а снарядов-то у них будь здоров, – думал Иван, продолжая медленно ковыряться кровоточащими обрубками пальцев в нагрудном кармане. – Камня на камне здесь не оставят».

Наконец, ему каким-то чудом удалось достать чёрную от крови папиросу. Он засунул её в рот и стал вспоминать, где у него спички. Противный, солоновато масляный вкус коснулся потрескавшихся от мороза губ. Рука, пока хоть и не болела, но двигалась очень плохо, будто не желая тратить последние отведенные ей минуты жизни на бесполезные поиски никому ненужных спичек.

Вспомнился дом, отец, мать, сёстры, соседские старухи, даже куры с гусями. Разум туманился, мысли слипались, не давая сосредоточиться на чём-то одном. Один за другим всплывали образы утекавшей по капле из его тела жизни, смешивались, тонули в хаосе воспоминаний и снова всплывали.

Иван безрезультатно елозил рукой по обуглившейся, разодранной взрывом фуфайке, пытаясь найти злополучные спички.

Начинала накапывать боль. Медленно, будто злая мачеха, она сжимала его в своих объятиях сильнее и сильнее, отчего каждый новый вздох давался всё труднее.

Вместе с болью возвращались чувства. Страх, тоска и бессильная злоба. Что теперь будет? Нет, не с ним. С ним теперь все ясно. А что будет с домом, с родителями? С сёстрами? За время партизанщины Иван вдоволь наслушался историй о том, как фашисты поступают с русскими девушками. О том, как топят детей в колодцах, как издеваются над стариками, прежде чем убить их. Сердце закипало от этих историй. Хотелось вгрызаться зубами в горло каждому встреченному немцу, чтобы его кровью смыть с души ту грязь, ту неисчерпаемую боль, что они подарили русскому народу.

Иван сжал зубы.

Его воображение, будто тоже перейдя на сторону врага, не слушалось и рисовало картины одну хуже другой: горящий отчий дом, в котором заперты его старики-родители, изнасилованные и зверски убитые сестры, спалённая дотла родная деревня и прочий ужас войны. И как заведённая пульсировала мысль: ты умираешь здесь, позволив врагу идти и сделать все это.

Эх, ну хотя бы одного! Хотя бы одного с собой забрать! Своими руками придушить тварь, разорвать, загрызть, растерзать. И ничего бы уже не надо. Всё бы умирать легче было...

Внезапно всплыл образ, столько раз виденный им в газетах и на листовках. Образ, который люто ненавидел каждый житель их многострадальной Родины. Его образ, главного фашиста. Иван даже застонал от ярости. Он готов был рвать это лицо даже раздробленной снарядом рукой, рвать зубами. Оказаться бы рядом с ним хоть на минуту, хоть на миг. Да если б такое было возможно стал бы хоть кто-то раздумывать или торговаться? Да если бы было возможно, так за это ничего не жалко: ни жизни, ни души. Да если бы было возможно...

Немецкие голоса слышались всё громче. Звенели разбиваемые в окнах стёкла, падали, вышибаемые сапогами двери. Фашисты прекратили бомбежку и шли по разрушенной деревне, ища раненых и добывая: без размышлений, без жалости, с шуточками и смешками.

Что-то скрипнуло. Иван повернул голову и увидел, как в сени

входит какой-то мальчик лет десяти-двенадцати. Калтонов молча смотрел на него, не зная что сказать. Да и к чему говорить? Куда спрятаться от надвигающейся вместе с фашистскими голосами смерти?

Мальчик подошёл к раненому и присел рядом.

– Беги... прячься, – с трудом прошептал Иван, не выпуская изо рта сигареты. – Сейчас... сейчас здесь будут.

Мальчик ничего не сказал. Откуда в его руке появилась зажжённая спичка, Иван не понял. Но когда тот поднёс её к губам солдата, Калтонов сразу же потянулся к огню, коснулся пламени папиросой и затянулся. Горький табачный дым немного заглушил вкус крови во рту.

– Лучше? – спросил мальчик.

Голос у него был какой-то низкий, грудной, не детский.

– Спасибо, – кивнул Иван.

Парень посмотрел сначала на его руку, затем на рану в боку, на кровоточащее колено.

– Сильно тебя, – сказал он.

Иван изобразил какое-то подобие улыбки.

– Все, как у вас. Достали, гады.

Затянувшись, сплюнул: сил уже не было и кровавая слюна, кое-как слетев с губ, упала на обугленный ворот фуфайки.

– Хотя б одного напоследок придушить бы, – с горечью добавил он.

– самого главного, – будто прочтя его мысли, добавил мальчик.

Иван посмотрел на него.

– Его бы грыз до костей, зуб не жалея.

И, немного откинув голову, мечтательно посмотрел в потолок.

– Да если б такое возможно было... За это все б отдать можно было.

Мальчик подвинулся ближе, заглянул в глаза Ивану.

– Всё?

– Всё. И жизнь, и любовь, и душу.

Мальчик ещё некоторое время смотрел в глаза Ивану и тот, не смотря на боль, туманившую разум, заметил, что зрачки у него расширены непомерно, отчего глаза казались угольно-чёрными, безумными, пугающими.

Мальчик встал, отряхнул штаны от пыли и снега.

– Пошли, – сказал он лежащему у стены умирающему солдату.

– Куда? – только и смог спросить Иван.

Мальчик удивлённо пожал плечами.

– Как куда? К нему, – он махнул рукой куда-то далеко, к горизонту. – Ты хотел, чтобы у тебя был шанс? У тебя будет шанс.

Он снова махнул рукой. Иван сидел, морщась от лезущего в глаза папиросного дыма, не понимая, что происходит. Он даже не успел удивиться происходящему, когда мальчик подошёл и отвесил ему звонкую пощёчину. От удара у Калтонова перед глазами заплясали огоньки и он зажмурился. Когда Иван снова открыл глаза, разрушенной избы, в которой он только что лежал и ждал смерти, не было. Он находился в каком-то незнакомом доме. Мальчик стоял рядом.

– Что же ты застыл? Времени у тебя мало. Торопись.

Сказав это, мальчик прошёл в комнату напротив. Иван, ничего не понимая, последовал за ним.

Комната была маленькой, с одним окном. Мальчик стоял спиной к Ивану и смотрел на что-то прямо перед собой. Подойдя ближе, Иван увидел, что это детская кроватка.

Мальчик повернулся к Ивану.

– Ну вот, – сказал он. – Ты этого хотел?

– Чего? – тихо спросил Иван.

– Шанса. Вот твой шанс.

И мальчик указал рукой куда-то вглубь кроватки. Иван посмотрел туда. Там спал ребёнок. Калтонов не слишком хорошо разбирался в детях, но понял, что тому не больше года. Младенец. Вся неправдоподобность, всё безумие происходящего стало доходить до Ивана.

– Кто ты такой? – спросил он у стоявшего рядом мальчика. – Что это за дом? Где мы?

Зрачки у мальчика ещё больше расширились и тьма, заполняющая их, стала глубже, бездоннее.

– У тебя мало времени, солдат, – сказал он, будто и не услышав вопросов Калтонова. – Используй свой шанс. Не об этом ли ты просил? Не за это ли готов был отдать и жизнь, и любовь, и душу?

– Да за что? Какой шанс? Где я?

Чем больше Иван начинал думать о происходящем, тем сильнее ощущал, как его разум начинает содрогаться от всего этого безумия.

– Я сошёл с ума? – то ли у себя, то ли у мальчика спросил он. – Это бред? Я умираю, да?

На лице мальчика надулись маленькие скулы, брови сошлись у переносицы.

– Время, солдат! Время! Торопись!

Ребёнок беспокойно зашевелился в кровати, разбуженный шумом его голоса. Иван повернулся к младенцу. Вдруг до него дошло, что его правая рука цела и невредима, что в груди нет противно зудящего чувства от засевшего там осколка, что он здоров и не ранен. Даже обгоревшая от взрыва фуфайка куда-то исчезла. И вслед за всем этим, как озарение, пришло понимание того, что сейчас с ним происходило. Это было непостижимо, необъяснимо, этого не могло быть! Но это было.

– Так это он? – спросил Иван, глядя на просыпающегося ребёнка.

Спутник Ивана молча кивнул. Калтонов повернулся к нему, и их взгляды встретились. Глаза окончательно заволокло мраком, черты лица заострились.

– Торопись, – сказал он.

Иван снова повернулся к детской кроватке. Мысли лихорадочно скакали, спотыкаясь, падая, поднимаясь и снова падая. Перед ним сейчас лежал тот, кто через несколько десятилетий развяжет самую кровавую войну в истории человечества, утопив несколько миллионов человек в их собственной крови. Иван смотрел на барахтающегося в пелёнках ребёнка. Вот он, тот, кто будет стараться сломать хребет его, Ивановой, Родине и всем её жителям. Это он заполнит все реки России слезами и кровью, поселит в каждом доме вдов и сирот, заткнёт каждую щель болью и горем.

– Торопись!

Тот, кто стоял рядом с Иваном, легонько подтолкнул его в спину, выводя из ступора. Калтонов вздрогнул, сделал шаг к кроватке, положил руки на гредушку, наклонился. Вот он, будущий убийца. Такой жалкий, беспомощный, беззащитный.

«Придуши его! Придуши! – пульсировало в голове. – Придуши – и войны не будет».

Во рту у него пересохло, а руки, напротив, предательски вспотели. Где убийца? Где кровавый тиран? Где жестокий и беспощадный фашист, которого каждый школьник в России убил бы не задумы-

ваясь? Где тот, кого он, Иван, ещё несколько минут назад готов был рвать зубами? Не было его здесь. Иван его не видел. Перед ним лежал ребёнок, самый обычный, ни в чём не повинный ребёнок.

– Чего ты ждешь?!

В голосе того, кто стоял рядом чувствовались раздражение и злость. Иван тряхнул головой, стараясь сбросить подступившую слабость. Он стал вспоминать всё, что увидел за время войны, все её ужасы. Вспоминал убитых друзей, собственное ранение. Вспоминал те картины, что мерещились ему, когда он, несколько мгновений назад лежал в сених полуразрушенного дома.

Иван медленно оторвал руки от гредушки и ещё медленнее протянул их к младенцу.

«Не для себя – для Родины! Для всего мира! – твердил он, как заведённый, про себя. – Разве за это жалко свою душу загубить?»

Его пальцы коснулись теплой щеки младенца. Ребёнок повернул голову и посмотрел на тянущиеся к нему руки солдата. И прежде чем Иван успел что-либо сделать или подумать, малыш схватил его правую руку и потянул к себе в рот. Калтонов увидел улыбку, счастливую и светлую улыбку ребёнка, с чистотой которой не сравнится даже утреннее солнце. Как он посмеет потушить эту улыбку? Нет, не посмеет. Нет у него такого права. Невозможно это: убийством ребёнка покупать мир.

Он отвёл руки и выпрямился.

Не за это он шёл отдавать свою жизнь. Не за право душить детей. Не тот это, кого он смог бы убить, не поколебавшись ни секунды. Нет между тем убийцей и этим младенцем ничего общего. И хотя они и были одним человеком, ничто их не связывало. Ребёнок не в ответе за того, кем он станет через десятилетия, за того, кем сделает его жизнь.

Тот, кто стоял рядом с Иваном, спросил:

– Так что же? Ты позволишь миллионам погибнуть из-за собственного малодушия? Ты позволишь отцу и матери умереть, пройдя через издевательства и мучения? Подумай.

Калтонов молчал.

– Души его!

Но Иван отрицательно покачал головой.

– Нет, – твердо сказал он.

– Человек, – не то прошептал, не то прошипел мальчик.

В голосе его звенели презрение и ненависть. Иван закрыл глаза и стал вспоминать забытые слова когда-то услышанной от матери молитвы. Тот, кто стоял напротив Ивана, что-то сказал и резко ударил его по щеке. Затем ещё и ещё. А Иван лишь сильнее зажмурился и, как заведённый, повторял всплывающие из бездн памяти слова.

Удары прекратились, и он открыл глаза.

Иван лежал в сенях полуразрушенного дома, правая рука и бок болели нестерпимо. А прямо перед ним стояло несколько немецких солдат. Один из них, склонившийся над Иваном, ещё раз звонко ударил его по лицу, приводя в чувство. Когда Иван окончательно пришёл в себя и посмотрел в глаза немцу, тот удовлетворённо улыбнулся и встал.

«Сволочи, – подумал Иван. – Почему не стали убивать, пока без сознания был?»

Голова опять затуманилась. Солдаты подошли ближе. Тот, что бил Ивана, поднял штык.

«Давай же! Скорее!» – твердил про себя Иван, стараясь не дать страху успеть завладеть им.

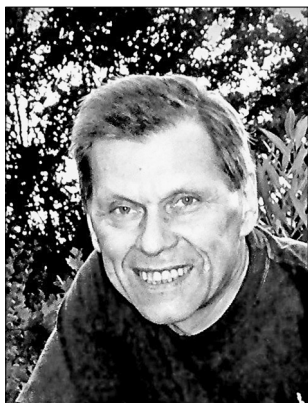
На секунду промелькнуло желание крепко зажмуриться.

Но он не зажмурился.

Штык проткнул ему грудь, около сердца.

«И всё?» – только и успел подумать Иван, чувствуя, как земля расступается под ним и он куда-то проваливается.

Немец, упёршись сапогом в плечо Ивана, выдернул окровавленный штык. Бездыханное тело Ивана Калтонова, словно мешок с картошкой, повалилось на дрова. Глаза его так и остались открытыми.

Мехреньгин Сергей Викторович

Родился 27 июля 1952 года в Архангельске. Там же, в столице Поморья, окончил среднюю школу и приобрёл первые трудовые навыки. Дальнейшее образование получил в Ленинграде: выпускник мореходного училища рыбной промышленности (1972 г.) и факультета журналистики ЛГУ (1989 г.).

С 11 лет – «сам себе редактор» школьной стенной газеты. Последующее увлечение выпуском фотогазет переросло во вторую, журналистскую, профессию, начало которой было положено в областном еженедельнике «Рыбный Мурман» (Мурманск).

За три года до окончания ЛГУ был принят в Союз журналистов.

Литературное творчество Сергея Мехреньгина разносторонне.

В настоящее время, выйдя на заслуженный отдых, автор всё более пребывает в «дачном» режиме, на родине супруги – в городе Боровичи Новгородской области, где продолжает заниматься литературным трудом. Место постоянной регистрации – Санкт-Петербург.

КОРОТКИЙ РАЗГОВОР

Рослый, в зимней шапке-ушанке и широкой, объёмистой куртке мужчина преклонного возраста с трудом поднялся с перрона по ступенькам в тамбур и, опираясь на трость, стал преодолевать тесноту узкого прохода – словно протискиваясь по нему, двинулся вглубь плацкартного вагона.

Старика провожала крепкая с виду, статная женщина, возрастом несколько моложе него.

Приговаривая что-то вполголоса, она помогла пожилому пассажиру снять верхнюю одежду и присесть на одно из боковых мест второго купе, лицом по направлению движения поезда.

Долгая стоянка в Ярославле подходила к концу, и, возвращаясь с прогулки по перрону, Виктор Петрович задержался в проходе, занятом вошедшей перед ним парой. Он дожидался, пока пожилой пассажир сядет, с трудом выбравшись из рукавов своей зимней

куртки и обнажив при этом несколько рядов наградных планок на левой стороне пиджака.

Завидев Слогова, женщина повернулась к нему и с улыбкой спросила:

– Это ваше место?

Получив отрицательный ответ, провожатая скороговоркой добавила:

– Он ненадолго, до следующей станции. Здесь ближе к выходу.

Приветливо улыбнувшись, Виктор Петрович миновал пожилую пару и повернул к себе, в следующее купе.

Повесив свою верхнюю одежду на крючок, он уселся за столиком, у самого окна, обнаружив при этом сидящего напротив молодого человека лет двадцати, который, видимо, вскоре по прибытии поезда в Ярославль сменил на этом месте прежнего пассажира.

Новичок оказался словоохотливым и, аппетитно расправляясь с курицей, обёрнутой тонкими слоями теста, похожими на блины, живо реагировал на реплики попутчиков, не упуская случая вставить в разговор и свои «пять копеек».

Наконец, насытившись, новый сосед вновь упаковал остатки своего калорийного блюда в фольгу и с явными признаками довольства отвалился от стола, стал более пристально разглядывать окружающих.

Хорошо упитанный, с румянцем, обильно разлитым по круглому, курносому лицу, и бойкий, не по годам уверенный в себе, он чем-то отдалённо напоминал мультяшного Винни-Пуха, «кто ходит в гости по утрам» и «поступает мудро».

Тем временем, медленно набирая ход, поезд тронулся.

– Дед, ты воевал? – неожиданно встрепенулся румяный пассажир, устремляя свой взгляд по диагонали, через проход и адресуя свой вопрос старику из второго купе.

Дед явно не расслышал сказанного ему и, в свою очередь, вопросительно взглянув на парня, жестом руки показал на своё ухо: мол, говорите громче – плохо слышу.

Не снижая напора, бойкий сосед по-свойски, чуть громче повторил:

– Дед, ты где воевал?..

– На Курской дуге. И дальше, до самой Победы, – с готовностью, твёрдо ответил ветеран, едва различив обращённый к нему вопрос. Похоже, он вовсе не удивился ему: видимо, за многие годы общения с подростками и молодёжью привык отвечать на подобные.

Возникла пауза. Дед сидел, повернувшись вполоборота – так, что можно было разглядеть ряды наградных планок на его пиджаке. Они, по всей вероятности, и привлекли внимание новичка.

Молодой человек явно не осознавал, что человек, к которому он обратился, имел за плечами совершенно уникальный жизненный опыт.

Быть участником беспрецедентной по своей ожесточенности и упорству битвы на Курском выступе, в результате которой в 1943 году было сорвано генеральное наступление Германской армии на Восточном фронте. Это, безусловно, уже само по себе достойно особого уважения и почитания.

Ведь та, промежуточная победа наших войск (и в значительной мере – благодаря усилиям танкистов) являлась одной из ключевых в Великой Отечественной войне. Операция «Цитадель», тщательно разработанная немецким командованием, была сорвана.

А фашистской армаде, между тем, противостояли и совсем юные защитники Отечества, среди которых тогда был сидящий теперь поблизости старик.

И тут неожиданно для себя Виктор Петрович участливо, вполголоса предложил бойкому соседу по купе:

– А вы поговорите с ним. Таких ведь немного в живых осталось. Можно сказать, перед нами – живая легенда.

Но, заметив нерешительность молодого человека, он сам направился к участнику войны.

– Здравствуйте! Можно с вами поговорить? – обратился Виктор Петрович к глуховатому пассажиру, едва присев напротив старика на свободное боковое место. И, получив согласие, тут же стал знакомиться.

Вслед за ним, устремив любопытный взгляд своих круглых глаз на ветерана-орденоносца, на нижней полке с другой стороны прохода, напротив деда расположился и молодой сосед Слогова.

Для своих 86 лет старик был ещё довольно крепок, гладко выбрит, ухожен и, как говорится, находился в ясном уме.

«Вот что значит старая закалка!» – отметил про себя Слогов.

Он и прежде встречал подобных стареющих мужчин, над которыми, несмотря на полученные в боях ранения, время, казалось, было не властно. Они по-прежнему подтянуты, их взор цепок, а однажды обретённый боевой дух и сознание добытой – в единении со всем народом огромной страны – Победы, востребованности в качестве живого примера патриотизма и воинской доблести помогают им держать плечи расправленными, вопреки возникающим по жизни бытовым, житейским трудностям и проблемам.

Выяснилось, что Анатолия Константиновича (так представился ветеран) на службу в Красную Армию призвали в самый разгар войны, в сорок третьем, когда ему не исполнилось ещё и восемнадцати лет.

Сразу же в числе других новобранцев он попал на курсы стрелков-радистов танковых войск.

Затем по окончании – в Нижний Тагил, где каждые сутки, непосредственно с завода в сторону фронта отправлялся целый воинский эшелон с двадцатью шестью новыми танками, погружёнными на платформы.

Вместе с другими бойцами и командирами, обретя свой Т-34, пустился в путь и юный Толя.

Добрались до станции Валуйка, что в Воронежской области, от туда – своим ходом в составе колонны боевых машин проследовали к месту дислокации, в район села Уразово.

А это уже было на подступах к той самой, Курской дуге, где по обе стороны противостояния, ощерившись всеми своими пушками и пулемётами, для участия в решающей битве скапливались невиданные до той поры силы бронетехники – танки и самоходные орудия.

Представить то состояние, в котором пребывали люди, находившиеся внутри грохочущей стальной машины, в их стремлении поразить врага, опередить его в смертельной схватке, – побывать в таком состоянии, даже мысленно, дано не каждому.

– В прежние годы мне доводилось немало читать и видеть на экране о том, как проходила грандиозная битва на Курской дуге, – начал издалёка Слогов. – Но вот что хотелось бы услышать от вас, непосредственного участника тех давних событий. Каковы были

ваши ощущения в тот момент, когда, находясь внутри машины, экипаж вступал в бой?

– Какие ощущения? – переспросил танкист, глядя в лицо собеседника. И, не спеша подбирая слова, продолжил: – В первом же бою прямым попаданием снаряда из немецкого «тигра» снесло башню нашему танку.

А заодно с нею срезало тела командира и заряжающего бойца, которые находились в ней, – будто тупой секирой пополам перерубило. Вот и представьте себе, какие у меня были ощущения при виде такой картины... У восемнадцатилетнего парня...

Воцарилось молчание. Виктор Петрович обвёл взглядом сидящих и лежащих вокруг него пассажиров. Они все с нескрываемым интересом, молча, смотрели на пожилого участника войны – видимо, пытались представить то ужасное, участником и свидетелем чего ему довелось стать при боевом крещении.

...Тогда, в июле сорок третьего года в решающем, встречном танковом сражении в районе села Прохоровка одновременно, с обеих сторон в бой вступило 1200 танков, огромное количество артиллерийских расчётов, при значительной поддержке авиации.

Современному обывателю нетрудно представить себе сотню другую машин, подпирающих других, подобных им, в заурядной автомобильной пробке мегаполиса. А тут 1200 бронемашин, одновременно ведущих пальбу навстречу друг другу! Просто непостижимо воображению!..

Героическими усилиями наши войска разбили фашистскую танковую армаду, в результате чего немецкое наступление на Курском выступе было остановлено. В ходе сражения на огненной дуге было разгромлено 30 отборных дивизий противника.

...Позже, вскоре после Победы в 1945-м, закалённый боями, будучи уже кавалером трёх орденов Отечественной войны и награждённый, помимо других наград, медалью «За отвагу», Анатолий вновь побывал на Курской дуге, в местах бывших сражений.

Груды искорёженного, обгоревшего металла – то, что осталось от былой мощи бронетанковых соединений – ещё не были убраны с полей. И на месте механика-водителя какого-нибудь танка можно было увидеть скелет, «сжимавший» рычаги управления. Эту картину бывалому солдату забыть невозможно.

Неожиданно после минутной паузы старый стрелок-радист перешёл к описанию бытовых деталей оснащения немецких солдат.

– Фашисты были холёные, снабжались – «будьте-нате». В их солдатских ранцах, помимо продовольственных пайков, помещались и сигареты, и зубные щётки, и небольшие щётки для обуви, – отметил он. – Культурная нация, нечего сказать. Только вот народа нашего при своей «культурности» – сколько погубили... Даже сгноили в церкви, в сараи, запирали там и – сжигали заживо...

Он вновь помолчал. С ним заодно, не смея прервать ветерана, молчали и его попутчики. И эта минута молчания под глухой стук вагонных колёс была минутой памяти павших в огне далёкой, ужасной по пережитому, по трагическим последствиям войны.

– Ну, а наши солдаты, как известно, курили махорку. Да не всегда даже было из чего самокрутку свернуть – бумаги не сыскать, – не без иронии продолжил седовласый танкист. Но тут же гордо заключил: – А в войне всё ж таки мы победили. Несмотря ни на что.

Поезд заметно замедлил движение, подходя к перрону станции Данилов.

Взглянув в окно, Анатолий Константинович вдруг оживился и показал на проплывавшее за окном деревянное строение:

– А вот здесь я живу, это мой дом.

И, будто приглашая в гости, он уточнил:

– На первом этаже. Сошёлся тут недавно с одной женщиной, с ней и живу.

Слогов поблагодарил ветерана за беседу и предложил ему помочь одеться.

Напоследок, уже готовясь к выходу, старик убеждённо произнёс:

– Войну выиграл Жуков, – затем, после небольшой паузы, обернувшись к собеседнику, добавил: – И... Сталин.

– Это хорошо, что первым вы назвали имя полководца. Хотя, мне думается, ещё правильнее было бы сказать: войну выиграл многонациональный советский народ, – ответил Виктор Петрович и, провожая старого солдата, ещё раз тепло поблагодарил его, пожелал ему на прощание доброго здоровья, помог выйти из вагона.

Затем, одевшись, он вновь вышел на перрон – «продышаться».

Отмеривая шаги по даниловскому перрону, Слогов заметил в дальнем его конце знакомую, удалявшуюся фигуру 86-летнего стрелка-радиста, участника Курской битвы. Неспешно, тяжело ступая и опираясь правой рукой на трость, он завершал свой путь. До своего дома ветерану уже было, что называется, подать рукой.

...Остаток вечера Слогов провёл в беседе со своим молодым, румяным соседом и ещё многое узнал об Илье (так звали молодого человека).

Совместное участие в коротком разговоре с бывалым танкистом сблизило их. А, узнав о том, что Виктор Петрович работал преподавателем, вчерашний студент Илья ещё более расположился к попутчику.

Не без видимой гордости он продемонстрировал два своих только что полученных диплома об окончании одного из полутора десятков ивановских вузов.

Первый из них подтверждал то, что молодой выпускник мог теперь профессионально заниматься вопросами коррозии металла, второй – давал право занимать руководящие должности, уже с точки зрения экономического базиса, владения основами маркетинга.

– Как вам удалось – сразу два? Ведь, помимо большого желания, всё же надо было посещать занятия... Как это оказалось возможным – не разрываясь, обучаться и защититься на двух факультетах одновременно? – полюбопытствовал опытный педагог.

– Крутился... – не особо смущаясь, лишь лукаво улыбнулся в ответ ему молодой собеседник.

Помолчали.

Но молчание для выпускника было тягостным – похоже, ему было трудно сдерживать свой риторический запал. И он продолжал рассказывать о себе, делясь планами на будущее.

Выяснилось, что родители Ильи – рядовые труженики. Отец – высококвалифицированный монтажник на кораблестроительном предприятии, мать – работает в пожарной части.

В родной северный город новоиспечённый ивановский выпускник направлялся буквально на два дня, чтобы повидаться с роднёй и со своим любимым красавцем-котом, зрячим альбиносом.

А в Москве, куда молодой человек намерен вернуться, его ждал старший брат, который уже «хорошо устроился», работая

начальником отдела в крупной оптовой компании по снабжению продуктами питания.

И сомнений у Ильи относительно того, в каком городе приложить усилия для собственной самореализации, конечно же, нет: только в столице. Два диплома плюс военный билет уволенного в запас будут тому порукой.

Поэтому первым делом он теперь намерен идти «сдаваться» в военкомат, чтобы отправили на годичную воинскую службу.

– Да, без службы в армии не обойтись, военный билет нужен. Без него на приличное место не устроишься, – со знанием дела резюмировал розовощёкий попутчик Слогова.

Новоявленный выпускник, по его признанию, вовсе не собирался подаваться в науку, заняться преподавательской деятельностью. Впрочем, как и применить полученные знания по химико-технологическим особенностям металлов, защиты их от коррозии на практике – тоже «не для него».

А вот устроиться, подобно брату, в солидную торговую компанию, с высокой зарплатой – было бы в самый раз.

...Как меняется жизнь, меняются люди...

Дети уже не хотят повторять «подвиги» своих родителей, закаляться на пути преодоления повседневных трудностей – они с готовностью заполняют ячейки пресловутого общества потребления, осваивают его новые горизонты. Хотят получить всё сразу и, по возможности, – больше того.

С подобными проявлениями современных взглядов, нравов подрастающего поколения педагог Слогов сталкивался часто и уже перестал им удивляться.

Примеров было немало. И вместе с ними росло ощущение того, будто что-то очень существенное, определяющее сбито в программе национального самосознания.

А выжившие ветераны... Низкий им поклон – за ратный труд, за доблесть, за самопожертвование в тылу, во имя Великой Победы.

Стемнело. Взгляд Слогова листал мелькавшие за окном таинственные очертания деревьев, какие-то редкие, в отсветах фонарей контуры станционных построек.

Юный собеседник Виктора Петровича по-прежнему сидел рядом, но, выговорившись и уже не заводя нового разговора, притих.

А педагог продолжал предаваться своим размышлениям о нынешних энергичных выпускниках – с большими, свежими корочками дипломов... Их кредо – на примере таких, как Илья, – выглядит просто: в столицу! В коммерцию! Поскорее пополнить ряды «купи-продайкиных»...

Москва, пусть и не резиновая, но – примет. Как принимает многих и многих других, разрастаясь посредническими структурами чиновников и коммерсантов. И, конечно же, разительно отличаясь сутью всё новых, создаваемых ею развлекательных телевизионных шоу от реальной жизни населения, проживающего за пределами столицы.

...Приближался очередной юбилей Победы советского народа в Великой Отечественной войне.

– Интересно, какие планы были у ветерана-танкиста тогда, накануне? – словно продолжая размышлять, но уже вслух произнёс педагог. – Жаль, спросить не успел, разговор был слишком коротким. Всего-то 70 километров пути...

Молодой обладатель двух дипломов повернул к нему своё курносое, румяное лицо, и в его, уже привычном для Виктора Петровича, пытливым взгляде круглых глаз застыла явная озадаченность.

Илья, вопреки своей бойкой словоохотливости, впервые не ответил: он впал в задумчивость. Наверное, пытался представить несбывшиеся планы своих сверстников начала далёких сороковых годов. И эта задача была для него, похоже, не из простых.

Ленков Анатолий Васильевич

Родился 17 сентября 1947 в селе Славино Карабухинского сельсовета Рязанской области.

После 8 класса окончил Прокопьевский горный техникум. В 1967 году призван в Вооружённые Силы. Затем окончил Кузбасский политехнический институт.

На шахте «Красногорска» проработал 37 лет. Был проходчиком, забойщиком, горным мастером, начальником участка, заместителем главного инженера. Имеет

четверых детей: два сына и две дочери.

Пенсионер, ветеран труда.

БЕЗ ВЕСТИ ПРОПАВШИЙ

Васька родился рыжим и конопатым. Четвёртого февраля одна тысяча девятьсот тринадцатого года. Зимой. До весны далековато. А он, словно, на солнце подкопчённый... «Счастливым будет», – прошептала сама себе попадьё, – присутствовавшая при крещении...

Отец его, Григорий Ильич и мать Устина Михайловна Ленковы были из Сапожковского уезда Рязанской губернии, всю свою жизнь прожили в Карабухинской волости в сёлах Сергиевка и Славино. Эти и другие сёла: Макеево, Глебово, Петровка да и само Карабухино находились друг от друга недалеко. На расстоянии трёх – семи вёрст. Население волости было зажиточным... Не миновала «сия чаша» и крестьян Ленковых. У Григория с Устиной живности было, как говорится, полное подворье. Да и землицей не обижены... Так бы и жили, детей растили, а их всегда было много:

сын, дочка, сын, дочь... С доисторических времён. Но тут очередная война «подоспела» – Первая мировая называется. Около пятисот полных Георгиевских кавалеров (всех знаков и степеней) взрастила Рязанская земля Родине.

Ещё с былинных времён, когда Князь Игорь разбил неразумных хазар, кто только не нападал на Святую Русь. Половцы. Поганые. Посылали на здешние русские земли и татаро-монголы, собирая дань для своего ханства. На Путятинской земле, у Шишова леса (бывший Сапожковский уезд), под которым в 1365 году русские князья Олег Рязанский, Владимир Пронский и Тит Козельский в лютом бою разбили монголо-татарского хана Тогия. Это была первая победа русских над монголо-татарами. Вторая – в 1378 году на реке Воже. И завершилось всё третьей последней – 1380 год – известной и знаменитой Куликовской битвой (нынешняя территория Тульской области)! Село Путятино впервые упоминается 1628 – 1629 годах в Рязанских платёжных книгах. Князь Путятин жил в нём и охранял подступы к Рязани и Москве... А в смутное время, когда Земской Собор избрал молодого Михаила, первого царя из династии Романовых, – именно Архиепископ Рязанский поехал с этой новостью в Кострому... Поляки бесчинствовали. Шведы клином построились. Французы вошли в Москву, спалённую пожаром... Видать и Григорию Ильичу время подошло... «Береги детей, Устина, – особенно сына Васю»...

Тем временем Васька рос. И чем дальше рос, тем больше походил на отца. Только был уже не рыжий, а русый. Однако веснушки сохранялись и в детстве, и в отрочестве... Село Славино, как и другие, располагались вдоль ручья Инкаш. Речка так себе, не глубокая, – по колено взрослому человеку. Зато дно песчаное, без ила, и вода прозрачная – ключевая. Правый берег высокий, отметка достигает сто тридцать шесть метров, но не крутой. По этим пологим склонам и катались каждую зиму все: детвора, молодёжь, взрослые и даже бородатые старики. Сани большие, но легкие. По пять-шесть человек входило. Зато, когда они переворачивались на заснеженном льде ручья, здорового смеха было на всю округу. А ещё лучше, если они выезжали на левый берег, поближе к амбарам вдоль ручья. Летом делали платину. Ручей перегораживали травянисто-земляными пластами. Их копали лопатой тут же на берегу. Поднимут «заграждение» чуть выше, чем по пояс опять же взрослого человека. Пока вода в запруде собирается,

мальчишки с другой стороны бегают по песку – рыбу собирают. Вьюны. Угри. Огольцы. Хотя и был Васька отважным, смелым, но больше всего он «боялся» ДЕВЧОНОК – робел перед ними, а вот песчанок совсем не боялся... Тонких извилистых рыбок, живущих в песке, которые так и норуют схватить за пятку или укусить за босую подошву. Говорят, разнородность пиявок.

Другое излюбленное увлечение Васьки была рыбалка. Без удочек и сетей, без червячков и крючков. Бывало, пойдет он с пацанами по воде ручья, вдоль живописных берегов. Встретят куст тальника, лозы, калины, черёмухи, ивы. Любой – лишь бы рос он половина в воде, половина на земле. Под такими кустами – много рыбы! Окопают куст песком, чтобы течение не заходило. Теперь успевай вычерпывать воду из-под куста ведром. Ведро с зачёрпнутой водой выливали в плетёную корзину. Вода из корзины вытекала, а рыба оставалась. Особенно часто и много попадалось огольцов. Жаренные на масле с яйцом и сметаной – вкуснятина... Об играх в чижика, прятки, лапту – и писать не приходится... Играли всей деревней и девчата с ними...

Были ли Василий и Евдокия знакомы? В обычном понимании этого слова. Просто росли на глазах друг у друга. Бежали по селу. Играли каждый в свои игры. А однажды он побил обидчика Дуси за то, что тот сломал её соломенную куклу и развеял по ветру. Драка получилась серьёзной. С синяками, шишками и кровью (точь-в-точь как описано в романе Алексеева «Драчуны»). Словом пришла Любовь. Родители Дуси: отец Пётр Егорович и мать Евдокия Акимовна Апреловы не возражали. Они тоже ро-

На фото: Евдокия Петровна Ленкова (по девичьи Апрелова), жена без вести пропавшего

дились и выросли в сельце Славино Карабухинской волости Сапожковского уезда. Василий Григорьевич и Евдокия Петровна, как и положено было, обвенчались в церкви... Николо-Успенская церковь возникла вместе с селом Карабухино ещё во времена царствования Ивана Грозного. В дальнейшем (в 1759 и 1819 гг.) Храм совершенствовался. В 2004 г. освящён источник и сейчас тут паломничество.

Построили бревенчатый с высоким крыльцом дом на окраине села; разбили

фруктовый сад, посадили просо. Как и все в округе: играли на балалайке, пели частушки, песни. И про «Жигули...», и про «Трансвааль...», и про «Мой костёр в тумане светит...», и «Про Муромскую дорожку...». Особенно хорошо у них получалось про их, деревенскую жизнь:

*Вдоль деревни от избы и до избы
Зашагали торопливые столбы;
Загудели, заиграли провода,
Мы такого не видали никогда.
Нам такое не встречалось и во сне,
Чтобы солнце загоралось в избе...
Чтобы радость подружилась с мужиком,
Чтоб у каждого – звезда под потолком.*

Богата земля Есенинского «берёзового ситца»: местные художники Арапов и Шмелёв, поэт Сенин, писатель Юрин, оперный певец Ханаев Никандр, журналист и государственный деятель П. С. Парфёнов – автор песни «По долинам и по взгорьям» – все родились в здешних местах, на Путятинской земле.

На фото: Анна Васильевна, по мужу Шавырина – в нынешней жизни

В 1936 м году у Василия Григорьевича и Евдокии Петровны Ленковых родился первенец. Назвали сына Иваном. А в 1939-м родилась дочь – Анна. Василию было в это время двадцать шесть лет. Живи и жизнью наслаждайся! Не будь обиженным в любви! Мечтал он и ещё об одном сыне и дочери... Дом на высоком фундаменте. Выросший сад. Гордость – яблоня Антоновка, плоды которой хорошо хранились в сене всю зиму. Залезешь на сеновал – аромат неопиcуемый...

И опять это горькое слово – война. Дочке Ане едва – едва исполнился год, как Путятинский районный военный комиссариат призвал красноармейца Василия Ленкова сначала на фронт с финнами – Карело-финский ... – затем он бил фашистов. Враг рвался к Ленинграду, к Москве. Холод у висков собирается, – когда слушаешь:

*Вставай страна огромная! Вставай на смертный бой!
С фашистской силой грозною, с проклятою ордой...
Пусть ярость благородная вскипает как волна.
Идёт война народная, Священная война...*

Кстати, автор этой песни А. В. Александров – тоже «резанец», родился в селе Плахино. Композитор, дирижёр, автор Гимна России, основатель известного в мире ансамбля песни и танца Красной Армии.

Всюду шли ожесточённые бои. Осенью 1941 года была такая «мясорубка»... А в октябре 1941 г. Евдокии пришло извещение: ваш муж Василий Григорьевич Ленков пропал без вести. Сколько их было, нет, не погибших, а именно пропавших без вести? Миллион или миллионы человек? Перефразируя известные стихи Сергея Острового «Легенда», можно применить их к любой женщине страны:

*Мать потеряла сына на войне, в снегу замёрз или сгорел в огне –
Она об этом так и не узнала. Ждала, ждала... А он не приходил,
Где холмик тот среди других могил? Где та дорога, что
последней стала?
И мать ждала. Она дала зарок. Придёт ли? Переступит ли порог?
Сын не вернулся. Мать от слёз ослепла. Сидит, людские
слушает шаги.*

*Не скрипнут ли за дверью сапоги? А ветер нёс по свету
горстку пепла.*

Это не только о матери, это о всех наших женщинах – жёнах, сёстрах, дочерях. С живыми проще, их можно потрогать, послушать, посмотреть.... С погибшими тоже ясно – можно положить цветы на могилу, перезахоронить... А вот как быть с пропавшими без вести... Кто они? Герои, совершившие подвиг? Как, например: Генерал Карбышев, облитый на морозе водой и превращённый фашистами в ледяной столб. Лётчик Маресьев, потерявший ноги и на протезах научившийся летать и бить врага... Гвардии рядовой Юрий Смирнов, названный на-

На фото: кладбище советским воинам в Чехословакии, (на котором есть и могилы неизвестных солдат), освобождавших Бухарест, Вену, Софию, Варшаву, Прагу...

родом: «Русский Христос». Да, что там говорить – весь МИР спасли! Всю Европу «по-пластунски пропахали» ... Помнится, в детстве читал прозу, книга была толстой, а среди текста такие стихи, запомнившиеся сразу и навсегда:

*Когда в штабной блиндаж враги ввели Смирнова,
Увидев смерть в лицо, пройдя сквозь боль и гнев,
Он не взглянул на них, не проронил ни слова,
Он даже не стонал, почти окаменев.
Мальчишкой видел он не раз закалку стали,
И твёрдый нрав он перенял у ней,
Чем злее палачи сейчас его пытали,
Тем становился он упрямей и сильней.
С сухим от жажды ртом, преодолая муки,
Он словно видел свет в предсмертной тишине,
Тогда они ему вонзили гвозди в руки,
И с хохотом, глумясь, распяли на кресте.
Но покарал врагов жестоко и сурово
Наш праведный металл, огонь смертельный наш.
И молодой боец, похожий на Смирнова,
С гранатой ворвался в разрушенный блиндаж.
Бойцы – фронтовики – друзья его и братья –
Сапёры, снайперы, связисты и стрелки
Прошли по одному у страшного распятья,
Не вытирая слёз и стиснув кулаки...*

Жизнь прошла, а эти стихи известного поэта Матусовского, всё помнятся, всё читаются, снятся – они стали героическим символом каждого участника Великой Отечественной войны. Олицетворением бессмертного ПОДВИГА народа.

Зоя Космодемьянская. Константин Заслонов. Лиза Чайкина. Или Матросов, – грудью закрывший амбразуру немецкого дзота.... А обгоревший лицом до не узнаваемости танкист Егор Дрёмов

На фото: колокол и матросы под ним. Иллюстрация песни «Бухенвальдский Набат»

из классического рассказа «Русский характер» Алексея Толстого. Да разве всех перечислишь. В одной только Рязанской области около трёхсот Героев войны 1941 – 1945 годов.

Просто у пропавших без вести не было свидетелей? Или не успели составить донесение, наградную... Нет, конечно... Другой раз так шарахнет, что и планшетка вместе с бумагами и картами превращается в дым. А те, что попали в плен? А если и попали, то плевали нацистам в лицо.... Их фашисты сжигали заживо тысячами, сотнями тысяч в топках крематориев и печах концентрационных лагерей Освенцим, Дахау, Бухенвальд... Кровь в жилах леденеет:

Люди мира, на минуту встаньте! Слушайте, слушайте:

Гудит со всех сторон – это раздаётся в Бухенвальде

Колокольный звон... колокольный звон.

Звон плывёт, плывёт над всей Землёю, и гудит взволнованно Эфир:

Люди Мира, будьте зорче вдвое, Берегите МИР,

Берегите, берегите, берегите Мир!

Есть и в твоих краях, Василий Григорьевич, Герои Великой Отечественной войны, отмеченные в Указах Президиума Верховного Совета:

АЛЕКСУХИН Василий Тимофеевич из крестьян, родился тоже в Сапожковском уезде в деревне Малая Дмитриевка. После семилетки учился в Таганрогской военно-авиационной школе лётчиков. Совершил более 76 боевых вылетов, сбил три фашистских самолёта, уничтожил 14 танков, 6 грузовиков, 2 паровоза, 45 железнодорожных вагонов. В декабре 1943 г. направил свой горящий Ил-2 на скопление немецких танков.... Повторил подвиг Гастелло.

ГУДКОВ Дмитрий Васильевич из деревни Волово, крестьянин. В сентябре 1942 г. над Волгой таранил немецкого воздушного разведчика, а всего сбил 20 самолётов. Летом 1945г. присвоено звание Героя с вручением Золотой Звезды. Имеет орден Кутузова. В авиации прослужил до 1977 г.

ФЕДОТОВ Иван Григорьевич. В селе Глебово работал трактористом. Под Сталинградом командовал пушкой и уничтожил 3 дзота, 41 немца и получил за это медаль за Отвагу... После третьего ранения в феврале 1944г. награждён Золотой медалью. После ПОБЕДЫ – работал председателем колхоза.

ФИРСОВ Александр Яковлевич из села Поляки, работал в колхозе. А подошло Время: защищал Родину на Дальнем Востоке в борьбе с японцами – в бою за китайский город Дуннин закрыл своим телом японскую амбразуру, – повторив подвиг Александра МАТРОСОВА. Его имя увековечено в Приморском крае и в Рязани, и что само собой разумеется, в селе Путятино.

ЧЕРНЯЕВ Алексей Ильич, уроженец Карабухинской волости, трижды раненый – четверо суток подряд один удерживал позицию при форсировании Днепра, за что и получил звание Героя в марте 1944 г. Дожил до 1993 г.

Двое из твоих земляков: **КУРЛОВ Василий Иванович** из села Путятино и **ТЕЛКОВ Василий Фёдорович** – стали полными кавалерами орденов СЛАВЫ, вернулись в свои сёла и работали в колхозах.... Награды Телкова В.Ф. были похищены и проданы на аукционе в США...

На фото: дети, внуки и правнуки без вести пропавшего (лишь часть семьи...). Справа – его старший сын Иван с правнуком.

Всего, повториться надо, на Рязанской земле – около 300 героев бывшего СССР и России. Это примерно сороковая часть от всех героев нашей Страны...

Все твои, Василий Григорьевич, четверо детей, одиннадцать внуков, двадцать два правнука и правнучек, и пока семь праправнуков верят, что и ты был не мнимым, а настоящим героем – неистово сражался против финнов, нацистов и фашистов. По-другому просто и быть не могло. Гордимся тобой, любим и помним, внуков, правнуков, праправнуков называем твоим именем.... К 70-летию великой ПОБЕДЫ рады доложить, что твоя фамилия будет сохранена в твоих потомках. Частенько рязанский говор проскакивает в сибирском лексиконе. Вот что такое гены.... Преклоняемся перед твоим жизненным путём – от земли до рая. Всё твоё поколение уважается и чтится, ибо героизм пропавших без вести в разы соизмерим с героизмом всех павших и живых, шагнувших в бессмертие...

Бокарева (Субботина) Мария Михайловна

Родилась в 1986 году в семье палехских художников. В 2007 году окончила Палехское художественное училище им. М. Горького с углублённым изучением иконописи.

Её работы были представлены на Всероссийских выставках в Нижнем Новгороде, Москве. Работы имеются в частных коллекциях.

В 2010 году стала заместителем председателя Палехского районного краеведческого общества.

Имеет более пятидесяти дипломов литературных, поэтических и музыкальных конкурсов, в том числе обладатель премии губернатора Ивановской области и премии Президента РФ в 2006 году.

ВОЙНА СКВОЗЬ ПРИЗМУ ВРЕМЕНИ

«ДА ЗДРАВСТВУЮТ КРАСКИ!»

Документальный рассказ

Пармен и баба Паня

Дом у прабабушки Пани состоял из двух половинок: в одной жила она, а в другой – её брат Пармен. Половинки дома были совершенно одинаковые: кухня – прихожая с печкой, и сама комната за двойными створчатými дверями. Дом окружал большой сад – огород со старыми яблонями, ульями и многочисленными грядками. Дядюшка Пармен на старости лет занимался пчеловодством. Сад был его вотчиной, а яблони он даже называл своими дочками.

Если бабушка Паня была понятной – строгая когда-то учительница, у которой не забалуешь, принципиальная, скромная и справедливая, потерявшая на фронте мужа, и всю жизнь посвятившая школе и двум дочерям с внуками, то прошлое дяди Пармена было окутано неизвестностью – чем-то неведомым и таинственным. Сразу было видно, какая-то гнетущая тайна пряталась в его прошлой жизни и скрывалась за всем его обликом и поведением – нервным, неров-

ным, а частенько и откровенно недоброжелательным. У него бывали приступы непонятной злобы и обиды на всех вокруг. В такие дни он уходил в свою половину, ни с кем не разговаривал и никого не хотел видеть. Характер был у него не сахар.

Как мне тогда в детстве хотелось узнать, что за приступы грусти были у этого на вид добродушного, лысого, чуть сторбленного старичка, в минуты хорошего настроения всегда восклицавшего встречным знакомым: «Приветствую вас!» Но такие минуты бывали всё реже, а с возрастом и совсем исчезли.

В глубокой старости во время болезни он кричал, чтобы его выпустили, открыли двери, ругал каких-то надзирателей. И вот тогда я узнала от близких, какой нелёгкой была судьба у Пармена Николаевича Зиновьева.

После окончания училища в 1939 году он был призван в армию. Окончил школу сержантов. К началу войны зачислен в 73-й полк командиром отделения. С войсками прошёл весь боевой путь на передовой до Берлина в 218-м пограничном полку. Закончил войну на Дальнем Востоке. Демобилизован в 1947 году и вернулся в родную деревню Дягилево с боевыми медалями.

Три горюшка было в его жизни.

В 1942 году погиб горячо любимый им старший брат Виктор. Это была первая невосполнимая потеря.

В 1945 году в письмах с фронта домой он писал родным: «Я вернусь домой не только с Победой, но и с невестой». Но любимая девушка погибла в Берлине от шальной пули уже после окончания войны. Это стало для него огромным горем, которое он переживал всю жизнь. Впоследствии он так и не женился.

В 1957 году в хрущёвские времена, когда повсеместно насаждалась кукуруза, а колхозники жили в тяжёлых условиях, без паспортов и их заставляли покупать облигации, Пармен Николаевич болел душой за деревню, считал себя защитником крестьянства. Когда узнал, что облигации государственного займа, купленные его односельчанами, не погасят в ближайшие годы, как было обещано, послал письмо в Москву, в Правительство, написав слова протеста против политики партии в деревне. А процитировал он слова своего любимого Радищева: «Звери алчные, пиявицы ненасытные, что крестьянину вы оставляете, то, что отнять не можете – воздух, один воздух ...»

По номеру этой облигации его и нашли и увели из родного дягилевского дома под белы руки: не испытывай, мол, свою судьбу. На его поступок все удивлялись, ведь он был всегда очень осторожен и боязлив. 31 мая 1957 года состоялся суд. Ему дали политическую статью, и пять лет он пробыл в Удмуртии в ссылке. Вот оказывается, какая тайна окутывала неизвестностью все эти годы его жизнь.

В 1961 году он вернулся в Палех, где ждал его дом в глухом переулке, построенный им семь лет назад пополам с овдовевшей сестрой, и один доживал свой век, работая художником в мастерских, рисуя многочисленные «тройки», «охоты» и «битвы».

Мир старого дома

Мир этого дома, стоящего в тихом тупичке, его пространство, где время словно остановилось из-за множества старых фотографий, которые он хранил, подарили мне однажды сон или видение, уж и не знаю как точно сказать о почувствованной и увиденной словно в кино встрече с прошлым. Это были обрывки прошедшей жизни, довоенного времени, связанной с детьми художника Зиновьева, прапрадедушки из деревни Дягилево.

Детей было пятеро: Павлина – баба Пяня, Капитолина – Капа,

Семья Зиновьевых: Сидят слева на право: Виктор, крёстнушка - Мария Михайловна, мама - Мария Васильевна на руках с младшей дочерью - Верой, отец - Николай Михайлович с сыном Парменом; стоят старшие дочери: слева Павлина, справа - Капитолина

Виктор, Пармен и Вера. Всех я их помню с детства, кроме Виктора. О нём узнала впервые, когда была ещё совсем маленькая. Летом, вылавливая из бочки с водой попавших в беду муравьёв, услышала за спиной голос бабы Пани: «Ну вот, ты у нас как Витя Зиновьев, всех спасаешь, всех жалеешь». Это всё что я о нём знала в то время – что он был очень-очень добрым, и любимым всеми. А узнала я о нём подробно уже школьницей.

Однажды в мае после празднования Дня Победы, у дядюшки Пармена было светлое настроение, и он разрешил мне посидеть в его половине. Там стоял в то время огромный старинный шкаф, наполненный книгами, альбомами, журналами.

Во всём вокруг: в разбросанных на письменном столе кистях и лезвиях, карандашах и вырезках, каких-то шкатулочках разных размеров, присутствовал холостяцкий беспорядок, но тем это было и интересней, потому что в соседней половине царила чистота и аккуратность, которые отражали характер его старшей сестры. Я сидела и думала, что же лучше: идеальный порядок или художественный беспорядок?

Майское яркое солнце ушло за дом, в комнате было сумрачно, пахло старыми книгами и пылью. Я сидела на потёртом диване и с любопытством рассматривала коричневые с золотым теснением корешки книг, вороха бумаг, разбросанные везде рисунки и вырезки из журналов. Дядюшка сгорбился над столом и читал поздравления.

Разглядывая комнату, где я так редко бывала, я вдруг увидела на стене рисунок, а потом ещё и ещё. Это была целая серия рисунков старинных новгородских храмов.

– Как красиво! Кто же это так прекрасно нарисовал? – спросила я дядюшку Пармена.

Он долго молчал.

– Эти рисунки – память о моём брате Викторе, который в студенческие годы летом 1937 года побывал в Новгороде и привёз оттуда много эскизов, – ответил Пармен Николаевич, – он подавал большие надежды как художник и был очень замечательным человеком.

Он полез куда-то в дальний ящик и вынул оттуда небольшой альбом, на первой странице которого было выведено красивой прописью: «Посвящается любимому сыну и брату Виктору Николаевичу Зиновьеву, погибшему в боях за Родину. 1918 – 1942 гг.». По тому, как дрожали руки у старика, я поняла, как дорого ему то, что хранит в себе этот охристо-коричневый альбомчик.

– Лучше бы я погиб вместо него, – с нескрываемой горечью добавил дядюшка, перелистывая шуршащий узорный пергамент между картонными страницами.

Я удивилась, с какой любовью собрана была здесь запечатлённая навеки короткая жизнь Виктора. Альбом содержал множество фотографий его и однокурсников по художественному училищу, пейзажи деревни Дягилево – родины Зиновьевых, походы в лес, на этюды, на охоту, на рыбалку, а также снимки работ Виктора – картин, посвящённых историческим битвам.

А Пармен Николаевич вдруг разговорился, вспоминая о юности, о семье. Всегда бледное лицо его озарилось, а глаза стали живыми и обрели цвет. А потом он вдруг запричитал, глядя на фотографию молодого воина, словно хороня его:

– Ох, Виктор, Виктор, ведь ты у нас был самым

красивым, жизнерадостным, талантливым. А какой ты был помощник во всех делах наших крестьянских...

– Безотказный... А какой добрый и ласковый... А прожил-то всего... двадцать четыре года...

– А как мечтал ты об искусстве, с каким упорством овладевал мастерством художника, один из курса по окончании училища получил диплом с отличием. И тему диплома помню – «Волочаевские дни». А в армии окончил командирские курсы. Как же мы тебя все любили... Он, да Паша Баженов – вот были два друга. Обоих не пощадила война – окончил он свою речь уже обращаясь ко мне и, померкнув, вышел в соседнюю комнату, покачивая горестно головой.

Я осталась наедине с тишиной... О, эти старые фотографии! Как я их люблю! Сухие, скупые изображения, да ещё чёрно-белые, а в них чувствуется дыхание жизни, воздух, цвет.

Я долго – долго разглядывала альбом с фотографиями Виктора, художника только вступившего в жизнь, которая так рано и так трагично оборвалась, и вдруг он тоже стал для меня дорогим и близким, как для дядюшки Пармена.

Один снимок особенно понравился мне. Майский солнечный день. Виктор в светлой одежде стоит, улыбаясь с велосипедом и огромным букетом сирени. Последние предвоенные годы мирной жизни, наполненной крестьянским трудом, учёбой, мечтами о будущем, отдыхом на берегах живописного Люлеха.

*Виктор Зиновьев за дипломной работой
«Волочаевские дни»*

Рисунки Виктора

А дядюшка Пармен вынес мне из комнаты ещё один альбом – с рисунками.

– Это альбом 1935 года. Летние зарисовки брата, – заговорил снова Пармен Николаевич, – они воссоздают старый облик деревни Дягилево, её окрестностей. Здесь же – карандашные портреты родных и друзей. Как они тщательно проработаны, по ним видно как же он серьёзно и требовательно относился к своей учёбе.

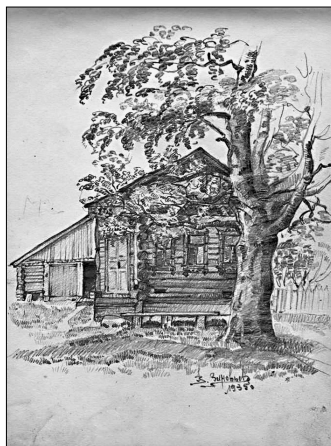
Действительно, с любовью нарисованы портреты бабушки Прасковьи Ивановны, урождённой Чикуриной, дедушки Михаила Ивановича, иконописца-мелочника, а также крёстной Марии Михайловны, воспитавшей всех зинovieвских ребятишек.

– Мама и крёстная были глубоко верующими женщинами, – продолжал дядя, – и привили нам любовь к труду, отзывчивость, уважение к традициям. Виктор любил рисовать церковную архитектуру и пейзажи родной деревни. Вот смотри – на рисунке – старая дягилевская часовенка, названная в честь иконы Владимирской Богоматери. Виктор рисовал её часто, она стояла в центре деревни, недалеко от дома. А вот на следующей странице – и сам наш родовой дом, любимая берёзка под окном. Сколько здесь было радостных счастливых событий, встреч и расставаний.

И смущаясь, вдруг мой собеседник стал декламировать чьи-то стихи:

*Берёза у родного дома,
Слегка листвою ше лестит.
Здесь всё любимо, всё знакомо,
И тишина в душе царит.*

– Ну, ты знаешь, – продолжал он задумчиво, – сейчас-то в доме нашем музей отца – Николая Михайловича Зинovieва, а тогда дом был жилой, живой. Росли дети, уезжали на учёбу, на работу, но часто возвращались в свою колыбель. Сюда же в мае 1942 года пришло последнее письмо с фронта от нашего Виктора, а вскоре и известие о том, что он пропал без вести. Как же все скорбе-

Родовой дом семьи Зинovieвих в д. Дягилево. Рисунок Виктора

ли. Невосполнимая утрата, – прошептал он, и на глаза его навернулись слёзы. Судя по адресу, – продолжал Пармен Николаевич, немного успокоившись – Виктор служил лейтенантом при штабе генерала Жукова на Западном фронте. Да и в письмах писал об Украине. Тогда весной 1942 года началась Ржевско-Вяземская наступательная операция, в которой участвовали войска генералов Конева, Жукова, Курочкина, Черевиченко, освободившая от оккупантов группы армии «Центр» Московскую и Тульскую области. Вот тогда он и погиб. Да и фашисты потеряли более 330 тысяч человек, как пишут в «Календаре памятных дат Российской военной истории».

– Я ведь всем интересуюсь, что связано с боями, – окончил он свои размышления, и протянул мне несколько ветхих листков бумаги.

Военные письма

В моих руках оказались письма с фронта. Бесценные документы того давнего времени – пожелтевшие, истрёпанные, читанные-перечитанные листы, написанные рукой лейтенанта Виктора Зиновьева. Письма удивительно добрые, заботливые. Вот он узнаёт о гибели любимого друга – Павла Дмитриевича Баженова, женатого на его сестре Капитолине, прекрасном палехском художнике, погибшем на полпути к фронту – ехали оборонять Ленинград. Их состав разбомбили немцы. Он очень скорбит о нём, и утешает сестру, заботится о том, чтобы не пропали рисунки этого замечательного мастера.

«... не стало больше Павла Дмитриевича, я очень глубоко потрясён, и до сего времени ещё не верю мысленно, что его уже нет, что он так нелепо погиб. Это был талантливый человек с душой и сердцем художника, который любил дело, и с большим усердием работал над ним.

Да, ничего не поделаешь, нужно смириться, ибо теперь идёт война, война жестокая и кровопролитная за лучшее будущее нашего народа и всего человечества. Враг будет разбит.

Я очень сожалею Капе, она много сейчас переживает и пережила и, конечно, не зря у неё болят глаза, но не нужно доводить себя до полного отчаяния, надо жить и жить и выполнять свои обязанности. Её участь есть участь многих, а поэтому нужно жить так, как жила раньше.

Переживётся трудное время и настанет лучшее.

Но всё это нужно пережить, тогда будет всё, как было раньше. А главное – не унывать.

Я живу, как и раньше, почти без изменений, чувствую себя очень хорошо. Работы очень много, так, что у нас вошло в привычку работать целыми сутками без отдыха. Но это ничего, это всё для лучшего. Сейчас нахожусь на территории, где находились немцы, они оставили после себя развалины. Осталась масса их машин. Вообще картина печальная. Но это всё быстро восстанавливается...».

Последнее письмо от Виктора пришло 14 мая 1942 года. Его обратный адрес: Действующая Красная Армия. Военно-полевая почта, 1532. Штаб армии, 8-й отдел.

Да, в каждой семье оставила война горькую память о себе. Только расцветшая жизнь, обещавшая так много, – оборвалась. И вновь я посмотрела на рисунки новгородских храмов, на рисунок деревянной часоушки из деревни Дягилево, запечатлённой Виктором, и подумала: «Он защищал свою Родину; красоту её, которой восхищался как художник. Он так любил свою тихую деревеньку, в зарослях дягиля и черёмухи, свою родную землю, Палех, русские храмы среди полей и перелесков, что за их мир и покой не пожалел своей жизни. Его любовь к Отчизне, как и многих тысяч других воинов приблизила светлый всенародный праздник – День Победы».

Я попрощалась с дядюшкой и посмотрела на него совсем другими глазами: «Какой же хороший и добрый этот дядюшка Пармен и как он любит беззаветно своего брата, как скорбит и даже жалеет, что не погиб вместо него».

Г. М. Мельников, его невеста Екатерина и Виктор Зиновьев на р. Люлех

Сон

Ночью я долго не могла заснуть. Только закрывала глаза, как фотографии, увиденные мною, вдруг начинали оживать, двигаться, как в немом кино, а потом появлялись звуки, голоса. Я всё больше погружалась в сон. Какие-то большие крылья несли меня над землёй... Вдруг я увидела знакомый берег Люлеха, черёмуховые заросли, речку Демидовку, деревянный мост через неё. В воздухе были разлиты запахи сирени и речной свежести...

Первые студенты Палехского художественного училища на природе

...Но кто это? На поваленном дереве сидят трое ребят. Пишут этюды, рисуют, рыбачат. И вдруг я узнаю – Виктор, Пармен, Павел Баженов, все молодые. А вон вдалеке показывается ещё одна очень знакомая фигурка. Да это же – Капа. На согнутой руке она несёт корзинку. Я слышу голоса. И словно фильм из довоенного времени разворачивается

передо мною, я слышу, о чём они говорят, спорят, мечтают:

– Ребята! Вы всё трудитесь. Вот крёстнушка прислала вам подкрепиться – кувшин молока и пирогов, – Капа расстилает холщёвую салфетку и раскладывает на ней угощенье. – Паша, ты Виктора рисуешь? Как похож! Здорово! – восхитилась она.

– Ну, твой Паша всех нас за пояс заткнёт, – заметил Виктор, – он уже сейчас прекрасный мастер, а скоро станет знаменитым художником. Шляпок тебе, Капочка, накупит.

– Ой, ребята всё бы хорошо, только бы не война, – озабоченно произнёс Павел, – в мире-то как тревожно!

– Тебе, Павел, как самому способному молодому художнику бронь дадут, – обнадёжил Пармен, – ты у нас талант, а таланты в нашей стране берегут.

– Ну, бронь – не бронь, а зашьёт ему крёстнушка в солдатскую шинель иконку или молитву «Живый в помощи», она во всех путях хранит, и будет он невредим от врага и от пуль, – успокоила Капа.

– Ты что, Капа, придумала. Это нашего папу в 1916 году спасла икона, а сейчас разве можно, – опасается Пармен, – будешь врагом народа, если увидят, и пойдёшь под трибунал.

– Ой, да ну вас ребята, вы всё о страшном. Смотрите, какое вокруг-то чудо! Слушайте, – Капа мечтательно запрокидывает руки за голову и декламирует: «Лес дождался нас тысячи лет, он приготовился к встрече. Взгляни вверх, глазами сомкни горизонты, наклонись к траве – художник, ты не можешь ничем пренебречь. Разливы лазури распушены облаками. Гребни лесов то отточены остро на черте горизонта, то превращаются в неразличимую дымку. Берёзы

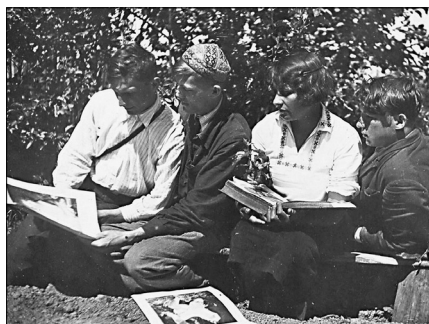
обтёсаны солнцем. Стволы сосен-великанш великолепно изваяны из красного гранита. У бочагов, в сырой прохладе, розовые и голубые дрожат незабудки. Нелюдимо прячутся восковые чашечки ландышей. Фиолетовый колокольчик, колеблемый ветром, ударяется о карминный венчик дрёмы. Мохнатые васильки меж колосьев играют в прятки. А одуванчик вдруг понимает, что земля велика, и разлетается в полевые пространства. Я говорю: «Да здравствуют краски!»

– Капа, Капа! Сестричка, да тебе надо было с нами идти в художники, а ты решила стать учительницей. Ты сейчас такую картину нарисовала! – восклицает Виктор.

– Витенька, это не я нарисовала, а Ефим Фёдорович Вихрев. Помнишь, он папе подарил свою книгу. Как он пишет! Я не могу оторваться – читаю и читаю, и, кажется, что Палех начинаю любить по-настоящему – глубоко, трепетно. Ведь он поэт, он поэт, у него и стихи замечательные! – восторгается Капа. – Хочу всё читать наизусть своим ученикам, хочу преподавать так, как ваша учительница – Лидия Николаевна Гусева.

– Ну, ты, Капа, перегнула! – оборвал её Пармен, – Лидия Николаевна сейчас в опале, в своём родном Волокобине, да не в своём каменном доме, а в трёхконной избушке живёт, больше похожей на баньку. Ты что же не знаешь, как её наши комсомольцы разоблачили? На собрании вдруг задают ей вопрос, да не простой, а с подвохом: «Лидия Николаевна, а что такое колокольный звон?»

А та раньше при храме служила, – продолжал он, – регентом была, на фисгармонии играла; и слух у неё был отменный. Она и сказала откровенно: «Колокольный звон – это музыка». Колокола сбрасывают, а она – «музыка». За это на неё завели дело, и хотя сам прокурор сказал, что «дело-то шито белыми нитками», однако работы в техникуме её лишили и сослали вниз по течению Люлеха – в село Волокобино. Но говорят, тайно её навещают наши студенты. Да и как не навещать, такая учительница! Как она знает русскую литературу!

Студенты Палехского училища на этюдах

Ведь она в каждого ученика душу вкладывала, воспитывала художественный вкус. Уж такой учительницы у нас не будет. И говорит она при встрече, ребята рассказывают, только одно: «В Бога вы не веруете, только уж не кощунствуйте», – закончил свою речь брат.

– Я думаю, что не за слова она пострадала, а за то, что мужа её тётки, священника Иоанна Рождественского, расстреляли в 1922 году. Тогда были в Шуе события, а его причислили к ним, вот ей теперь и аукнулось, – вспомнил вдруг Виктор.

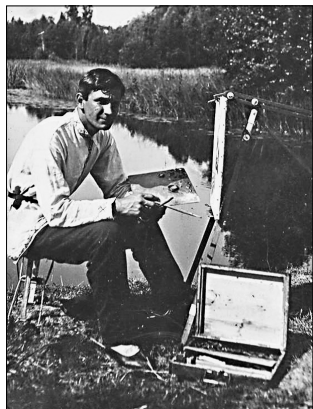
– Да, ребята, не знаешь, где потеряешь, где найдёшь. Я слышала о ней только хорошее, – грустно произнесла Капа, – она, говорят, с золотой медалью окончила филологический факультет. Да ведь у ней и отец-то был тоже священником. Надо было ей всё скрывать.

– Да разве всё-то скроешь, – отозвался Павел, – уж такая судьба её, она, говорят, от своего скудного заработка на огороде, да с козами ещё и бедным помогает, многодетным семьям.

– Настоящая христианка! – подытожила Капа.

– А ты откуда знаешь, какая бывает христианка? – удивлённо спросил её Павел. – Капочка, ну-ка рассказывай.

– Ну как же, у нас крёстнушка всё время молится, – начала Капа. – А бабушка Прасковья как-то рассказывала, что ей было видение небесное что нашего папу, её сына, отдали в иконописцы и что он большим художником станет, – поведала она. – Нет, правда, Пармен, ну что ты смотришь такими круглыми глазами, – удивлённо заявила Капа, – я не вру, правда, я это слышала сама.

Виктор Зиновьев на этюдах

– Капа, Капа, тише. Что ты такое говоришь! – с ужасом прошептал Пармен. – Мало ли чего бабушка выдумает. Уж не ляпни где-нибудь, а то мы все вниз по течению отправимся.

– Я молчу. Я только вам сказала, – ответила сестра.

Все задумались.

– А ведь мы сейчас не так пишем, как мастера Артели, – заметил Виктор. – Вот и дипломы будут – холсты. Я часто думаю, почему?

– А я Ивана Михайловича Баканова

всего перекопировал, – сказал Павел, – его стилия и буду держаться.

– Видел я твои альбомы, – отозвался Виктор, – для тебя рисовать, как дышать.

– Ребята, пора, темнеет, – позвала Капа. – И как прохладно от реки стало. А хорошо-то как. Так бы всё сидела и любовалась на Красное, на закат, на луга. Ну, где ещё такую красоту отыщешь? – восхищённо добавила она.

– Как бы нам эту красоту не пришлось скоро защищать! – подумал вслух Виктор. – Вот этот дягиль у сарайчиков, наш дом, берёзу, сирень, эти просторы, эту ненаглядную церковь в Красном. А ведь совсем скоро, ребята, зло дышит нам в лицо. Вот диплом закончу и уйду в армию. Хочу служить, – признался он.

– Что нас ждёт? Как хочется мира, счастья. А что нас ждёт? Никто этого не знает. – Задумчиво произнесла Капа. – Виктор, ты так часовенку нашу дягилевскую нарисовал хорошо. А я слышала, её хотят убрать, как пережиток прошлого.

– Вот, Капочка, тебе и останется на память этот пережиток прошлого – часовня Владимирской Богоматери, – тихо ответил ей Виктор.

– Виктор у нас любит церковную архитектуру рисовать. Какие же он привезёт из Новгорода рисунки? – заинтересовался Пармен. – Наверное, всё храмы. Ведь этим летом их курс едет в Новгород.

– Смотрите, ребята, какое небо, – заметил Павел. – Завтра дождь будет. Кап, видишь какие облака – примечай. Приметы в хозяйстве пригодятся.

– Ты шутишь, Пашечка, – улыбнулась Капа, – но дождь – это хорошо.

– Чего ж хорошего. Придумала! – нахмурился Пармен.

– Если будет дождь, значит – потом и радуга будет, – пояснила се-стра. – Как я радугу люблю!

– Я тоже люблю радугу, – поддержал её Виктор. – Так и хочется

Часовня Владимирской иконы Богоматери в д. Дягилево. Рисунок В. Зиновьева. 1935 г.

макнуть в её сияющие цвета кисточку и написать этими красками какой-нибудь сказочный этюд, – прибавил он.

– Ну вот, снова фантазии, вы не можете без них, – пробурчал Пармен. – Ну вас...

– Капа, садись на велосипед, на багажник, я довезу тебя до дома, – предложил Виктор, протягивая ей букет сирени.

– Ты вези лучше свой душистый букет маме, – посоветовала сестра. – Как ведь пахнет. Ну просто духи. Паша, есть такие духи?

– Таких, наверное, нет, а есть похожие, – ответил Павел.

– Пройдёт ещё год, потом пять лет, а всё вокруг также будет цвести и радоваться жизни, – размышляла Капа. – Через пять лет будет 1942 год. Виктор, это будет счастливый для нас всех год?

– Не знаю, Капочка, – отозвался Виктор. – Для нас – не знаю. Но не хотелось бы чтобы это наше цветущее царство увяло. Пусть оно цветёт вечно, хотя бы и без нас! Как ты говоришь: «Да здравствуют краски!»»

– Да здравствуют краски! – громко запела Капа, и звонкий голос её эхом поплыл над полями, рекой, дальней деревней, над временем и пространством...

...«Да здравствуют краски», – прошептала я, проснувшись, и долго-долго лежала, не в силах вырваться из околдовавшего меня сна. Всё тело онемело, щёки почему-то были мокрые то ли от слёз, то ли от тумана над Люлехом, который я покинула, вернувшись в реальность.

Я долго лежала, глядя на стену, любясь рисунками, подаренными дядюшкой Парменом и думала: «Виктор Зиновьев, Павел Баженов и другие прекрасные художники, погибшие в начале своего творческого пути. Они сохранили нам ценой своих жизней это наше Цветущее Царство лесов, полей, деревень и храмов – нашу Родину и радугу над ней, в которую мы опускаем свои кисти и рисуем мир!»»

Да здравствуют краски!!!

Виктор Зиновьев Весна.
Предвоенные годы

Цимбалистов Владимир Виссарионович

*Журналист, писатель, художник,
продюсер.*

Работу журналистом начал в советское время в молодёжной краевой газете «Комсомолец Кубани». Работал в газетах Краснодарского края. Редактировал ряд газет, журнал «Кубань хлебосольная».

Его роман «Кодекс имиджмейкера» в 2011 году был выдвинут на соискание Бунинской премии.

Дипломант международных конкурсов карикатуры во Франции, Италии, Украине, Израиле, Японии, СССР, России и на Кубе.

Продюсировал многосерийный телевизионный фильм «След на земле».

СЕМЬ ДНЕЙ ВОЙНЫ

*Посвящается моим дедам,
прошедшим Великую Отечественную войну, –
Николаю и Ивану.*

Понедельник.

Паровоз натужно пыхтел, стараясь успеть за уходящим днем. Солнце уже зацепилось за чёрные деревья и подпалило перья облаков.

«К перемене погоды красота такая, – вспомнил Иван дедову примету, разглядывая небо в открытую дверь теплушки. – Дождь пойдёт, дед никогда не ошибался». Из пылающего солнечного диска проклюнулись чёрные точки. «Птицы? А нет – самолёты... Наши? Немцы?» – щурил на закат глаза Иван. Но против солнца не разглядеть.

На повороте эшелон замедлил ход. Вагоны накренились, набежали друг на друга, лязгнули железом. Старый товарняк заметно наклонился на насыпи, закрипел деревом. Буржуйка распахнула дверцу и оглядела теплушку пылающим оком.

Кто-то спросонья спросил:

– Фронт уже?

Ответить ему не успели. Ахнул близкий взрыв, следом загромыхало и завывало всё вокруг. Небеса обрушились на землю. Вагон подпрыгнул на рельсах, пошёл вниз по насыпи и завалился набок.

– Из вагона! Все из вагона! – срывая голос, орал молодой чернявый взводный. – К лесу! За мной!

Ужас близкой смерти подхватил Ивана и понёс по полю к лесу. На бегу, не чуя под собой ног, мелко обернулся на вагоны. Фашисты бомбили эшелон, расстреливали пулемётами мечущихся людей. Несколько вагонов горело, пар поднимался над опрокинутым паровозом. Сколько самолётов, Иван не разглядел.

За первыми деревьями остановился. Тело бил колотун – страх выходил дрожью. Присел на подгибающихся ногах и огляделся. Рядом тяжело дышали несколько бойцов. Винтовки были не у всех. О своём оружии Иван вспомнил только теперь. Винтовка осталась в вагоне. За спиной клацнул затвор. Невидимый за деревьями хрипатый боец спросил:

– Ну почему, почему нам не выдали патроны вместе с винтовками?

Они заблудились в трёх соснах. Прячась под деревьями от самолётов, пошли лесом к голове поезда, как скомандовал молодой командир, но наткнулись на озерцо. Стали обходить его, забирая все глубже, да увязли в болоте. Решили вернуться. К тому времени уже стемнело. Но огней пожара от горящих вагонов не увидели: то ли за деревьями не разглядеть, то ли погасли. Куда идти никто в точности не представлял. Решили заночевать тут же: утро вечера мудреней. Выставили караул и, не разводя огня, затихли под деревьями. Спал ли кто этой ночью?

Иван сидел, крепко прижавшись спиной к дереву, с закрытыми глазами, но спать не мог: его трясло мелкой дрожью – от пережитого, от страха дня грядущего, от промозглой стылости тумана, наползающего от озера на лес. «Вот и лету конец», – подумал Иван, сгребая вокруг себя опавшие листья. Листьев было много. Он их греб и греб. «Вот бы засыпаться ими с головой и уснуть. А проснуться, и не было войны...»

Вторник.

Утро тихо пробудилось невнятным светом в лохматых космах туманных деревьев.

– Пошли, – тихо, не по-военному скомандовал взводный, и красноармейцы двинули сквозь туман на запад.

Хрипатый сказал:

– Раз туман с утра, значит, день будет солнечный.

Туман чудным образом лёг над землей: от колен и до плеч. Стоило прилечь на землю, и можно увидеть только ноги до колен. Снизу по ботинкам с обмотками и не определить, кто тут какого звания. И лишь взводного выдавали сапоги. А встанешь в полный рост – одни головы торчат стриженные. Местами, ступая в низинки, ныряли в мряку с головой. Тогда взводный тихо то ли советовал, то ли командовал:

– Держитесь вместе. Не отставайте...

Пока шли, солнце поднялось и припекало. От тумана – лишь роса на траве. Спустя время опять вышли к воде. Похоже, озеро. На противоположном берегу – гогот и весёлый крик. Несколько десятков человек плескалось в воде. Поодаль купали лошадей. Дымила полевая кухня.

Немцы!

Взводный выдохнул:

– Ложись...

Все попадали на землю и замерли. Командир вытащил из кобуры наган и ящеркой пополз в рогоз разведать обстановку.

Смех и крики немецкие над водой хорошо слышны, но фашистов не видно. «Интересно, какие они?» – подумал Иван.

Осторожно пополз к взводному. Следом, один за другим, подползли и другие бойцы. Тот, делая страшное лицо, шипел:

– Куда? Назад!

Хрипатый канючил:

– Та мы только одним глазком глянем, товарищ командир...

Немцы оказались обыкновенными голыми мужиками.

– Тьфу, срамota, смотреть не на что! – подвёл итог рекогносцировки хрипатый и пополз назад, шурша рогозом.

– Тихо! Лежи уже, коль приполз... Не двигайся! – шикнул на него взводный.

– И сколько тут лежать?

– Сколько надо! Пока они не уйдут...

Хрипатый перевернулся на спину, повошкался, устраиваясь удобней, пошмыгал носом, принюхиваясь, и, учуяв запах немецкого варева, заявил:

– А каша-то у них подгорела...

«Эх, я бы и пригоревшей умял, – подумал Иван. – Второй день не жрамши».

Солнце пригревало. От озера пахло тиной. После бессонной ночи Ивана разморило. Он, как мог, боролся со сном: тарачил глаза на колотушки рогоза, на солнечные всполохи на воде и пучеглазых жабаков. Даже пытался мысленно петь:

*Если завтра война, если враг нападет,
Если темная сила нагрянет,
Как один человек, весь советский народ
За свободную Родину встанет...*

Но усталость взяла своё, он задремал. Провалился в сон на припеве. Закрыв глаза лишь на секундочку, как над ухом дико заорали:

– Hände hoch!¹

Голые немцы выскочили из кустов, закричали вразнобой:

– Hände hoch! Hände hoch!

Ударили из автоматов над головами:

– Ergib dich!²

Пули взорвали тугие коричневые колотушки рогоза облачками пуха.

Иван даже не успел испугаться, лишь удивился про себя: «Значит, углядели нас с того берега, но виду не подали – купались да гоготали, хитрецы».

Голозадые немцы не страшили, а скорее, смешили. Ну что за солдат без формы? Так, недоразумение и только.

Первым хмыкнул Иван, за спиной осторожно хохотнул кто-то ещё. Следом засмеялись остальные бойцы. Сначала робко и сдержанно. Затем всё громче и громче. И вот уже ржали все. И наши, и немцы. До слёз, до кашля, до судорог.

Хрипатый хохотал, сгибаясь пополам. И если бы не винтовка, на которую он опирался, от смеха упал бы.

¹ Hände hoch! – Руки вверх!

² Ergib dich! – Сдавайся!

Один из хохочущих немцев, рыжий здоровяк, обдрыстанный конопушками, указал автоматом на винтовку:

– Waffen hinlegen!³

– Чего? – сквозь смех переспросил немца хрипатый.

Тот повторил:

– Waffen hinlegen!

Шагнул вперед и вырвал у хрипатого винтовку.

– Чего это он? А? – растерянный боец оглянулся на товарищей.

– Оружие, говорит, брось, – пояснил из-за спины взводный. –

В плен они нас берут...

Иван глянул на командира. Взводный вышел из рогоза без гимнастерки, сапог и портупей, без нагана.

Пленных немцы повели на свой берег озера, усадили на землю на самом солнцепеке. Выставили часового.

Из воды вылезли несколько фашистов, подошли к сидящим. Спросили у часового:

– Russische Partisanen?⁴

Засмеялись:

– Keine – Exhibitionisten!⁵

Рыжий нашёл в рогозе офицерскую форму и сапоги. Бросил перед пленными в пыль. Заорал, дико выпучив рыбы, без век, глазки:

– Deren Form? Wer ist der Kommandant?⁶

Кивнул стволом в одного, другого:

– Sie?⁷

Красноармейцы молчали, стараясь не смотреть на автомат, понуро опустили головы к коленям.

Рыжий трепанул за шиворот хрипатого, ткнул автоматом в лицо, рассёк до кровящи губу:

– Sie Kommissar?⁸

³ Waffen hinlegen! – Бросай оружие!

⁴ Russische Partisanen? – Русские партизаны?

⁵ Keine – Exhibitionisten! – Нет – экспозиционисты!

⁶ Deren Form? Wer ist der Kommandant? – Чья форма? Кто командир?

⁷ Sie? – Ты?

⁸ Sie Kommissar? – Ты комиссар?

– Нет-нет! Я не комисса-а-ар! – заверещал хрипатый, брызгая на гимнастерку кровью.

Рыжий передёрнул затвор:

– Sie Kommissar!

– А-а-а-а! Не-е-ет! Я не комиссар!

Хрипатый по-собачьи на четвереньках подскочил к взводному, ткнул его в грудь:

– Он командир! – заплакал, – он это, он...

Взводный с отвращением отпихнул его:

– Сука...

Поднялся в полный рост перед немцем:

– Ну, я командир...

Рыжий удивленно оглядел чернявого взводного:

– Jude? ⁹

– Нет, грузин.

– Jude. Näher kommen! ¹⁰

Взводный подошёл к немцу.

– Я не еврей.

Рыжий оглядел внимательно фигуру и лицо взводного, заглянул в тёмные маслины глаз и повторил уверенно:

– Jude!

Вытокнул командира автоматом из круга пленных, отвёл к окопу под деревьями и ударил короткой очередью в грудь.

Иван видел, как взводный рухнул в окоп. Его обдало жаром: «Господи, Боже мой, человека убил, как муху прихлопнул! Ужас-то какой...»

После обеда немцы пригнали ещё несколько групп пленных, усадили всех вместе. Вещмешки отняли и свалили в кучу.

Рыжий принялся вытряхивать сидоры. Носком сапога рылся в нехитром солдатском барахле. Топтал бельё и книжки устава. Откидывал в сторону кисеты, ладанки, иконки.

К вечеру пленных построили в колонну и повели в дивизионный сборный пункт – дулаг. Путь не дальний, но пока добрались, стало смеркаться.

Дулаг оказался глубоким оврагом, наскоро обнесённым прово-

⁹ Jude? – Еврей?

¹⁰ Näher kommen! – Подойди!

локой. В низу пленные, а на краях, под навесами, часовые. Пленных спихнули в овраг уже в темноте.

Среда.

Ночью пошёл дождь. Тихо начался с редких капель, а затем набрал силу и ударил.

Иван быстро промок и замёрз: «Эх, дед, хоть бы раз ошибся ты со своими приметамы...»

Дождь лил, не переставая, и скоро стал заливать овраг. Пленные стояли по колено в воде.

– Мы все тут утонем! – Иван узнал по голосу хрипатоого.

Пленные заволновались, накатили на склон, пытаются подняться повыше, к проволоке. Но на мокрой глине не устоять и люди сползли по скользкому склону на дно. Падали в грязь. Сбивали с ног стоявших внизу. Поднялся шум и гвалт. Вскоре все уже копошились в грязной жиже, взбитой тысячей ног.

Немцы завели пару грузовиков, подкатили к колючей проволоке, осветили овраг.

– Halt! Halt! ¹¹ – закричали часовые. Выстрелили навскидку, сбили несколько человек со склонов. Пленные в ужасе кинулись на дно оврага.

Иван, повинуясь движению толпы, тоже бросился вниз. В прыжке сбил хрипатоого с ног, вцепился в горло, навалился всем телом, вдавил лицом в жижу: «Сдохни, Иуда, сдохни!» – и держал, пока он не затих.

Оттолкнул тело, огляделся. Овраг споро наполнялся водой и уже походил на небольшую речушку. Течение отнесло их к дальнему лагерному забору вместе с трупами.

Поднимаясь на ноги, Иван схватился за заборный столб. Почувствовал, как гуляет подмытая водой опора, провисает колючка. «Бежать прямо сейчас!» – полыхнула мысль.

Иван навалился плечом на столб, качнул несколько раз. Схватился за скользкую древесину и, обдирая руки колючкой, потянул что было сил. Столб нехотя подался и лег на воду.

Иван перешагнул проволоку и растворился в темноте.

---

¹¹ Halt! – Стой!

Четверг.

Он проснулся поздно. Сладко потянулся под шинелью: «Эх, баньку бы теперь!»

Высокое солнце стояло в небе на тонких ножках лучиков, провалившихся в дыры на крыше сарая. Лучи топтали чердачную пыль, и она взвивалась к небу сверкающими искрами.

После побега Иван ночь и день шёл на восток. По пути на местах недавних боёв подобрал винтовку, ремень с патронташем полным патронов, шинель и пилотку. И даже нашёл сидор с сухарями: «Теперь меня голыми руками не возьмёшь!»

Впервые за несколько дней поел и уснул, сытый, на чердаке полуразрушенного сарая.

Пятница.

– Стой! Кто идёт? – окрикнул Ивана из-за кустов решительный голос.

– Свои!

– Свои у меня за спиной, а оттуда только фашисты идут!

За кустами клацнул затвор.

– Да свой, я, братцы, свой! – обратился к кустам Иван. – Из окружения иду...

– Ну-ну, окруженец, подойди ближе, поглядим на тебя, – уже другой голос позвал Ивана. – Винтовку ток с мешком на месте оставь...

Ивана промурыжили полдня в сарае с другими задержанными, прежде чем вызвали на допрос. Допрашивал его худой, уставший особист с красными, цепкими глазами. Он много курил. После крепкой затяжки долго кашлял. Щурил глаза. Тёр их пальцами.

– Книжка красноармейца где?

Иван протянул офицеру бурый ком:

– Дождь был товарищ командир...

– Ну, и как всё было на самом деле?

Иван в который раз принимался рассказывать о том, как немцы бомбили эшелон, как бежал в лес и заблудился, шёл к своим. О плене он не обмолвился и словом – бережёного Бог бережёт.

Суббота.

Утром разношёрстный народ, прошедший проверку, вывели на построение и зачислили в сводную роту.

Ивана взводный отправил помогать артиллеристам.

Командир расчета 45-миллиметрового орудия вручил Ивану лопату:

– Копай!

Весь день Иван копал с артиллеристами сырую, тяжёлую после дождей землю: основную огневую позицию, запасные. Таскал ящики со снарядами. К концу дня ладони горели огнём, ломило спину.

Уснул тут же, на снарядных ящиках.

Воскресенье.

Хотя немцев ждали, появились они совершенно неожиданно. На дорогу перед окопами из леса выкатился мотоцикл с коляской. Треснули вразнобой выстрелы. Захлопотал наш пулемёт. Мотоцикл, перевернулся в кювет и загорелся.

В окопах закричали «Ура!»

Но тут появился фашистский танк. За ним другой. Гулко выстрелили из двух стволов. Земля ударила под колёнки – Иван упал на дно окопа.

Кто-то сказал:

– Амба!

Неожиданно ответила сорокапятка. Иван слышал звонкий голос командира расчёта:

– Заряжай!

– Огонь!

Пушка трижды ударила по танку. С третьего снаряда он загорелся. Второй танк попятился назад.

Командир орудия спрыгнул в окоп, пнул Ивана по подожвам:

– Ваня, не спи!

Пушкари споро собрались и потащили орудие на новую позицию. Иван толкал пушку изо всех сил. Винтовка была по ногам и спине.

Танкисты наконец увидели орудие – взрыв подхватил

Ивана, выбросил из окопа, швырнул на бруствер. Очумевший от удара, не слышащий ничего вокруг, поднялся он на ноги, оглядывая себя: «Больно! Больно как! Я живой?.. Огонь в груди...»

Рассвет следующего дня он встретил в медсанбате.

Ставер Сергей Петрович

Родился 18 февраля 1949 года на станции Крутояр Ужурского района Красноярского края.

Стихи начал писать с 12 лет. По образованию художник-оформитель. Поэт. Член Союза российских писателей, член Российского и Международного литературных фондов. Автор 13 стихотворных сборников. Четырёхкратный участник Всероссийских Астафьевских чтений в русской провинции. Лауреат премии им. Игнатия

Рождественского в городе Красноярске в 2012 году. Лауреат Всероссийского литературного конкурса «Эпоха Куликова поля» в городе Москве в 2012 году.

НА КРАСНОЙ ПЛОЩАДИ ПРОПИСАН

Я не слышал разрыва
И не видел той вспышки, –
Точно в пропасть с обрыва –
И ни дна, ни покрывки.
А. Твардовский

Если крикнет рать святая:
«Кинь ты Русь, живи в раю!»
Я скажу: «Не надо рая,
Дайте родину мою».
С. Есенин

– А-а-а-а! А-а-а-а! – вырвалось у Виктора.

В последний миг он увидел вздымающуюся перед ним землю, услышал грохот взрыва, почувствовал, как тело оторвалось от земли и вместе с комьями поднялось вверх, а потом также неожиданно опустилось на холодный, вспаханный снарядами снег. Душа его, лёгкая, почти невесомая, освободившись от тела, поднялась высоко-высоко

и полетела навстречу неведомому. Это была ещё одна жертва самой жестокой из всех войн, которые когда-либо были на земле.

Батальон Виктора занимал позиции в тридцати километрах от Москвы. Стоял холодный декабрь 1941 года.

– Виктор! Растуды твою башку! – лаялся сержант Громыхалов, земляк-красноярец. – Отсекай, отсекай пехоту! Коси немчуру! Круши мать Гитлера и его вырождков! Давай, землячок, дава-а-ай!

– Ладно! – огрызнулся Виктор. – Пусть только поближе подойдут, – и полушёпотом добавил: – Врежем как надо.

Немцы, в шинелях, в шарфах, в перчатках, со скрюченными от холода пальцами, пригибаясь и прячась, резво бежали за танками по изрытому, хрустящему под ногами снегу. Сегодня танки шли в шестой раз! Шесть раз батальон отбивал атаки противника, истекал кровью, теряя бойцов, но не отступал. Несколько вражеских машин было подбито и искорёжено, и они чернели на белой неровной, измятой скатерти местности жалкими угловатыми полуразвалившимися остовами.

Виктор лежал за бруствером, всем телом прижимаясь к земле-матушке, и сквозь зубы шептал:

– Ну, чуток поближе, гады, поближе... та-а-ак, та-а-ак...

– Секи! Секи! – хрипел, сорвав голос, Громыхалов. – Давай, сынок, дава-ай! Чтоб им ни дна, ни покрышки... секи-и-и!

Танки надвигались неотвратно! Стальные, угловатые, с чёрными пауками на башнях, казавшиеся несокрушимыми, заставляли раз за разом трепетать от волнения сердца молодых, необстрелянных бойцов. Разбрасывая снег в разные стороны, поднимая огромные клубы белой снежной пыли, застывая как по команде на месте, они методично выплёвывали на наши позиции смертоносный свинец. Казалось – не устоять! Казалось, что смерть царила везде и повсюду в обличье стального и хищного зверя, изрыгающего рёв и пламя. Хотелось упасть, вжаться в окопчик, раствориться, стать невидимым, чтобы не видеть и не слышать этого ужаса.

«Но нельзя... нельзя, – думал Виктор. – Позади Москва – город моей мечты, мама, бабушка... Нюшка. Милая, милая Нюшка!»

Виктор – сибиряк, родом с Енисея. Ему двадцать, коренастый крепыш с голубыми глазами. За эти глаза он получил в детстве прозвище Василёк. Был он не в меру застенчив и слабый пол обходил

стороной. В свои двадцать лет он всего только два раза целовался с девушками; вернее, его целовали они. В первый раз, в день окончания семилетки, его нежно и горячо чмокнула в щёку, вручая свидетельство об окончании школы, молодая учительница, преподаватель русского языка и литературы Клавдия Семёновна. Как она пояснила тут же – за отменные успехи по её предметам. Виктор тогда сильно смутился, покраснел и, прижимая ладонь к пылающей от поцелуя щеке, ретировался за спины товарищей. А во второй раз его поцеловала по-детски неумело, ткнувшись ротиком в губы, соседская девочка Нюшка, Аннушка, жившая от Виктора через три дома, в тот памятный ему вечер, когда его забирали на сборы в Красноярск. Что греха таить, Аннушка Виктору нравилась. Была она небольшого роста, но крепко сбитая, этакая сдоба, пышечка-пампушечка, с осиной талией; особенно нарядно она выглядела зимой, когда ходила в чёрной шубке с белыми отворотами, в белой вязаной шапочке и в белой муфточке. Вот эта муфточка сводила Виктора с ума. Нюшка была похожа на сказочную фею, прекрасную снегурочку. Девушки вообще казались Виктору существами неземными, прелестными гуриями из сказок «Тысяча и одна ночь», которые он очень любил читать. Однажды, это было давно, в пятом классе, в начале января, когда Виктор болел, Нюшка навестила его, принесла в подарок большущее красное яблоко, пахнущее ёлкой, морозом и праздником. Принесла и сказала:

– Ешь, Витенька, поправляйся... это нам тётя Агата из Москвы прислала, – и добавила: – Ну, до чего же вкусные, рассыпчатые, сладкие! Слаще мёда...

– А какая она, Москва? – хрипло выдавил мальчик.

– Красивая... я, правда, не видела, но мама рассказывала, что очень красивая. Дома огромные, а асфальт гладкий, как стекло, – отвечала девочка.

– И Кремль видела? – прохрипел Витька.

– Конечно, видела, – оживилась Нюшка. – Высоченный такой, с красными звёздами! А какие мне вкусные конфеты и вафли мама привозила из Москвы, когда я маленькой была, – восхитилась она. – Пальчики оближешь! Ешь – и ещё хочется.

– Что за вафли? – с недоумением спросил мальчик.

А надо сказать, что родители Нюши были сельскими учителями, и бабушка Виктора, завидев их, нарядных, восхищённо говорила:

«Антилигенты, как пить дать антилигенты, – вспоминая при этом: – Я ить ишо перед германьской, в Красноярском, таких барышень и кавалеров насмотрелась, когда на ярманке с тятей была. И чего только там не видела! Хруктов всяких – полно! Ситцу, миткаля – целые тюки! А народищу тьма-тьмущая, как в Москве!» «А ты, бабусь, в Москве была?» – допытывался Витька. «Нет, внучек, не удосужилась... я ить, голубок, дальше Красноярску и Ужуру нигде не была, – отвечала бабушка Домна, вздыхая. – Люди бают: баска Москва, ой как баска! – и, погладив внука по белой голове, говорила: – Вырастешь – всё увидишь, сокол мой ненаглядный».

– Вафли? – переспросила Нюшка и с улыбкой отвечала: – Это хрустящие хлебцы, а между ними шоколадное масло.

Витька, как ни старался представить себе эти хрустящие штуковины, так и не смог. Сухари у них были, масло сливочное тоже, а вот шоколадного масла он не пробовал никогда. Вафли, яблоки, Москва, Кремль – все эти красивые слова были из другого, неведомого и прекрасного мира, будоражили воображение и снились по ночам. О, как хотелось ему в тот миг выздороветь, превратиться в птицу, полететь и увидеть Москву, Кремль, походить по Красной площади и вдоволь, от пуза, наестся ароматных краснобоких яблок, пахнущих праздником и новым, незнакомым миром.

Весной, в апреле этого же года, когда у него был день рождения, мама (а надо заметить, что отец его умер, когда мальчику было семь лет, оставив сиротами Виктора и двух маленьких дочерей-погодков) подарила ему немудрящие деревенские подарки. А бабушка к тому же испекла вкусный пирог с повидлом и, поздравив внука, сказала:

– Витюша, внучек, зажмурь глазки, я тебе Москву покажу.

Витька зажмурил глаза, а бабушка Домна взяла и больно потянула его за уши, приговаривая:

– Ну что, голубок, видишь Москву?.. видишь?

Витька, сколько бы глаза ни зажмуривал, как бы ни старался увидеть Москву, так ничего, кроме боли, фиолетово-коричневой мглы и искрящихся жёлтых точек, не увидел.

– Стреляй! Стреляй! – ревел сержант Громыхалов. – Коси, земляк, коси!

Виктор словно очнулся: нажав на гашетку, стал бить по фашистам короткими и меткими очередями, заставляя врагов раз за

разом припадать к земле и вжиматься в этот холодный и жёсткий снег. Пехота залегла, но танки по-прежнему надвигались чёрной стальной громадой, сметая всё на своём пути. Оставшиеся в живых защитники дрались как львы, бились до последнего, падая и умирая, они как бы вставали из небытия, поджигая одно за другим стальные чудовища. Бой был страшен! Казалось, всё смешалось в какой-то громадный живой клубок и теперь ворочалось, сжимаясь и разрастаясь, в невысказанной схватке жизни и смерти. Казалось, что весь огромный мир, вся планета собралась на этом маленьком пятнышке, заснеженном подмосковном поле, чтобы умереть или победить. Жуткая, всепобеждающая, всепожирающая смерть заполонила всё! Его сознание выхватило этот миг.

– Молодец! Мо-оло-о-одец! – грохотал Громыхалов, швыряя связку гранат. – Молодец, Витюха! Так их, ядрёна корень! Так их, понашенски, по-сибирски...

Виктор хотел что-то сказать, но не успел. Раздался страшный грохот, и юношу сильно ударило в грудь, в живот, подняло и опрокинуло наземь, выдавив из груди нечеловеческий крик.

Красная, кровавая пелена сомкнула его очи, и какой-то огромный вихрь подхватил его сознание, отделив от тела, закружил и понёс вверх, в облака. И вдруг перед Виктором, как на киноэкране, за один-единственный миг прошла вся его прежняя короткая жизнь, от начала до конца. Он как бы наяву увидел всех своих родных и знакомых: мать, сестрёнок, бабушку Домну и милую, милую Нюшку с прелестными ямочками на щеках. Потом Виктор ощутил себя птицей, парящей в небе, каким-то ступком неведомой энергии, видящим и слышащим всё, но не ощущающим, ни боли, ни холода, ни колыхания ветра... «Я лечу», – подумал он, стремительно опускаясь вниз, обозревая жуткую панораму закончившегося боя. Всё поле было усеяно трупами и искореженными, дымящимися танками. Всё было втоптанно, вдавлено в этот грязно-белый, забрызганный кровью холодный декабрьский снег. Он увидел тут, внизу, сержанта Громыхалова, живого, с забинтованной головой, сидящего на корточках над кем-то из погибших бойцов. Вдруг какая-то страшная догадка пронзила его сознание, и он в этом погибшем бойце узнал себя – вернее, своё тело, свою оболочку. И он сразу же отверг эту мысль, потому что это тело, истекающее кровью, показалось ему каким-то чужим и незнакомым.

И тотчас огромный вихрь подхватил его сознание, его суть и понёс в чёрный воронкообразный тоннель, мысленно зовя и притягивая к себе, становясь всё ближе и желаннее. Наконец этот свет поглотил всю сущность, а вернее, вобрал в себя маленький ступок энергии, его крохотное «я», и Виктор тотчас ощутил неземное блаженство, лёгкость и умиротворение. Он вдруг воочию увидел всех умерших родных и близких, давно ушедших в мир иной и теперь с улыбками и непередаваемой радостью встречающих его здесь, на небесах. Они обнимали и ласкали его, мысленно разговаривая с ним обо всём, что интересовало его и их, все они были красивые и молодые, с прекрасными одухотворёнными лицами, в белых светящихся одеждах. Потом яркий, ослепительный, но не утомляющий глаза свет, олицетворяющий Нечто – всё прекрасное и лучшее, что есть во Вселенной, – сказал ему мысленно, что хочет показать ему все красоты планеты Земля. И Виктор мысленно согласился с ним. И они полетели, в мгновение ока очутившись у прекрасного, величественного африканского водопада, потом посетили вечнозелёные лужайки Калифорнии, побывали в непроходимой девственной тайге Приангарья, познакомились с красивейшими городами мира, потом навестили родину Виктора. И он наяву увидел своих родных: маму, сестрёнок и бабушку...

«Милые мои, родные! – закричал он, но никто его не услышал и не увидел. – Мама, мама, – шептал Виктор, осыпая родное лицо поцелуями. – Это я, я – Виктор! Слышишь, мама, слышишь?.. Я с тобой».

И мама как будто услышала, как будто почувствовала на впалых своих щеках силу его огня, силу любви, жар его легкокрылой души, она вдруг обратилась к бабушке:

– Мама, что-то мне тревожно очень... от Витеньки весточки давно нет?

– Что ты, что ты, Катеринушка, успокойся, – отвечала бабушка. – Я давеча была в сельсовете, у Кузьки-писаря, дык он бает, что германца окаянного погнажи от Москвы, так что жди письмеца.

– Дай Бог, – прошептала мама и, повернувшись к иконе Богородицы, обратилась к Святой Деве с мольбой о спасении единственного сына, и бабушка Домна тоже присоединилась к ней с такой же просьбой, осеняя себя троеперстием.

Потом Виктор мгновенно и неслышно очутился в Ньюшкином доме, в её комнате. Девушка спала, разметав по белой подушке

смоляные волосы, улыбаясь чему-то увиденному во сне. Виктор не удержался и прильнул к её чуть полуоткрытому рту своими горячими устами, ощутив тепло девичьего дыхания. А потом стремительно отпрянул и полетел в небо. И снова Некто, невидимый, но прекрасный, в облике чарующего света, спросил его мысленно о том, хочет ли он, Виктор, чтобы исполнилось его самое заветное земное желание. «Да», – ответил парень мысленно. «Ещё не время, – так же мысленно сказал ему Некто и добавил: – Жди, а теперь ступай в мои сады...»

И тотчас появился прекрасный юноша-ангел и повёл Виктора в сказочные, благоухающие всеми неземными цветами небесные сады...

Прошло много лет. Давно отгремела война. В Москве, на Красной площади, сооружали монумент Неизвестному солдату. Сделали всё, осталось только найти останки бойца, защищавшего Москву, и перед Днём Победы похоронить его, открыв праздник Победы. Раскопки происходили на том же самом месте, где погиб Виктор. Молодой солдат, ударяя заступом по земле, наткнулся на что-то металлическое. Подозвав товарищей, он через некоторое время откопал вместе с ними заржавевший станковый пулемёт, а потом, по истечении некоторого времени, нашли останки погибшего бойца и маленькую красную звёздочку, которая, по всей вероятности, была приколоты к шапке погибшего. Капсулу с адресом найти не удалось. Останки отправили в Москву на лафете и позднее похоронили с большими почестями и высекали на гранитной стене слова: «Имя твоё неизвестно. Подвиг твой бессмертен». А через два дня на Красной площади был Парад Победы.

Всё это время Виктор, вернее, душа его жила в прекрасных райских садах, наслаждаясь великолепными картинами, пейзажами незнакомой и сказочной страны. Виктор частенько посещал неведомые и таинственные миры, удивляясь многообразию форм жизни и неизмеримой силе и могуществу Повелителя и Создателя Вселенной. Он встречался с мудрецами всех времён и народов, слушал волшебные песни самых прелестных дев на свете, внимал прекрасным сонетам величайших поэтов, когда-либо живших среди землян. Он любил небо и навсегда забыл Землю. Он позабыл о своём желании, о своей родине. И вот однажды к нему прилетел тот же самый ангел, который

по повелению Вершителя судеб привёл его в это место. Он сказал Виктору: «Юноша, ступай за мной, твоё время пришло».

И Виктор пошёл за ним. В единый миг они оказались в Москве, на Красной площади, на открытии мемориала. И ангел сказал ему: «Видишь ли ты этот прекрасный монумент?» – «Да», – отвечал Виктор. – «Это останки твоего грешного тела, твой земной прах покоится здесь, – мысленно снова сказал ангел и добавил: – А теперь полюбуйся своей Москвой, я разрешаю тебе здесь бывать два раза в год, а пока прощай!» И он удалился.

И тогда Виктор, как могучая птица, взлетел над этим неведомым ему доселе городом и увидел всё, что когда-то желал увидеть. Перед ним лежал прекраснейший из всех городов. Красивые огромные здания бело-розовыми прямоугольниками взлетали в лазурные небеса. Золотые купола бесчисленных храмов и церквей горели на солнце, переливаясь тысячами оттенков всех красок земли и неба, говоря о величии Бога и человека. И Виктор тотчас вспомнил всё, что забыл. Он вновь увидел себя маленьким мальчиком, юношей, защищавшим этот прекрасный город. И он прошептал, восхищённый: «Москва – любовь моя! Ты навсегда будешь в сердце моём!» А потом он опустился вниз и, не видимый никем, стал у своей могилы. А перед ним шли и шли юные бойцы, печатающие чеканный шаг, а за ними шагали седые ветераны, те, кто в сорок первом защищал сердце страны. И среди них Виктор увидел постаревшего, однорукого, со слезами на глазах, сержанта Громыхалова, который бодро шёл в кругу своих однополчан. Казалось, что вся Москва, вся Россия пришла на этот праздник и склонилась перед ним, перед Виктором. А он, не видимый никем, стоял здесь, в самом центре Москвы, и плакал горько-горько, как в детстве, от увиденной панорамы, от всего нахлынувшего на него в этот миг. И он захотел остаться здесь навсегда, навсегда... Он вновь полюбил землю, родину.

А однажды, года через два, Девятого мая, он увидел возле своей могилы самых дорогих ему на земле людей – маму и Ньюшку. Они стояли, одетые в чёрное, рядом с обелиском, возложив на холодный мрамор простые полевые цветы. Молодая, ещё красивая черноглазая женщина поддерживала маленькую худенькую старушку и что-то тихо ей говорила.

Виктор вскрикнул от неожиданности и, не сдерживая себя, об-

хватил родных ему женщин невидимыми руками и начал поочерёдно целовать их в губы, в глаза, в щёки. И мама, эта седенькая старушка, как бы почувствовала эти бестелесные объятия, эти горячие, но неощутимые поцелуи, тихо заплакала.

– Тётя Катя, тётя Катя, не надо, – зашептала Нюшка. – Мы его помним, помним, тётя Катя, и любим.

– Ничего, Нюра... ничего, – проговорила сквозь слёзы мама и добавила: – Он ведь так хотел побывать в Москве... так хотел...

И она разрыдалась.

Рехтина Татьяна Ивановна

Родилась в Солоновке Смоленского района Алтайского края. В 1979 году после окончания педагогического училища в городе Бийске приехала работать в детский сад в Солоновку. В 1987 поступила в Бийский педагогический институт и перешла работать в Солоновскую школу учителем русского языка и литературы, где и сейчас работает.

Свободное время посвящает литературному творчеству. Неоднократно участвовала во всероссийских литературных конкурсах для педагогов, на которых была отмечена дипломами победителя и лауреата.

ШАГ В БЕССМЕРТИЕ

*Посвящается моему деду, Третьякову
Фёдору Никитовичу, погибшему в Карелии
в апреле 1942 года*

Фёдор, прислонившись спиной к молодой берёзе, перевёл дух, закрыл глаза. Наконец-то немцы перестали атаковать, и на передовой наступило временное затишье. Никто не знал насколько, но было понятно, что у фашистов что-то произошло и это что-то такое нужное, просто необходимое в эту минуту.

Сразу же появилась медсестра Настя, курносая и смешная девчонка, которую любили за доброту, наивность и умение появиться вовремя. Она, наклоняясь над ранеными, что-то тихо шептала и очень быстро оказывала помощь. Бойцы притихли, замерли, и каждый остался со своими мыслями.

В последнее время Фёдору снились какие-то странные сны: то он бежит в атаку и теряет сапог, то на него надвигается «тигр» и давит его огромными чёрными гусеницами... А потом сбывается первый сон: Фёдора ранило в ногу (пуля прошла насквозь), через месяц он с товарищами попал в окружение, и если бы не помощь танковой бригады, неизвестно, остались или нет в живых. Последний сон не давал

Фёдору покоя: в бою он потерял шапку. Неужели сны вещие? Не сносить, похоже, головы...

Весной 1941 года Фёдора забрали на переподготовку. Не думал, что на войну.

Перед глазами постоянно стояла жена Ганя и маленькая дочурка Валюшка. Недолгим было счастье. Вспомнилось, как ухаживал за Ганей, как сватался, как долго не отдавали её старoverы-родные, как смог убедить отца Гани, потому что умел вовремя пошутить, понравиться... Переехали из Солоновки в Ширу, родилась дочка. Перед отъездом пригласил жену с дочкой в ресторан. Ганя спрашивала глазами: «Федя, зачем же так торжественно, ведь дорого...»

– Эх, милые мои, что же с вами будет?..

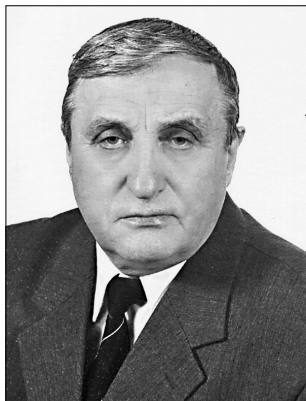
Тишину разорвали внезапные взрывы. Солдаты как по команде прижались к земле, и Фёдор понял: фашисты готовились к более сильному удару, а теперь готовы прорвать оборону.

– Ну, гады, посмотрим кто кого! – крикнул он, сильнее прижав к себе автомат.

Бой продолжался до самого вечера, и когда снова пошли «тигры», бойцы поняли: придётся туго. Фёдор в одну секунду представил, как немецкие танки прорвут оборону и напрямик пойдут на Ленинград, увидел на мгновение лица жены и дочки и пополз навстречу танку... Он не увидел, как другие солдаты, последовав его примеру, примут единственное правильное решение – шагнуть в бессмертие.

Фёдор не узнал, что его любимая Ганя проживёт на свете более восьмидесяти лет, больше не встретит того, кто бы хоть чуточку походил на мужа, и, умирая, прошепчет еле внятно: «Как же я пойду к Феденьке такая старая, ему двадцать семь, а мне...» У Валюшки будет трудная жизнь, вырастит одна четырёх дочек и в трудную минуту, пряча слёзы от детей, будет постоянно повторять: «Вот был бы жив ваш дед Фёдор, помог бы...» Не узнал и Фёдор, что Артём, праправнук, прижав к груди плакат с фотографией любимого Фёдора, будет шагать в рядах Бессмертного полка...

Бич Герман Петрович

Родился 5 декабря 1939 года в деревне Ковалево Всеволожского района Ленинградской области.

В 1963 году окончил Ульяновское высшее военно-техническое училище, а в 1971 году – инженерный факультет Военной академии тыла и транспорта. Службу проходил в Забайкалье, Закавказье, Германии и Прибалтике.

После увольнения в запас работал заместителем главного инженера ПО «Рижский машиностроительный завод».

В августе 1994 года переехал в Калининград.

Всё свободное время посвящает литературному творчеству и работе в ветеранских организациях.

СОЛДАТ

Более 100 вылазок в тыл врага, 32 ценных «языка», орден Славы 3-й степени, орден Красной Звезды, орден Отечественной войны 1-й степени, два ордена Отечественной войны 2-й степени, четыре медали «За отвагу» – вот боевые награды рядового разведчика и трудовые – орден Ленина, орден Трудового Красного Знамени – слесаря-сборщика судостроительного завода «Янтарь» Алябьева Василия Ивановича.

Россия родная, Украина золотая, Молдавия, Румыния, Венгрия, Австрия, Чехословакия – вот его боевой путь.

Перед войной

Родился Василий Иванович Алябьев 28 сентября 1924 года в селе Ероховка Грачевского района Оренбургской области в семье крестьянина. Родители рано ушли из жизни, и Василию с младшим братом с детства пришлось работать в колхозе. Он пахал на волах и лошадях, косил и собирал сено, делал всё, что было необходимо в хозяйстве села.

Перед войной председатель колхоза направил смышленного, старательного паренька учиться на тракториста. Тот выучился, окончил эту учёбу с отличием. Любил Василий технику и начало войны встретил, работая в колхозе, хотя, как и все, рвался на фронт, бить врага, защищать Родину.

На фронт, в разведку

Осенью 1942 года Алябьева призвали и направили для прохождения курса молодого бойца в запасной полк в Стоцкие лагеря. Там он в течение шести месяцев бегал, прыгал, маршировал, стрелял – учился воевать. И только весной 1943 года их погрузили в эшелон и отправили на фронт. Первая остановка была в городке Шабелино Белгородской области, а потом и Старый Оскол, где их разгрузили и направили в лагерь, а утром следующего дня началась раздача молодых бойцов по воинским частям.

– Танкисты, – называл командир и зачитывал фамилии тех, кому было предназначено служить в этих войсках.

– Артиллеристы, – новая группа уходила в эти части за своими командирами.

– Пехотинцы, – тоже вперёд.

«Покупателей» не стало, а в строю осталось ещё человек тридцать солдат, в том числе и рядовой Василий Алябьев.

Командир обратился к старшине:

– Отведи их вон в ту палатку, накорми, уложи спать, а завтра за ними приедут.

Утром снова построение и майор-покупатель обращается к ним:

– Ребята, вот, что вам скажу. Я заберу вас в разведку. Но это дело добровольное, кто не захочет, пойдёт служить в другие части. Подумайте.

Майор, медленно идя вдоль строя, остановился перед Алябьевым и сказал ему:

– Ты будешь хорошим лазутчиком.

Василий не понял смысла этого слова.

– А что это такое? Чем я буду заниматься?

– Ходить не будешь, будешь ползать. Согласен.

– Да, – вымолвил Василий, видя в майоре хорошо командира и человека.

Согласилось человек восемь. И попали они в 75-ю разведывательную роту 72-го гвардейской дивизии 2-го Украинского Фронта.

Ребята этой роты сражались под Сталинградом, в самом Сталинграде участвовали в захвате, пленении фельдмаршала Паулюса. Они встретили новичков хорошо, ласково. Так в течение недели молодые бойцы привыкали к фронтовой жизни. Опытный сержант стал знакомить их со службой, водил ночью и днём на передний край, где они подолгу лежали, наблюдали за позициями немцев.

Первый пленный

Прошло какое-то время и приехавший в роту старший начальник, увидев молодых солдат и расспросив у командира роты, что они делают, сказал тому:

– Что они у тебя зря хлеб едят. Организуй-ка спецгруппу и пусти в разведку за «языком».

Командир роты назначил им в старшие другого сержанта, и вот они в составе восьми человек в одну из ночей, по болоту переправились через нейтральную полосу на сторону немцев, залегли вдоль проселочной дороге и стали ждать.

Дождались. По дороге шли, тихонько разговаривая, три немца. Команда была захватить их живьем, но сам сержант не выдержал, метнул гранату, от которой все немцы погибли. Разведчики забрали их документы, оружие и вернулись в часть.

– Задание не выполнили, – объявил им командир, потом убрал сержанта из роты и назначил другого.

И вот они снова за нейтральной полосой. Видят, идёт немец, с автоматом и тихонько наигрывает на губной гармошке. Схватили его, поволокли. Остановились передохнуть. А он по-немецки начинает просить:

– Не убивайте. Я всё скажу.

В группе был переводчик, наш немец с Поволжья.

– Никто тебя убивать не собирается. Слушайся, что тебе говорят, и останешься жить.

Перебрались через линию фронта, пришли в часть, и только после этого испытания молодых бойцов командир роты распредели по взводам.

И попал Алябьев в отделение сержанта Коршунова. Хороший был командир, и хорошие, заботливые были солдаты. И потом пошла тяжёлая, очень опасная служба, ходить в тыл врага, брать «языка».

– У нас был закон: если ранят кого-то или убьют не оставлять, нести на себе, но возвратиться всем к себе, к своим. Подписку, клятву мы, поэтому слушаю, давали, – вспоминает Василий Иванович.

Первая медаль

– А как вы, Василий Иванович получили первую медаль «За отвагу»?

– Немец пошёл в наступление, прорвался, и нашу роту бросили на их прорыв, целый день мы сдерживали их атаки, много наших полегло в этом бою. Потом подошли наши части, отбросили немцев, а мы остались приводить себя в порядок. Эта первая медаль была особая, планка не как у других, красивая. Вот посмотрите.

– А остальные медали, за какие случаи?

– За «языков». Брали мы их иногда и с потерями. Приходилось, бывало тащить на себе и «зыка» и своего товарища, раненого, которых мы никогда не бросали. Мы клятву давали, подписку.

Орден Славы

– А орден Славы за что получили?

– В Венгрии это было, на границе с Чехословакией. Послали нашу группу в семь человек в разведку. Ночь. Темно. Вошли в село. Постучались в один дом. Вышла хозяйка. Сказала что в селе немцы, по пять-шесть человек в каждом доме. Спят. И в её доме тоже. Она зажгла керосиновую лампу. Мы вошли, забрали оружие, приказали встать. Вывели из дома. Так прошлись по всему селу. И захватили, чуть ли не эскадрон, немецких гусар, вместе с лошадьми.

Перед выходом за «языком»

– А орден Отечественной войны 1-й степени за что?

– Это тоже было в Чехословакии. Ворвались перед наступлением наших войск в немецкие бункера, расстреляли сидящих в них, некоторых захватили в плен. Тем самым сорвали отражение нашего наступления.

– А были ранены?

– Был. Дважды. Один раз под Харьковом, другой в Румынии. Полмесяца пролежал в госпитале. Медик, старший лейтенант после излечения говорит:

– Давай пошлю я тебя в маршевую роту. Хватит тебе жизнью рисковать.

– Нет. Я к своим хочу. Ну и получилась у нас с ним стычка. Я плюнул, взял документы и пошёл в сторону фронта, добираться до своей роты. Шёл, хоть и дороги там хорошие, но грязи после дождей тоже много. Сапоги от этого развалились. Вижу, на перекрестке стоит девчонка-регулирующая.

– Ах ты бедненький, куда идёшь?

– В часть, в хозяйство генерала Лосева.

– Сейчас я тебе машину остановлю, доедешь.

Она остановила машину и попросила шофёра подвести солдата. Но, каково было удивление Алябьева, когда он в водителе полуторки узнал своего товарища, разведчика его роты, который был когда-то ранен при их совместной вылазке в тыл к немцам за «языком».

– Ванька!? Это ты? Довезёшь?

– Садись. Спрашиваешь, чего я здесь? Да списали меня со строевой, вот и попал в автобат, и на том спасибо.

Он и довёз Василия до его хозяйства. Они распрощались, и первым встретившимся на пути разведчика был старшина роты. Он так обрадовался этому, что обнял Василия, повёл в свою палатку, там накормил, дал выпить, наговорил, что случилось в роте, и уложил отдыхать, а наутро сам отвел в его взвод, где Василий также был встречен хорошо. Ведь родней своих ребят, своей роты ничего на войне у солдата нет. И пошла вновь служба, солдатская работа, идти во вражеский тыл, брать «языка», взрывать землянки, доты, подрывать машины и другое прочее.

А Победу Василий Иванович встретил под Прагой.
Так и окончилась для него война.

Потом их дивизию перевели в Венгрию, где они начали строить жильё, а в конце 1945 года на Украину, где как-то зашёл Василий Алябьев в музей Дома офицеров своей 72-й гвардейской дивизии и в книге боевой славы соединения на первой странице увидел свой портрет, с пояснением, что он более 100 раз ходил в тыл врага и добыл 32 ценных «языка», которые были в звании от капрала до оберста (полковника).

Это поразило и обрадовало его.

После войны

В марте 1947 года его демобилизовали, и он уехал к себе на родину, где снова стал работать трактористом.

Так бы и работал Василий Алябьев, но его другу пришёл вызов от отца, участника штурма Кёнигсберга, а тот попросил отца выслать вызов и на Алябьева.

И в 1950 году Василий Иванович приехал в Калининград и пошёл на завод почтовый ящик 29 (завод «Янтарь»), где устроился учеником слесаря сборщика в 53-й сборочный цех.

Потом женился. В 1955 году связал свою судьбу с Лидией Петровной, жившей тогда в Кальгене, пригороде. И вот скоро шестьдесят лет, как они вместе.

Завод, на котором он работал, был большой, строил военные корабли, работы для творческих людей было много. И Василий Иванович Астафьев работал так, что за свой труд был награждён орденом Трудового Красного Знамени и самым высшим орденом Советского государства – орденом Ленина.

Василий Иванович давно уж на пенсии. Живёт тихо, мирно, часто болеет, его постоянно посещают друзья по работе, школьники.

Жизнь идёт, и он очень рад, что скоро встретит 70-летие Великой Победы, в достижении которой есть и его бесценный вклад простого солдата. Спасибо за Победу!

Пекка Елена

Родилась в 1966 году в городе Риге. Окончила журфак Латвийского государственного университета.

Начало журналистской биографии связано с многотиражной газетой Рижского вагоностроительного завода в 1985 году.

В конце 1991 года переехала на постоянное место жительства в город Надым Ямало-Ненецкого автономного округа. Работала на телевидении, в пресс-службе, в информационно-аналитическом комитете.

С февраля 2000 года и по настоящее время – собственный корреспондент, редактор отдела газеты Ямало-Ненецкого автономного округа «Красный Север».

Замужем, родила сына и дочь.

ВАРВАРА ИЗ РОДА ДОЛГОЖИТЕЛЕЙ

Перед отправкой в полк ей выдали военное обмундирование: простреленные ватник, штаны и шлем. Уже на выходе со склада до ее слуха донесся разговор между интендантом и его подчиненным: «Девчонка симпатичная, что ж ты ей такую одежду дал?» – «А зачем ей другая? Все равно убьют...»

Великая Отечественная ворвалась в жизнь алтайской девушки Вари словно гигантский огненный маховик... Из их большой дружной семьи (а жили Варины родители общим домом со своими родственниками) на фронт отправились отец, трое Вариных братьев и она. Пройдет совсем немного времени, и на всех троих парней домой придут похоронки. А четвёртый братишка, прожив несколько лет после войны, умрёт от последствий ранения.

– На фронте было огромное количество молодёжи! – вспоминает сегодня Варвара Ильинична Полуэктова. – Мне кажется, что миллионы молодых жизней и стали той огромной ценой за Великую Победу, что одержал Советский Союз.

У неё – живые карие глаза, добрая улыбка и внимательный взгляд, – при встрече даже не верится, что 27 декабря Варвара Ильинична от-

метит свой 94-ый день рождения, что в биографии этой милой женщины – годы молодости, опалённые войной, почти полвека трудового стажа и искренняя, неустанная помощь своим детям и внукам.

Ей до сих пор жаль оставленного пять лет назад в Алтайском крае домика и садового участка, что отличался, как любовно говорит Варвара Ильинична, землей «пуховой» и плодородной. Но так уж сложилась судьба: после инсульта жить самостоятельно пожилая женщина больше не смогла, и переехала в Надым, где сейчас за ней ухаживают дочь и взрослые внуки.

По зыбкому льду Ладоги

Великая Отечественная началась для Варвары Ильиничны 4 мая 1942 года. После призыва девушку отправили в Кемеровскую школу военных авиатехников, где в течение нескольких месяцев слушателей учили азам работы самолётных мотористов, прибористов, техников по обслуживанию кислородного оборудования и самолётного вооружения.

К моменту окончания курсов Варя узнала, что отправляют её в Ленинградский авиационный полк. И вот уже через несколько дней разбитый фронтовой грузовичок высадил Варю в нескольких километрах от Ладожского озера. Дорожная регулировщица объяснила, что дальше – только пешком. Потом – отсидеться несколько часов под берегом, а как стемнеет – переходить по льду на другую сторону. Пока дожидалась сумерек, нашлась и случайная попутчица: молоденькой Маше служить определили там же, где и Варе, – в Ленинградском авиаполку. Пешком идти не пришлось – с наступлением темноты к Ладоге подъехал грузовик с картошкой, предназначенной для голодающих жителей блокадного города, он их и повёз.

– Лёд постоянно проваливался под колесами машины, – вспоминает Варвара Ильинична, – и я всё думала: если туда мы доедем, то как же на обратном пути по нему можно будет вести машину?..

Уже на месте, в штабной землянке, замёрзших девчат сразу отправили на русскую печку.

– Только обогреться мы толком не успели, как началась бомбёжка, – вспоминает Варвара Ильинична.

Налёт был долгим, а вновь прибывшим из тыла девушкам и вовсе показалось, что он длился бесконечно.

– К утру наш блиндажик, что давеча был вровень с землей, уже стоял на взгорке, всё остальное вокруг было словно срезано бомбами. Мы поняли: нам просто повезло, что остались живы.

Вражеские налёты продолжались с упорной регулярностью. Их отличала дерзость и точность ударов. И хотя это самым отрицательным образом сказывалось на жизни двух эскадрилий пикирующих бомбардировщиков ПЕ-2, входивших в полк, их состав продолжал готовить самолёты и выполнять поставленные командованием боевые задачи.

– Ситуация изменилась внезапно, – вспоминает Варвара Ильинична, – и какой-то странной волею судьбы я оказалась свидетелем её финала...

В тот день девушки очень устали: они только-только обновили боезапас подопечных «пешек» – навесили бомбы, заправили пулёмётные ленты. И Варя присела отдохнуть на землю недалеко от самолётов. Внезапно с ней заговорил молодой парень – голубоглазый, высокий, светловолосый. Они не успели обменяться и парой фраз, как его арестовали и увели на КПП.

Симпатыга оказался немецким шпионом. После непродолжительного следствия его по законам военного времени расстреляли. Рядом с аэродромом нашли передатчик, по которому он и передавал немецкой стороне точные координаты авиаполка. Разрушительные бомбардировки после этого прекратились.

Был приказ – беречь машины!

За всю войну Вале довелось встретить лишь одного своего земляка: летчик Гриша Самохвалов тоже был призван с Алтайского края. И они обрадовались друг другу так, словно были родными! Однако их внезапной встрече не суждено было перерасти в доброе знакомство или дружбу, – улетев в разведку, самолёт Григория на аэродром не вернулся...

– В первые годы войны, – вспоминает Варвара Ильинична, – был приказ беречь машины. Может быть, связано это было с тем, что наша промышленность ещё только-только налаживала широкий выпуск боевых машин, и их не хватало. Порой бывали такие случаи, когда раненые лётчики из последних сил тянули до посадочной полосы и умирали уже на земле... И лишь с середины войны ситуация стала меняться – вышел приказ беречь людей.

Впрочем, как ни цинично это прозвучит, не просто людей – лётчиков. Ведь для того чтобы обучить лётной специальности, более того, тонкостям управления боевой машиной, нужно слишком много времени. Того самого времени, которого в войну не было, да и быть не могло. Но беречь лётчиков стали уже к концу войны, а в первые годы было очень много тех, кто погиб, выполняя боевое задание.

По ходу наступления советских войск Ленинградский авиаполк продвигался всё дальше на запад. И если стратеги войны могли говорить о переломном моменте в ходе сражений, о победном оптимизме, то простые солдатские будни были лишены какого бы то ни было пафоса.

– Был постоянный тяжёлый труд и неизменные спутники войны – ранения и невозвращение тех, кто был с нами рядом, – вспоминает Варвара Ильинична, – а ещё – известия об увечьях или смертях родных и близких, что воевали на других фронтах, что оказалась в немецком тылу. Поэтому и радостный праздник дорогой, долгожданной Победы в той войне был с горьким ощущением невосполнимых утрат.

Отец говорил: «Дочь, ты из рода долгожителей!»

Варя вернулась с фронта в августе 45-го, немного опередив своего отца. Казалось, что любые трудности можно будет преодолеть, ведь война завершилась! И она справлялась с любой работой, какую бы ей ни поручали. Работала машинисткой, кассиром, продавцом, учеником наборщика, а позже – заведующей типографией районной газеты «Красная Звезда». С уважением отзывается Варвара Ильинична о труде:

– Мне кажется, что любая работа не легка, если делать её добросовестно, старательно, вкладывая душу! Но только такое отношение к делу и принесёт удовлетворение!

Радость и гордость Варвары Ильиничны – её дети и внуки – большая дружная семья, где царят любовь, взаимопонимание, дружба.

– Мой отец любил говаривать: «Доченька, ты проживешь долго, ведь ты из рода долгожителей!» Его слова оказались правдой. Но я рада, что судьба не просто отпустила мне долгий век, сберегла в минуты тяжёлых испытаний, но подарила настоящее семейное счастье!

ОРИГИНАЛЬНЫЙ СЮЖЕТ

Шевченко Владимир Егорович

Родился в Ростовской области Миллеровского района. В шесть лет переехал с родителями в Ялту. Окончил школу. Служил в ВМФ. Затем работал на сувенирной фабрике. Окончил художественный техникум в Загорске. Затем вуз. Служил офицером в пожарной охране. Параллельно, профессионально занимался живописью. Печатался в СМИ. В настоящее время работает в «Теплокоммунэнерго» Ялты – начальником аварийной службы.

Увлекается современным искусством. Пишет в жанре рассказа и очерка.

ДЕМБЕЛЬ РЕКСА

Ялтинская набережная весны сорокчетвертого как всегда приветлива и красива. Где-то далеко за горами идут бои, а тёплый вечер с лёгким запахом магнолии словно не замечает чуждые природе звуки и образы, навеянные войной. Несмотря на напряжение, природа верна себе. В такие времена, когда вечернее небо целуется с морем, на пустынной набережной можно было видеть две чёрные фигуры надменно прогуливающиеся вдоль моря. Высокий эсэсовец и огромная овчарка. Они удивительно похожи друг на друга. В их облике таилось нечто демоническое. Чёрная масть пса удачно гармонировала с чёрной формой офицера. Не перенёс ли чёткость и совершенство линий овчарки на эсэсовскую форму нацистский кутюрье? Воистину дьявольский талант. Эту пару местные жители наблюдали чуть ли не каждый вечер. Человек и собака могли подолгу смотреть на море. Их одинокие чётко очерченные фигуры поражали своей монументальностью.

Эсэсовец жил вместе с другими немецкими офицерами в гостинице «Джалита», которая находилась в районе нынешнего

концертного зала «Юбилейный». Их обходили стороной не только местные жители при встрече в городе, но и вояки вермахта в серых мундирах. Как известно, фронтовики недолюбливали СС. Сейчас никто не узнает, чем они занимались в городе. Их вечерние прогулки закончились в середине апреля, когда по узким улицам пронёсся первый танк с пятиконечной звездой. Перед тем как покинуть город, немцы разрушили и сожгли всё, что успели. В одну из ночей дым и огонь окутал и «Джалиту». Откуда-то из середины здания, из не тронутых огнём апартаментов, сквозь треск пламени местные услышали протяжный собачий вой, полный тоски и безысходности. Это не визг смертельно испуганного животного, а именно вой. Предательство близких не имеет различий. Совершенно ли оно в отношении людей либо животных. И каждый по-разному на это реагирует. От этого звука буквально цепенели жители ближайших улиц. На улице Пушкинской сбилась в кучку пара десятков человек. Тихо переговаривались. Мужской басок выделял неброского парня в кепке.

– Жаль пса, – с жалостью произнес он.

– Чего его жалеть, – злобно возразил мужик без одной руки. – Сука немецкая! Так ей и надо! Небось, вынюхивала наших, вот и получила награду от своих.

– Причем же здесь животное? – парень в кепке сплюнул табак от самокрутки. – Бросили гады, чтобы легче было драпать. Хоть бы на улицу вывели или пристрелили. Вот тебе и культура, – подумав, добавил он.

Все замолчали. Вой, словно укор всем людям за их жестокость, давил на голову, плечи. Странное чувство вины перед животным охватило местных. Тишину нарушил решительный голос Володи Варова (так звали парня в кепке). Бывший морской пехотинец. При защите Севастополя ему миной раздробило ногу. Отлежался в селе за городом. Затем через лес по татарским тропам добрался к тетке в Ялту.

– Так, бабы, вёдра с водой и за мной!

Кучка местных с вёдрами успела вовремя. Огонь ещё не успел охватить всё здание. Володю обильно облили водой, и он, ковыляя, исчез в двери гостиницы. Парень по звуку быстро нашёл номер с собакой. Открыл дверь. Задыхаясь, схватил пса за ошейник и потащил в сторону выхода. Они выбежали на улицу. Люди радовались и обнимали обоих.

Собаку приютила одинокая баба Маша с дома № 1. Назвала его Рексом, когда же злилась, называла Фрицем. Первые два дня овчарка тихо лежала в прихожей, грустно положив голову на передние лапы. Ничего не ела. Хозяйка его гладила, участливо приговаривая:

– Какого лешего попёр в армию. Пас бы овец, лошадей. Верный кусок хлеба, девки. Понимаю, не виноват. Люди. Им мало своих, так и ваших на бойню.

Лишь на третий день, когда домашний кот Гебельс, получивший кличку за постоянно издаваемую кошачью какофонию звуков, пытался у него из под носа свиснуть косточку, – Рекс ожил. Такая наглость, вероятно, оживила бы любого уважающего себя пса. Он молча оголил передние клыки, и Гебельса как ветром сдуло. Позже они стали великими друзьями. Кот прекрасно понимал, с кем выгодно дружить. О таком защитнике пройдохе можно было лишь мечтать. А Рекс полюбил его за весёлый нрав и невероятную наглость. Баба Маша, смотря на эту неразлучную парочку, ворчала:

– Надо же, спелись Гебельс и Фриц. – Шаркала ногой на кота: – Ты, Рекс, его не слушай, ничему хорошему он тебя не научит. Разве что ставридку воровать.

Своим спасителям пёс ответил безграничной любовью, о которой до сих пор вспоминают старожилы. Жизнь и местная хвостатая босота быстро сбила породистую спесь. Простота и доброта бабы Маши, принявшей пса и делившей с ним последний кусок хлеба, изменила его характер. Он оказался хорошим мальым. Это была самая красивая собака во всём городе. Подкармливали и любили его всем двором. Рекс открывал мощную пасть лишь для улыбки. Куда делась характерная стать. Гонял для порядка кошек, играл с дворянками, сторожил дом. Однажды даже пришел энкавэдэшник. Любовался собакой. Говорил, что им такая нужна. Предлагал бабе Маше деньги. На что она коротко ответила:

– Нехай с Гебельсом мышей ловит.

Рекс с благодарностью лизнул её руку.

Улицы Пушкинская, Чехова и набережная были вотчиной Рекса. Ближе к вечеру он обходил свои владения. Свобода опьяняла его собачью душу и наполняла радостью. И когда он встречал дворовых соседей, возвращавшихся с работы, – радостно подбегал, становился на задние лапы, передние ложил на грудь и открывал в улыбке

пасть. Конечно же, любимчиками у него были Володька и баба Маша. Ежедневные вечерние встречи для них превратились в опасный ритуал. Рекс свою радость выражал обязательным поцелуем в лицо. Огромная овчарка, обученная одним прыжком сбивать противника, использует полученные навыки для выражения своей любви и преданности. Прыжок – и баба Маша или Володя на земле. Лицо выливается шершавым розовым языком.

– Чёрт рогатый, – кричала беззлобно баба Маша, прижимаясь к забору, чтобы не очутиться на земле.

Но разве можно на любовь обижаться? Так и жили в тяжёлые послевоенные времена всем двором. Это как раз то, что принято называть – красота человеческих отношений.

И только иногда, когда Рексу встречался человек, одетый в чёрное, он замирал. В этот момент он превращался в того демонического красавца, надменного и гордого. Глухое рычание обнажало мощные клыки, глаза загорались всепоглощающей ненавистью. Обознавшись, он ещё долго приходил в себя. Рекс так и не простил предательства до конца своих собачьих лет.

Розенблит Мария Алексеевна

Родилась и выросла на Украине под Киевом. Основная профессия – культработник. С 1968 года живёт в Таллинне.

Член Союза писателей Москвы. Издала книги: «От весны до весны», «Колыбелька из ивовых прутьев», «Срибни росы» (на укр. яз.) и другие. Печаталась во многих центральных журналах и альманахах, в том числе за рубежом.

Лауреат международного литературного конкурса в Вене (Австрия), победи-

тельница Каверинского литературного конкурса.

В настоящее время ведёт литературную секцию прозы в Русском культурном Центре Таллинна, Эстония. при ОРЛЭ.

КОЛЫБЕЛЬКА ИЗ ИВОВЫХ ПРУТЬЕВ

В детстве у Маши было прозвище – Баюшка. Прозвище как прозвище, бывают и хуже, тем не менее оно Машу злило.

– У всех прозвища понятны, – рассуждала про себя Маша, – взять хотя бы Катьку-Тростинку или Аньку-Цыганку. Катьку когда-то её мама назвала за худобу, у Аньки, говорят, был прадед – цыган, у меня же непонятно что, – сокрушалась Маша. И донимала свою маму и бабушку расспросами.

Те молчали или отделялись общими фразами. Про себя же Маша решила, что её прозвище как-то связано со сном, и старалась на всякий случай поменьше спать.

– Бабушка, признайся, это ты меня так прозвала, – в очередной раз приставала Маша с расспросами, – что, я так много спала в детстве, да? Почему «Баюшка», скажи?!

В то время Маше было восемь лет, и она с уверенностью считала, что её детство осталось в прошлом.

– Да чего же плохого в этом слове-то? – сердилась бабка Александра. – Ну и спала, так что же? Благодаря этому и жива осталась, что спала-то!

– Бабушка, расскажи! – чуть ли не со слезами просила Маша.

– Малая ещё такое слушать, – ответила бабушка и, погрузившись, добавила: – Подрастёшь, мать расскажет.

Прошли годы. Маша достигла того возраста, когда прозвища её и её сверстников забылись. Бабушку схоронили. Со временем бабушкой стала Машина мама Катерина. Машины дети её любовно называли бабушкой Катей.

В один из летних отпусков, когда все съехались в дом бабушки Кати, на семейном совете было решено подремонтировать крышу дома. Начали с чистки чердака. Сколько же неожиданного извлекли оттуда! Особенно радовались дети.

Самой удачной для них оказалась находка колыбельки, сплетённой из ивовых прутьев. Покрыв колыбель серой пылью и паутиной, время этим утешилось, поскольку колыбелька была прочной и совсем не думала рассыпаться. Только дотошные дети, перевернув её на зелёной травке вверх дном, нашли два маленьких отверстия друг против друга. По размеру и форме они были одинаковыми и располагались ближе к доньшку. Машин самый младшенький улегся в колыбельку, и дети с упоением стали раскачивать её во все стороны. Бабушка Катя, занятая хозяйственными хлопотами, наконец-то обратила внимание на визжащую от восторга детвору.

Увидев колыбельку, она нахмурилась и, подозвав Машу, сурово сказала:

– Вытащи оттуда ребёнка, а это старьё брось на костёр, пусть сгорит!

И твёрдой походкой пошла в дом. Маша непонимающе посмотрела матери вслед, но послушаться не посмела. Отвлекла детвору и отправила колыбель в костёр.

Ивовые прутьики весело вспыхнули, Маша зачарованно на них смотрела.

– Это, наверно, моя колыбелька, – мелькнуло в сознании Маши. – Мне бабушка Александра говорила, что моя колыбель на чердаке. Но почему мама так расстроилась и велела её сжечь?..

А потом, когда все улеглись на ночь, Катерина долго рассказывала то, о чём Маша так хотела услышать в детстве от бабушки, но так и не услышала.

Шёл 1943 год, июнь. Немцы хозяйничали в селе. С утра ещё всё

было тихо. Но уже к обеду все сельчане были охвачены тревогой. По главной сельской дороге колонной стали двигаться немцы в сторону районного центра.

Кое-где были слышны автоматные очереди, в некоторых дворах вспыхивали пожары.

Бабка Александра вывела всех домочадцев во двор. Их было трое – две дочери, Катька и Лидка, и младший сын Колька (остальные два на фронте).

Ещё был Катькин трёхмесячный ребенок – девочка Маша. Катька как раз успела покормить её грудью и уложила спать в колыбельку. Днём колыбель подвешивали в сенях, у дальней стенки, напротив входной двери. В жару в сенях было прохладно, и если закрыть входную дощатую дверь – не донимали мухи. Бабка Александра, убедившись, что ребёнок спит, закрыла дверь на крючок, для надёжности поверх крючка воткнула палку, чтобы было понятно, что в доме никого нет, и отдала распоряжение:

– Прячьтесь все по одному под кусты и сидите тихо, не пикните, кто бы во двор ни зашёл! Когда немцы уйдут, тогда выйдем.

Спрятаться успели вовремя. Два немца (один из них пнул ногой калитку) вошли во двор. Катька сидела за огромным кустом смородины, который рос напротив двери в дом. Она прислушивалась с ужасом, не раздастся ли детский плач в сенях. Катерине хорошо было видно всё. Немцы явно спешили. Один подошёл к кусту со стороны, противоположной той, где сидела Катерина, и стал справлять малую нужду. От страха у женщины одеревенели ноги, она сидела на корточках. Потом ужас, достигнув определённого предела, превратился в какую-то иную форму, поскольку Катерина вдруг стала рассматривать листья смородины и вспоминать, как выхаживала этот куст по весне после зимних морозов...

Гортанный немецкий говор вернул страх на место. С дороги неслись окрики, видимо, поторапливая этих двоих. Немец, застегнув штаны, направился к выходу. Второй стоял среди двора, так и не решив, что же ему надо? Очередной окрик с улицы прозвучал приказом и для второго немца. От злости за бесполезную потерю времени немец поднял автомат и, дав длинную очередь по входной двери, побежал догонять колонну. В двери сразу же зачернели дыры от пуль.

Женщина за кустом вскрикнула и упала, как если бы очередь из автомата была выпущена по ней...

Гул на дороге постепенно затихал, немцы уходили все дальше. Старая Александра выползла из-за сарая, кликнув Кольку и Лидку.

Они слышали выстрел и крик Катерины. Подбежав к кусту смородины, увидели распластанное тело. В одной руке была зажата ветка смородины, вторая рука вытянулась по направлению к простреленной двери, за которой в сенях висела колыбель.

Лидка громко заголосила, Колька грязными кулаками тёр глаза. Александра присела возле Катерины и стала её ощупывать.

– Замолчите! – прикрикнула на детей. – Она не убита... и даже не ранена, слава тебе, Господи! Немец-то в дверь стрелял, а не в неё!

Александра осенила себя крестом.

– Колька, достань холодной воды из колодца, она в обмороке.

Пока Колька доставал воду из колодца, Лидка опасливо коснулась руки сестры и спросила мать:

– Мама, а почему она в обмороке?

– От страха, – ответила Александра и, вздохнув, добавила: – А больше от горя.

Колька поднёс ведро. Лидка набирала ладонями воду и обрызгивала Катерину всю с ног до головы.

Сначала дрогнули веки, один раз, второй, потом Катерина открыла глаза. Увидев, что дочь пришла в себя, Александра обратилась к младшей:

– Ты, Лидка, протирай её водичкой, вот, возьми мой фартук, кончик намочи и протирай виски, грудь. А ты, Николай, иди за мной!

Александра с младшим сыном подошла к двери. Осмотрели дыры от пуль, которые были на одном уровне с колыбелью.

Прислушались. В сенях было тихо. Осторожно вынув палку и сняв крючок с петли, Александра тихо открыла дверь. Колька испуганно прятался за спиной матери.

Переступив порог, женщина застыла. Хоть колыбель была у стенки, зоркий глаз женщины увидел круглое отверстие от пули. Края ивовых прутьев почернели.

Подняв руки ко рту, женщина простонала:

– Господи, чем этот младенец перед Тобой провинился?!

Обернувшись к младшему, приказала:

– Возьми лопату, иди на огород. Там, возле грядки с луком, есть пустое место. Выкопай могилку, да не очень большую, копай по размеру колыбельки. Так с колыбелькой и схороним, только одеяльцем обмотаем. Пусть колыбель тоже схоронится, чтобы Катьке душу не рвала, – перекрестилась и про себя добавила: – Придёт, даст Бог, лучшее время, потом перезахороним.

С этими словами Александра повернулась и пошла к Катерине. Та уже сидела. К ней постепенно возвращалось сознание. Как только её глаза стали осмысленными, она взялась обеими руками за грудь и вскричала:

– Молоко идёт, мне же надо Машку кормить! – и стала подниматься с земли.

Александра, бросив младшей дочери:

– Не пусти её, придержи, – повернулась обратно к дому, чтобы закрыть сени.

Но она не успела этого сделать. Одновременно с нею у двери оказалась Катерина. Две руки вцепились в крючок. Обе – материнские.

Так и осталось неизвестным, кто бы тогда победил. Потому что в это время подошёл Николай и со всей прямоотой обратился к матери:

– Мам, могилку я выкопал, но Машку я туда не понесу, хоть она и маленькая, а всё равно жутко.

Обе женщины убрали руки от двери и усталились на Кольку.

Старая Александра рассерженно, Катька – непонимающе. Потом вдруг до сознания Катерины стал доходить смысл слов, сказанных Колькой... Сначала у Катьки посинел подбородок, потом синева поползла выше к глазам и вискам, и, наконец, глаза закатились.

Если бы не дверь, она бы со всего роста брякнулась на землю. А так, слегка ударившись о косяк, медленно сползла вниз. Старая Александра гневно схватила Кольку за ухо:

– Когда ты поумнеешь, дурья твоя башка?!

И потом громче окликнула младшую дочь:

– Лида, неси воду, Катьке опять плохо!

Но в это время из сеней послышался громкий детский плач! Он был требовательным и не допускающим никаких промедлений. Катерина очнулась. Открыв дверь, кинулась к колыбели. Взяв на руки дочь, вышла во двор. Она прижала ребенка к груди двумя руками, как будто слилась с ним воедино.

– Баюшка, ты моя, – прошептала Катерина, – навеки теперь, моя Баюшка! Господь тебя убаюкал и сохранил! Благодарю тебя, Боже!

Лидка подошла с водой и, не зная самого страшного, восприняла все происходящее в порядке вещей. Колька опасливо поглядывал на маленькую Машку и пытался погладить её по головке...

Старая Александра молча опустилась перед пробитой пулями дверью на колени и стала молиться. По её почерневшим щекам катились слёзы...

Думрауф-Шрейдер Елена

Родилась в 1955 году на Алтае. Школьные и студенческие годы прошли в Алма-атинской области Казахстана. Вернувшись на родину после окончания зооветеринарного института, успешно освоила профессию культработника. Стихи писала уже в школьные годы. Путь к прозе оказался более тернистым и долгим.

С 1994 года живёт в Германии. Замужем. Имеет троих детей и пятерых внуков.

Является членом Литературного общества немцев из России. Консультант по международным литературным связям журнала «Северо-Муйские огни» (Россия, Бурятия). Является лауреатом и дипломантом 14 международных литературных конкурсов. Её работы публикуются в России, Германии, Канаде, Бельгии, Украине, Казахстане и Белоруссии. Автор девяти книг.

В 2015 год она удостоена звания лауреата ОО «Немецкая национально-культурная автономия Омской области».

МАМАНЯ

рассказ из цикла «Тогда была война»

Третий день бегают Васятка по селу, рассказывает прохожим, что его дед Матвей и старший брат Митька уехали на войну помогать батьке бить фашистов.

– Они всех-всех врагов победят! Митька сильный! Как даст фрицам, будут знать! А дед подмогнёт! Он и ружьё с собой взял.

Старушки останавливались, слушали семилетнего мальчонку, охали-ахали, гладили его по голове, крестили. А соседские мальчишки дразнили недоумком. А Васятка, уверенный в своей правоте, вставал куда повыше – и кричал:

– Пацаны, я же слышал! Я взаправду слышал, как дед сказал Мамане, что они обернутся за пару дней. Чтоб Маманя места для ночлега приготовила.

Иногда казалось, что мальчонка уж очень смышлёно говорит, а порою глазки забегают-забегают, на лице появится испуг, начнёт заикаться, и сказать толком ничего не может. В таких случаях дед для него был всегда и подмога, и защита.

Вдруг в самом конце улицы, показался какой-то всадник, а за ним – гружённая подвода.

– Пацаны, смотрите, это ж Митюха скачет! Ну, чего я говорил! – и побежал навстречу брату.

Шестнадцатилетний Митя, согнувшись до самой гривы медленно идущей лошади, еле держался в седле. Он ничего не видел залитыми кровью глазами. Лошадь привезла домой сама. К седлу были привязаны поводья другой лошади, впряжённой в длинную телегу.

Всятка, увидев брата, остановился как вкопанный. Его глаза округлились, и он, хватая, словно рыба, ртом воздух, упал как подкошенный в придорожную траву. О болезни Всятки и его припадках в селе знали все. Из ближайшей хаты к подводе подбежала девушка. С криком замахала руками, зовя односельчан на помощь. Увидев лежащего на земле мальчишку, поспешила к нему. Подняла голову, пощёпала по щекам, и Всятка очнулся. Первое, что он увидел перед собой, – дедовы ноги в кирзовых сапогах. Они волочились по земле, свисая меж перекладин телеги, а сама телега была полна детьми. Мёртвыми детьми. Они сидели и лежали в разных позах, на лицах – застывшие гримасы боли и ужаса.

Из хат на шум выбегали женщины. В оцепенении замирали на обочине и, прикрыв фартуками рты, молча крестились. А потом к небесам поднялся холодящий, раздирающий душу бабий вой.

Всятка подскочил на ноги. С трясущейся головой, произвольно дёргающимися руками, с горьким стоном обежал вокруг повозки. Несчастный, не осилив своим слабым умишком случившееся, развернулся и с громким криком: «А-а-а! Д-д-д-де-да! М-м-митя!» – бросился бежать, но запнулся и упал лицом в пыль. Поднявшись, облизал пыльные губы, торопливо размазал непослушными руками слёзы по грязным щекам и со всех ног пустился домой, к мамане.

С улицы донёсся крик Всятки. Мать узнала бы его из тысячи голосов. Она бросилась навстречу больному ребёнку, думая, что

его кто-то обидел. Сын упал ей на руки и долго, заикаясь, не мог выговорить ни слова.

Женщины остановили лошадь. Сняли седока, который, слава Богу, был жив, но в беспамятстве, перенесли домой. Митя пришёл в сознание лишь через два дня. Открыв глаза, увидел стоящую к нему спиной женщину во всём чёрном.

– Ма-ма, – прошептал он сухими губами.

– Митенька, очнулся, – заплакала она. – Как ты, родимый? На, попей. Сынок, а где же Гриня?

– В пещере, на Заячьей горке. Там все выжившие дети. Мам, забрать их надо.

– Слава Господу, Гриня жив! Митя, что же случилось? – измотанная за последние два дня похоронами и неизвестностью, спросила мать.

– Фашисты в городе разбомбили тубдиспансер, а нас догнали в лесу. Мама, я обещал, что приеду за ними. Они больше не заразные. Их подлечили. Заберите их.

– Боже мой! Детей туберкулёзных не пощадили. Ведь дед хотел забрать только Гриню да двоих Заливченко с хутора. Осиротели они, мать их померла. А на вторую телегу – овса хотел пару мешков подкупить. Детей-то почему вы целый обоз набрали?

– Так они все в сточной канаве сидели. Ну как? Одних брать, а других не брать? Вокруг бомбят! Дед пожалел их. Хотя, лучше бы и не забирали, может, выжили бы.

– А что же живых-то ты домой не привёз?

– Фашисты не видели вторую подводу, а то бы и их... Всё кричали: «Тубэкулёээ. Кранк. Кранк!» Дед утнал подводу в лес и затаился с ними в чащобе. А нас обстреляли гады, и всех восьмерых насмерть, – он сжал зубы, и слёзы покатались по его щекам. – Лошадь встала на дыбы и стащила нас в канаву. Меня ранили, и я свалился под телегу, а остальных изрешетили.

– Господи, свят-свят! С мужиками не совладают, на детях отыгрываются проклятые. А деда-то как? – плакала всё громче мать.

– Он спасал детей... Мам, он ведь не знал, что всех насмерть... Я очнулся под телегой, когда он подбежал с ружьём, а фашисты уже на мотоцикле отъехали. Убедившись, что все дети мёртвые, дед, не скрывая злобы, осыпал убийц проклятиями. Вдруг затрещал мото-

цикл. Деду бы за телегу спрятаться, а он стрелять начал. Уж больно ему отомстить хотелось. Зарядил ружьё и кричит:

– Что ж вы за нелюди, козь детей порешили! Истуканы бездушные! Ненавижу! Своих-то, поди, лелеяли? Дитё жить должно! А вы что сделали, сволочи? Будьте вы прокляты!

– Двоих застрелил, а потом его... наповал. Так и упал в телегу, – и дрожащий голос Мити стих. А через минуту он настойчиво повторил: – Мамадя, надо остальных спасать. Там двенадцать ребятишек.

– Надо, конечно надо. Сынок, да я же не знаю, где пещера находится.

– Помоги мне встать. Сколько я уже лежу?

– Два дня ты в беспамятстве, сынок.

– Ого! А вдруг их нашли?! Фрицы расстреляют. Ой, больно, голова кружится!

– Да разве ты можешь с простреленной головой встать и идти на Заячью горку? Тут тебя самого спасать надо, – и увидела, как у сына снова закатились глаза, и голова упала на подушку.

– Мамадя, а я знаю, где Заячья пещера. Мы с пацанами там были, – пролепетал Васятка.

– Не смей! – строго посмотрела она на него. – Деда сегодня похоронили, батька на фронте, старший сын раненый, средний больной где-то в пещере, и осталось ещё только тебе попасть фашисту в лапы. Вон, присматривай за братом. Воды подашь, а я к бабам. Немцев в селе нету, если до ночи не явятся, то по темноте отправимся.

– Мамадя, я с тобой, ты же дорогу не знаешь.

– Сынок, нельзя тебе от Мити отходить. Понимаешь? Даже по нужде, если только очень быстренько... и к его постели возвращайся. Вдруг помощь ему нужна будет, а рядом никого. Упаси Господи, помрёт, – устрашающе сказала мать и пригрозила пальцем. И этого было достаточно, чтобы в мальчонке пробудилось чувство ответственности за жизнь брата.

– Мамадя, а ты тихой тропкой ходи.

– Какой тропкой, сынок?

– Ну, тихой, где никто не ходит, за домами, – но толком ничего не смог объяснить.

Стемнело. Всего две женщины, соседка Мотя и её золовка Софья, согласились идти на выручку детям. Пришёл ещё парнишка Иван. Но

у него на ноге был большой нарыв, и женщины, поблагодарив, оставили его дома. Софья знала дорогу к пещере и заверила, что туда не больше трёх километров пути. Собрав немного еды и воду для детей, женщины ушли со двора. Больше всего их пугал лесной отрезок пути, по которому пару дней назад Митя привёз убитых детей. Дорога оказалась не такой близкой, как предполагала Софья, а раза в три длиннее. Измотанные дорогой, переживаниями и страхом, они всё же вышли к пещере. Неожиданно все трое резко остановились: навстречу им, напугав, поднялась с земли призрачная детская фигурка:

– Мамадя, вы не убитые? Я вас так долго жду, так долго... – и Васятка, зашмыгав носом, уткнулся в подол мамкиного платья.

– Сынок, родненький, ты как здесь? А Митя, как же Митя дома один?

– А Ванька зашёл его проведать. Он покараулит, обещал.

За двое суток, что не выходили из пещеры на свежий воздух, без питья и еды ребятишки ослабли. Но старшие помогли идти младшим. Самых маленьких женщины несли на руках. И уже через два часа по короткой дороге, через кладбище, по тихой тропке Васятка привёл их в село. Боясь распространения заразной болезни, детей разместили в хате мамани, так как среди больных был и её сын Гриша. Мамадя приняла всех. Детям было от четырёх до девяти лет. Лишь у Кати Жасминовой, самой старшей девочки, нашлась бабушка, остальные остались сиротами.

Эти страшные военные годы пережили не все. Вот и мамадя потеряла всю свою семью.

Сначала умерли младшие сыновья – Васятка и Гриня, а с ними и шестилетняя Раечка из приёмных. Потом пришли похоронки на мужа и старшего сына Митю.

После войны Мамадя безуспешно пыталась найти родственников детей, которых приютила. Но не нашла, и в сорок шестом, чтобы их не отправили в детский дом, в сельском совете подписала бумаги, что несёт ответственность за всех. Лишь восьмилетние Маша Фасова и Костя Бочков запомнили свои фамилии. Им в сорок шестом было уже по тринадцать, но они не ушли, остались в семье. Остальных семерых мамадя записала на себя. Так девять чужих детей стали ей самыми близкими и родными. Только для них и жила, и работала.

В канун Нового пятьдесят второго, на сорок четвёртом году

жизни, от сердечного приступа маманя скоропостижно скончалась. Для всех детей это была ужасная трагедия. Горе, которое, казалось, не пережить. Лишившись материнской поддержки, заботы, ласки и любви, в одночасье осиротели все. Очень трудно было, но они всё осилили и выжили.

Прошли годы.

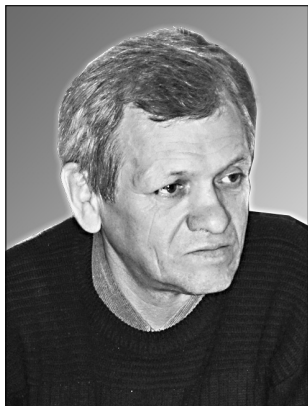
Однажды после долгожданной встречи большой семьи, собравшейся из разных уголков страны в маманиной хате, на могиле возле нового памятника односельчане нашли в жестяной коробочке письмо «из прошлого в вечность»:

«Маманя, дорогая ты наша мамочка! Низко кланяемся и всегда вспоминаем тебя с великой благодарностью. Мы – дети твои, не потерялись в этом большом мире. Мы остались, благодаря тебе, вместе, одной дружной семьёй. Нас теперь много-много. Прости, родная, мы ведь тогда даже твоего настоящего имени не знали. Односельчане тебя называли Маня. А для всех нас ты была самая добрая, самая справедливая, всегда и всем спешащая на помощь Маманя. А по документам, оказывается, ты – Маргарита Карловна Малгожатова, урождённая Байер.

Спасибо тебе за то, что ты была, и за то, что мы есть!

Помним тебя, родная, не забываем! Твои дети».

Май, 2013 год

Шигаев Владимир Викторович

Родился 19 апреля 1954-го года в рабочем посёлке Карсун Ульяновской области. Здесь же в 1971-м году окончил среднюю школу.

С 1974 по 1976 год служил в армии.

После армии работал и учился в Ульяновском политехническом институте. В 1982 году, после окончания института вернулся в родной посёлок, где работал в строительных организациях, Доме культуры, занимался индивидуальной

трудовой деятельностью.

Его статьи, заметки и фотографии публиковались в районной газете и областных изданиях, краеведческой литературе.

В настоящее время – пенсионер. Женат, имеет двух детей и двух внуков.

ГОВОРЯЩАЯ ЛОШАДЬ

Тогда я работал в одном из приволжских городов.

Коллектив наш состоял большей частью из людей ещё вполне молодых. Руководители же наши, как водится, относились к более старшему поколению.

Был среди начальствующих и фронтовиков: одни его запросто называли Семёнычем, другие – Дедом. Являлся он человеком добрейшей души – спокойным и обходительным. Дед Семёныч занимал скромную должность, но относился к работе с полной ответственностью, присущей людям того поколения.

Не знаю, недостаток это или просто такая черта характера, но Господь Бог начисто лишил его чувства юмора. Было бы вполне понятно, если речь шла о человеке злом и холодном. А тут...

В душу с расспросами мы, молодые, к нему не лезли; анекдоты и байки при нём старались не травить. Конечно же, не из боязни, а только из уважения к его возрасту, фронтовым заслугам и доброму отношению к нам.

Исключение составлял Серёга Дарюшинский – неисправимый

хохмач и балагур. Шутки-прибаутки сыпались из него, словно из того самого рога. Часто он рассказывал невероятные истории, свидетелем, а то и участником которых был сам. При этом гораздо был подтрунить над самим собой, представить себя вне самой лучшей позиции.

С первых дней, только он появился в нашем коллективе, его стали называть по фамилии. Правда, тогда же её упростили, убрав первую часть: он стал Шинским. Серёга не только не обиделся, но и сам стал представляться именно так.

Шли дни, недели и месяцы. И работа шла своим чередом, и дело спорилось, потому как в коллективе нашем была попросту семейная обстановка. Но всем нам тогда казалось, что Шинского Семёныч недолюбливает...

Вот наш дружный коллектив сплотился в очередной раз за общим столом – по случаю дня, который теперь называют Днём защитника Отечества. Первый же тост был отнесён в адрес Семёныча. Фронтовик и в этот день был неизменно скромен: на изрядно поношенном пиджаке – ни одного «живого» ордена и медали – лишь орденские планки. Как говорила наш сторож тётя Валя, не любит Семёныч «иконостасом» греметь. Чарку первую закрепили мы двумя-тремя последующими и отправились в курилку.

Шинский был верен себе и решил, что сегодня к месту будет байка про двух известных воинов. Он начал: «Подарил Петька Василию Ивановичу говорящую лошадь, и поехал тот вечером на ней в гости к Фурманову, который жил в девятиэтажке...»

Анекдот – с большущей «бородой»! Пересказывать до конца его не буду – не о нём разговор.

Так вот, для кого-то тогда он был свежим; кто-то посмеялся для приличия, услышав его в сотый раз. Семёныч же, услышав слова «говорящая лошадь», сначала как-то встрепенулся, вскинул голову. Потом плечи его опустились, весь он обмяк, замкнулся...

Он смотрел сквозь рассказчика, и казалось, что был в этот момент где-то далеко-далеко от нас всех. Пальцы его мяли так и неприкуренную «северину», табак сыпался ему на колени и на пол...

Дед «вернулся» к нам, тихо сказал: «Я, Серёжа, хоть и младше Чапаева, и служить мне с ним не пришлось, но точно знаю – девятиэтажек в то время не было!» Встал со скамейки и первым вышел, так и не покурив.

Мы переглянулись, и Шинский цокнул языком: «Ну, Дед!...Ну, Семёныч!.. Высоток не было, а говорящие лошади, выходит, так прямо и бегали целыми табунами!..»

Наш Старик тогда ещё раз убедил нас в том, что с юмором он категорически не дружит...

Всё когда-то кончается. Закончился и этот последний зимний месяц. Наступила долгожданная весна. Пришёл май. В канун Дня Победы вновь мы собрались за общим столом. И снова: первый тост – за нашего фронтовика.

Сегодня к его орденским планкам добавилась одна-единственная медаль. Кто-то из нас, молодых, осторожно поинтересовался, почему только одна и именно эта? И Семёныч поведал нам такую вот историю.

Тогда они отступали... Точнее, выходили из окружения, потому что то и дело натыкались на противника. Голодные и измотанные, старались идти по ночам, днём – скрываться в лесу, где можно было найти хоть какое-то пропитание. Здесь же хоронили убитых и умерших от ран.

Здорово выручала единственная оставшаяся лошадёнка какой-то непонятной масти, с большими белесыми пятнами по худющим бокам. Тело, при её коротких ногах, казалось непомерно длинным. Все удивлялись, как такую нескладуху взяли на фронт?! Но главное – она была немой! Никто ни разу не слышал, чтобы она ржала.

Это была Бабочка...

В самом начале отступления перешли реку. Сапёры «подняли мост на воздух». Приказано было дойти до высот, что в двадцати пяти километрах к востоку, окопаться и задержать немцев.

Только отошли от берега, как появился самолёт с крестами – немец! Он даже и не старался стрелять прицельно: в два захода «высыпал» запас патронов, сбросил несколько «лёгких» бомб и убрался восвояси. Но визитёр этот уложил-таки навсегда больше

десяти человек. А одна из бомб, упавшая недалеко от парной запряжки, убила обеих лошадей.

То было только начало, и все это хорошо понимали. Не один раз успев хлебнуть лиха в те страшные военные дни отступления, бойцы знали тактику врага. И ждать он не заставил.

Да, немец не ошибся в координатах и совершенно точно навёл своих артиллеристов. Первые снаряды с воем пронеслись над головами и подняли комья земли в воздух метрах в двухстах по ходу движения. Потом стена разрывов пошла назад ... вперёд ... назад ... Смертельные «гостинцы» ложились всё плотнее и плотнее.

Посреди этого ада, где металась ошалевшие люди, рвалась сталь и вставала на дыбы сама земля, не шелохнувшись, стояла запряжённая в небольшую телегу Бабочка. Она только отворачивала в сторону голову, если разрыв снаряда случался совсем близко. Сам Всевышний хранил её!..

Обстрел закончился. Посчитали потери. Были они велики... Стали переносить убитых в воронки от бомб – «заботливо» приготовленные для солдат владычицей-войной могилы.

Но нельзя было поверить своим глазам, это просто казалось чудом: телега Бабочки разломлена пополам, у изуродованного колеса – обезображенная половина человеческого тела ... на самой лошадке – ни царапины! И это в то время, когда кругом – кровавое месиво: десятки убитых и покалеченных людей ... стоны ... крики ... плач ...

Для кого-то война закончилась, другим она ещё милостиво отмерила время для земной жизни ... Для жизни без покоя, для жизни на этой самой войне.

Приладили оглобли к длинной четырёхколёсной арбе, оставшейся без лошадей; уложили обезноживших раненых и двинулись дальше.

Бедняга Бабочка что есть мочи тянула неподъёмный воз, опустив голову долу, взмахивая ей при каждом с трудом дающемся шаге. На взгорках люди помогали ей, подталкивая телегу, на спусках, напротив – придерживали махину, норовящую раздавить лошадёнку ...

До высот, поросших редким лесом, шли часов шесть – семь. Здесь встретились с разрозненными малочисленными группами из других частей. Общее командование принял капитан-артиллерист. Взялись обустривать рубеж обороны.

Тяжело раненых решено было отвезти в деревеньку, находившуюся километрах в десяти. Старшим был назначен Семёныч, с ним – два бойца и ездовой. Туда добрались благополучно. В амбаре был уже организован небольшой лазарет, куда и приняли вновь прибывших раненых. Попрощались.

Обратно показать дорогу «напрямки» вызвался местный деревенский мальчишка. И правда – путь оказался вдвое короче. По дороге, в ложбине, встретился мост через небольшую речушку; от него до места – рукой подать.

Бабочка ступила на старый подгнивший настил и... заартачилась, пытаясь дать задний ход. Ездовой слегка подбодрил её хлыстом: лошадь против воли сделала шаг вперёд, трухлявые доски затрещали. Бабочка проваливалась, подталкиваемая тяжёлой телегой. Вслед за треском гнилых досок раздался хруст костей лошадиных ног...

Бедная Бабочка! Она беспомощно лежала на боку, вывернув оглобли. Белые окровавленные кости торчали из рваных ран. Большие тёмные влажные глаза животного смотрели на людей и будто говорили: «Я же не хотела так!»

Ездовой отказался пристрелить мученицу. Заплакал, ушёл в сторону.

Это сделал старший.

Семёныч увидел собственное отражение в глазах Бабочки. И вдруг... она заржала! Заржала громко – в первый и последний раз. Что это было? Мольба о пощаде или просьба о скорейшем прекращении страданий? Предсмертная радость по явившемуся всё-таки голосу или прощальный крик?..

Эхо ржания затихло вместе с эхом выстрела...

После бойцы узнали, что мостик, оказывается, был заминирован отходящими ранее войсками.

А Бабочка, верой и правдой служившая людям при жизни, потом спасла бойцов своей плотью от голода...

Семёныч, заканчивая свой рассказ, добавил: «Немца мы на этих высотах задержали. С обеих сторон многие остались там навсегда... А это – моя первая боевая награда. Если бы не Бабочка, не было бы ни этой медали, ни других... Ни меня самого...

Голос моей спасительницы, Серёжа, я запомнил навсегда ...
Вот такая вот, ребятки, была неговорящая лошадь ... »

Дед снял медаль, положил на свою широкую ладонь, перевернув кверху тыльной стороной: на потускневшей поверхности металлического кружочка был виден выцарапанный силуэт бабочки – обычной бабочки, с двумя крылышками.

Фоменков Александр Сергеевич

Родился в городе Таганроге в 1954 году.

Работал, слесарем на Таганрогском металлургическом заводе.

Много лет возглавлял созданную им же общественную организацию по гуманизации условий и режима содержания подследственных заключённых и осуждённых, содержащихся в таганрогском СИЗО.

В 47 лет окончил заочное отделение литфака Таганрогского государственного

педагогического института.

После его окончания некоторое время работал воспитателем в стационарном отделении для лечения подростков Таганрогского наркодиспансера.

В настоящее время пенсионер.

Пишет стихи, статьи, эссе и рассказы.

Ведёт Живой Журнал и блоги на сайтах «Кавказская политика» и «Русский пионер».

ЖЕНЩИНА В ЧЁРНОМ

Было мне тогда лет одиннадцать, и жил я на самом отшибе некогда славного своею вольностью города Таганрога – родины великого писателя Антона Павловича Чехова. Через улицу от той, на которой я родился, город заканчивался. Тогда он ещё не нависал своей восточной стороной над глубоким оврагом, называемым жителями таганрогской окраины – Северного посёлка – Валовой балкой. Сразу за балкой дыбилась Самбекскими высотами удобрённая кровью солдат Второй мировой войны степь.

Город от оврага отделял заросший высокими травами и редкими акациями пустырь, на который зажиточные по тем временам горожане выгоняли на выпас домашний скот. На краю пустыря постоянно, как будто он был там прописан, стоял, навоя на нас, мальчишек, ужас привязанный цепью к толстому металлическому колу страшный длинноногий серый козёл

с красными от злости и ненависти глазами. Лишь только раз я осмелился в одиночку приблизиться к этому козлу шагов на тридцать.

Нужно было пороху накапать. Говорят, во время войны на этом месте немцы его хранили, и даже спустя двадцать лет, мы, безнадзорные пострелята, выгребали из земли маленькие коричневые палочки, из горстки которых вполне можно было смастерить взрывпакет и шугнуть рассевшееся на ветках деревьев воронье.

День выдался солнечный, хотя лето уже подходило к концу. С опаской озираясь на встревоженного мною козла, я копался в сухой земле и так увлёкся, так размечтался (вот бабахнет!), что вначале даже не понял, что со мной происходит: меня как будто насквозь пронзил полный боли и скорби человеческий стон. На некоторое время я потерял способность что-либо соображать, а когда пришёл в себя, увидел невдалеке распростёртую на земле женщину в чёрном. Чуть поодаль стояли трое тёмнолицых, заросших густой щетиной мужчин. При виде такой картины, да ещё с дьяволом-козлом под боком, я расплакался.

Женщина подняла голову. Выбившиеся из-под платка седые волосы обрамляли её смуглое, испещрённое глубокими морщинами лицо. Несколько минут она смотрела на меня отрешёнными, ничего не видящими глазами, в которых читалась одна только безмерная тоска. И вдруг взгляд её ожил и загорелся каким-то внутренним излучающим теплоту светом. Из её груди вырвалось: «Зульфигар!» Она порывалась встать, простирала ко мне руки и что-то быстро-быстро говорила на непонятном языке. Двое мужчин бросились к ней, третий подошёл ко мне. У него были добрые голубые глаза. Он нагнулся, чтобы приподнять меня, и, к моему изумлению, сказал по-русски, хотя с заметным акцентом:

– Наша мама приняла тебя за своего старшего сына. Он погиб в августе 43-го года и лежит где-то здесь, в этой земле. Иди домой, брат. Пусть она успокоится.

Я побрёл, не разбирая дороги. Прямо на козла. И долго ещё в моём мозгу звучало незнакомое слово «Зульфигар». Позже я узнал, – у азербайджанцев есть такое имя. А тогда...

Пороху я всё-таки нарыл. В другой раз. Да по детской неразумности подложил заряд под свою собственную судьбу, да так бабахнул,

что до сих пор звон в ушах стоит, и земля под ногами ходуном ходит. Тридцать лет с тех пор минуло. Но, странное дело, воспоминание о той давней встрече с годами становится острее и острее.

На днях что-то необъяснимое потянуло меня на Северный. Там, где раньше был пустырь, высятся девятиэтажки. Акации здесь больше не растут. Воронье разгуливает по крышам наших домов. И если бы я не увидел собственными глазами, то никогда и никому бы не поверил: посреди одного из дворов новостройки торчит вбитый в сырую землю знакомый с детства железный кол, на котором болтается обрывок заржавевшей цепи...

Александр Фоменков у Мемориала Славы на Самбекских высотах, воздвигнутого в Неклиновском районе Ростовской области недалеко от посёлка Самбек в честь воинов 130-й и 416-й азербайджанских стрелковых дивизий, удостоенных почётного наименования – «Таганрогские»

Зотова Галина Вячеславовна

Родилась 1 декабря 1956 года в деревне Кукишумы Ядринского района Чувашской АССР. Образование высшее, окончила факультет иностранных языков ЧГПИ по специальности английский и немецкий языки. Работала учительницей иностранных языков в МОУ «Штанаишская средняя школа» Красночетайского района ЧР. Член Союза писателей Чувашской Республики, является действительным членом Чувашской народной академии наук и искусств. Автор ряда книг. Награждена почётной грамотой Министерства народного образования Чувашской АССР, а также многими грамотами и дипломами газет, журналов, районных и краевых конкурсов. Почетный краевед Союза чувашских краеведов, лауреат литературной премии им. Марфы Трубиной журнала «Хатёр пул».

Замужем, мать двух взрослых дочерей и сына, бабушка одной внучки.

ВЫСТОЯЛ, ЧТОБЫ ПОБЕДИТЬ

С фотографии на меня смотрит 23-летний молодой солдат с боевыми орденами и медалями на своей груди. Их у него немного, он умер, вернувшись с войны с тремя ранениями в возрасте 51 года, не успев получить юбилейных медалей и орденов.

Анисимов Василий Анисимович родился в 1922 году в деревне Кукушумы Балдаевской волости Ядринского уезда (ныне Ядринского района) в многодетной семье. Окончил среднюю школу. До призыва в Красную Армию в 1940 году работал в школе. На фронтах Отечественной войны с 1941 года. Войну встретил, будучи в 101-м пограничном отряде. Сражался в боях под Орлом, на Курской дуге, под Черниговом, на реке Висла. Служил наводчиком орудия батареи 76-мм пушек 271-го стрелкового Нижне-Волжского полка 181-й стрелковой Сталинградского ордена Ленина Краснознаменной дивизии.

Передо мной письма с фронта, треугольные, пожелтевшие, не смотря на прошедшее время, бережно хранимые. Сколько раз к ним прикасались руки близких!

О том, что мой дядя, Василий Анисимович Анисимов, был кавалером двух орденов Славы, конечно, знала, даже гордилась им. Но документов не видела. Лишь когда умерла его жена, моя тетя, я осмелилась и попросила показать их. Через полвека после окончания войны.

Вот передо мной письмо, адресованное его отцу, моему деду:

«Привет вам, всей вашей семье! С первых строк письма спешу поблагодарить вас за вашего сына. Товарищи его уважают за смелость и отвагу. Особенно в последних сражениях он показал себя умелым и храбрым артиллеристом. На наши орудия шли танки противника. Он не спешил выстрелить, ждал, когда они подойдут поближе. А потом как выстрелил – передний танк вспыхнул, потом, посылая снаряд за снарядом, другим перекрыл дороги. Наводчик Василий Анисимов всегда веселый, своими шутками поднимает дух солдат. За мужество и храбрость удостоился ордена Славы и медали «За отвагу». Анисим Максимович, я благодарю вас за воспитание такого сына. Мы гордимся героем-артиллеристом. Сейчас он в нашей же части, здоров, своими шутками всем доставляет удовольствие. Вам большой привет от него.

С приветом командир орудия старший сержант Иванов.

Наш адрес: Полевая почта 62811-«Е»

Иванову Фёдору П. 19.09.1944 год».

Всё письмо написано карандашом, только адрес – чернилами. Как, наверное, радовался мой дед, узнав о делах сына. У дяди Василия, оказывается, много благодарственных бумаг. Он был очень скромным, не любил вспоминать и рассказывать о войне, о своих боевых подвигах: тяжело был ранен перед самым ее окончанием, у него и руки дрожали, и ходил-то он с трудом.

А каким он был в молодости! Хочется привести одну характеристику.

«Василий Анисимович Анисимов, будучи в 101-м пограничном отряде, с первых дней войны встретился с врагом лицом к лицу. В боях под Орлом, на Курской дуге, под Черниговом, на реке Висла показывал чудеса храбрости. Наводчик 76-мм пушки в полку отличался отличным знанием своего дела, инициативой.

В особо тяжёлых ситуациях личным примером воодушевлял других бойцов.

Однажды во время боя снарядов почти не осталось. Наводчик Анисимов держался очень спокойно, меткими выстрелами уничтожил около тридцати вражеских солдат, взорвал два их пулемёта. Таких примеров героизма можно привести много...

Начальник штаба артдивизиона капитан Малочка».

Самую первую боевую награду – медаль «За отвагу» ефрейтор Василий Анисимов – замковый орудия батареи 76-мм пушки получил 13 января 1944 года. В представлении к награде говорится, что «при прорыве вражеской обороны в районе гор Коростень благодаря четкой и самоотверженной работе тов. Анисимова расчёт уничтожил 2 ДЗОТа, 1 НП, 4 станковых и 3 ручных пулемёта. Рассеял и частью уничтожил до 50 гитлеровцев. Подавил огонь миномётной батареи противника. Своими действиями способствовал выполнению общей задачи батальона».

Василий Анисимов, участвуя в боях за Родину, дошёл до Берлина, форсировал Одер. По словам нашего отца, Александра Вячеслава Александровича, за форсирование реки Одер Василий Анисимов был представлен к награждению орденом Славы первой степени, но, документы были уничтожены бомбежкой, до конца жизни эта награда так и не нашла его.

По архивным документам информационного ресурса открытого доступа «Подвиг народа в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» мне удалось узнать, что сержант Анисимов Василий Анисимович, наводчик орудия батареи 76-мм пушек 271-го стрелкового Нижне-Волжского полка 181-й стрелковой Сталинградской ордена Ленина Краснознамённой ордена Суворова дивизии, был представлен к ордену «Слава 2-й степени» за образцовое выполнение боевых заданий командования на фронте борьбы с немецкими захватчиками и проявленное при этом доблесть и мужество. Вот как описывается его подвиг в наградном листе:

«В боях при прорыве обороны противника в районе дер. Велобоговице 15 января 1945 года при ведении артподготовки по обороне противника, выкатил своё орудие в боевые порядки стрелковых подразделений и вместе со своим расчётом уничтожил два пулемёта противника с расчётами, разбил 1 ДЗОТ противника и

истребил более 10 гитлеровских солдат и офицеров, чем способствовал успешному прорыву первой линии обороны противника. При дальнейшем преследовании противника в составе взвода разбил обоз противника в количестве 10 повозок с военными грузами.

Достоин правительственной награды ордена «Славы 2-й степени»

28 февраля 1945 года, подполковник (подпись) /Скрипников/

Представление было написано 28 февраля, а приказ о награждении Анисимова Василия Анисимовича орденом Славы 2-й степени был издан лишь спустя два месяца, 8 мая 1945 года, может быть, поэтому он не сумел стать полным кавалером ордена Славы?

Домой дядя вернулся в звании младшего лейтенанта. До войны он работал учителем, после демобилизации снова пришёл в школу, учил детей, затем его перевели на работу инструктором в райком партии КПСС, но ездить в райцентр ежедневно было неудобно, автобусных сообщений тогда не было, и он устроился на работу ближе к дому, стал работать сельским библиотекарем родной деревни. Целых десять лет, с 1954 по 1964 год со своей доброй улыбкой встречал читателей. Был требовательным, выдавал не больше двух книг в одни руки, всегда спрашивал содержание книги. Был избран секретарем парторганизации колхоза «Путь Ильича» Ядринского района, выполнял эту неоплачиваемую общественную работу в течение 12 лет. В советские времена в нашей стране в школах, клубах и библиотеках, на полях во время отдыха регулярно проводились политзанятия, Василий Анисимович был одним из лучших агитаторов района. И везде он был примером для других.

Ранней осенью 1955 года в наших местах стояла жаркая погода. В один из таких дней на главной улице деревни Кукшумы Ядринского района Чувашской АССР вспыхнул пожар. Два мальчика заигрались со спичками около копына соломы. В те годы большинство деревенских деревянных домов были покрыты соломой. Главная улица деревни Кукшумы длиной 2,5 километра и не очень широкая. В чувашских деревнях по обеим сторонам улиц растут деревья, на главной улице деревни Кукшумы для деревьев таких мест нет.

Откуда-то появился сильный ветер, огонь стал быстро расти, вскоре вся улица в мгновение ока оказалась схвачена пожаром. Пожар распространялся по деревне с чудовищной скоростью. За один

час огнем было уничтожено пятьдесят хозяйств, полдеревни сгорело, от хозяйств остались только груды пепла.

Хозяйство нашей бабушки Ирины находилось через два дома от места пожара. Дедушка Анисим умер в возрасте 54 лет, сказались тяжёлые годы войны. Бабушка с младшим сыном начали выносить вещи из дома. Успели вытащить и несколько писем сына с фронта.

В это время её старший сын Анисимов Василий Анисимович был на работе. Специального здания библиотеки тогда не было, она располагалась на краю деревни в арендованном доме Солнцевых. Народу в библиотеке было немного, три школьника зашли искать материал для написания сочинения по чувашской литературе.

– Что-то вновь запахло дымом. Крепко достала меня эта война, всюду мерещится огонь и дым, – вздохнул Василий.

– Пожар! Пожар! Горим! Спасайтесь!

Тут-то он понял, что не мерещится ему все это, что действительно начался пожар. Видны языки пламени, огонь приближается к библиотеке. Мой дядя, недолго думая, бросился спасать не своё личное подворье, а библиотеку. Ребята хотели убежать, но по приказу младшего лейтенанта они вчетвером начали быстренько вытаскивать наиболее ценные книги на безопасное место. До захвата дома огнём они успели вынести и спасти более двухсот ценных книг. С серым от горя лицом смотрел бывший солдат, с каким пламенем сгорает библиотека, горят книги, которые они не успели спасти.

Дома его встретила мать со слезами на глазах: «Почему ты домой не прибежал сразу же, как увидел, что в деревне начался пожар?!!»

Каждый раз, вспоминая тот страшный пожар, наша бабушка всегда со слезами на глазах упрекала сына, повторяя: «Но почему ты домой не прибежал, могли бы хоть что-нибудь спасти?» Не понимала она его, не понимала, что не мог он домой бежать, он должен был библиотеку спасти, он же солдат, а у солдата Отчизны на первом месте долг.

После выхода на пенсию по инвалидности, когда ему уже трудно было передвигаться, семья решила переехать в город Чебоксары. Ему, как инвалиду и участнику войны, вне очереди предоставили бесплатную двухкомнатную квартиру в центре

города. Но недолго пришлось ему радоваться жизни, умер наш дядя в 1973 году, в возрасте 51 года.

В моей родной Чувашии в 1995–2000 годах было издано несколько томов книги «Память». В этой книге были названы имена всех погибших и пропавших без вести. В следующих томах – рассказы об уроженцах и жителей, вернувшихся с Великой Отечественной войны, списки всех уцелевших на полях сражений. Я искренне рада тому, что во второй том вошли имена и наших родственников со стороны матери. Это кавалер двух орденов Славы Анисимов Василий Анисимович, учителя Бельский Константин Григорьевич и Кокорев Иван Иванович. Их уже нет в живых, но, открывая книгу, я как бы заново встречаюсь с ними, вспоминаю их наказы и рассказы.

Мне редко удается вырваться на встречу с родными в свою родную деревню. Но, приезжая туда летним днем, я всегда прихожу на кладбище. Стараюсь приходить одна, чтобы мне никто не мешал. Навещаю всех своих родных, бываю на могилах всех, кого знаю, говорю со всеми, как с живыми, плачу, жалуюсь на невзгоды, делюсь радостями, рассказываю о своих успехах, прошу у них совета.

На могиле нашего дяди Анисимова Василия Анисимовича маленький железный обелиск со звездой и маленькая фотография под стеклом. Красная звезда напоминает нам о том, что здесь похоронен боец Советской армии, мужественно защищавший нашу мирную жизнь.

Макаренко Артур Валерьевич

Родился 30 января 1991 года в городе Клинцы Брянской области. В 2008 году, после окончания Ляличской средней школы, поступил в Суражский педагогический колледж им. А. С. Пушкина, где получил специальность учителя иностранного (немецкого) языка. В 2014 году с отличием окончил Брянский педагогический университет им. академика Петровского по специальности учитель истории. С 1996 года проживает в селе Ляличи Суражского района Брянской области. Работает учителем немецкого языка и истории в МБОУ «Ляличская СОШ». В свободное время занимается музыкой, изучением иностранных языков, краеведением, любит путешествовать. В данной работе Артур Валерьевич рассказывает о жизненном и боевом пути своего деда, ветерана Великой Отечественной войны Парамонова Петра Ивановича.

РАССКАЗ О ВЕТЕРАНЕ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ ПАРАМОНОВЕ ПЕТРЕ ИВАНОВИЧЕ.

У Петра Ивановича Парамонова, ветерана Великой Отечественной войны, гражданина Советской страны и сына своего времени, за плечами нелёгкий жизненный путь. Такой же, как и у многих его сверстников. Его биография – это жажда знаний и грохот сражений, и засеянные хлебом поля, и тропки к сердцам людей.

Родился Пётр Парамонов в 1922 году в селе Нивное Суражского района Брянской области в крестьянской избе у молодых супругов Марии и Ивана Парамоновых. Пора юности для Пе-

Парамонов Пётр Иванович.

тра Ивановича наступила в 1937 году, когда он поступил в Суражское педагогическое училище. Жизнь бьёт ключом, впереди увлекательная студенческая жизнь, полная радости и счастья, рассветы на зеленом берегу красавицы Ипути, светлые аудитории учебного корпуса, милые березки у общежития...

20 июня 1941 года. Казалось, что это именно для них, выпускников Суражского педучилища, так ласково и щедро светит летнее солнце. Через два месяца им предстояло впервые войти в классы в качестве учителей и повести ребят в прекрасную Страну Знаний... Но не прозвучал традиционный вальс на выпускном вечере в Суражском педучилище в июне 41-го. Молодое, жизнерадостное веселье после трёх лет учёбы не состоялось.

Самостоятельная жизнь для Петра Парамонова началась жестоко. В 22-е утро июня грянула война, немецкие фашисты напали на нашу Родину. Через несколько дней он был призван в армию. На фронт сразу не попал – направили в авиашколу стрелков-бомбардиров в Алтайский край. В Красной Армии самолётов ещё не хватало, и Пётр Парамонов стал командиром пулемётного расчёта в 115-м гвардейском полку. Боевое крещение принял на Воронежском фронте. Всё было. И был Дон. И были Богучары, где от его пулемётного расчёта остались в живых двое – он да боец. Северный Донец Пётр Парамонов увидел уже разведчиком. В одной из операций по взятию «языка» он шёл последним, прикрывая огнём своих товарищей. Ему-то и досталась вражеская пулемётная очередь. Он был ранен. Пётр Иванович Парамонов был интересным, талантливым человеком, истинным патриотом своего Отечества.

Перелистывая пожелтевшие страницы его фронтового блокнота, можно ещё раз мысленно проследить весь его боевой путь мужественного, стойкого бойца. На одной из страниц он описывает случай, навсегда изменивший его жизнь:

«Командиром пулемётного расчёта пришёл я под город Богучары на Дону. Советские войска добивали сталинградскую группировку немцев. Перед нами была поставлена задача уничтожить вражеские резервы, остановить их движение на дальних подступах к Сталинграду. Там скопились немецкие легкие танки, бронетранспортёры, автоматчики, готовившиеся перейти по

льду через реку и прорвать нашу оборону. Два наших пулемётных расчёта должны перейти под прикрытием темноты Донец, ударить с тыла, надеть паники, привлечь внимание немцев. А в это время два батальона перейдут в наступление.

Расчёты, мой и украинца Семёна Колотуха, благополучно переправились через реку. Огородами вышли к первым домам. Где-то впереди скрипит снег под ногами часового. Вижу два бронетранспортёра. Не раздумывая, бросаю бутылку с зажигательной смесью в кузов одного из них. Взрыва не последовало, видимо, она упала на что-то мягкое. Новый бросок – багровая вспышка. Поджигаю второй и бегу. Оглянувшись, вижу четыре костра. Молодец Семён, значит и он зажег два. Тишину разрывает лай немецкой речи. Вверх летят ослепительные ракеты. Фашисты мечутся по улице, не понимая, что произошло. Разом ударили вдоль улицы два наших пулемёта. В суматохе Семён Колотуха сумел поджечь танк. Немцы опомнились. Рой трассирующих пуль стал накрывать пулемёты, силы неравны. Пришлось отступить к балке. Сквозь автоматную трескотню слышу голос первого номера из расчёта Семёна:

– Сержант убит! Двое ранены!

Бросился к пулемёту друга, ещё теплым было безжизненное тело. Взвалив его на плечи и, дав команду расчёту отойти дальше в балку, сделал несколько шагов. Вдруг струя трассирующих пуль на миг ослепила глаза. Почти одновременно – резкие толчки в обе руки. Перчатки намокли от крови. Ещё три-четыре шага, чувствую удар в спину. Упал. Сменив позицию, пулемёты снова застрочили по преследовавшим немцам. Дальше отступать некуда. Почему молчат наши батальоны на той стороне? Ясно в темноте слышу:

– Ви – кольцо! Не стреляйт! Сдавайт!

Наш ответ – длинная пулемётная очередь в сторону голоса.

– Фойер! – истошно орёт немец.

Разом бьют два вражеских пулемёта, огненные струи впадают в овраг. Ранен еще один номер. Почему молчат наши?

– Ви коль...

Не успел закончить немец. Дружное «ура» разорвало сумерки. В бою была уничтожена добрая сотня фашистов, около

батальона взято в плен. Несколько танков и бронетранспортеров стали нашими трофеями.

Утром хоронили Семёна Колотуху. Я стоял около могилы и думал о своём друге и ровеснике, который уже мертвый спас меня. Перевязывая мои раны, врач сказал:

– Пуля в спину была бы смертельной, но что-то ослабило её удар.

Я рассказал, что во время ранения нёс убитого друга.

– Пуля прошла через его тело, поэтому ты жив ...

В санчасти я узнал, что все мы за ночной бой представлены к наградам.

Сержант Колотуха посмертно.

Санитарный поезд отвёз меня в далёкий госпиталь. Там зажили раны. Правда, пулю в спине я носил ещё пять лет ... »

Только в 1948 году главврач райбольницы Н.Г. Фролова извлекла её. А тогда его признали годным к строевой и отправили в учебную миномётную бригаду. Так Пётр Иванович стал командиром расчёта «катюши».

Конец марта 1943 года. Пётр Иванович Парамонов – командир гвардейского миномётного расчёта в 57-м гвардейском полку «катюш» – резерва Главного командования. Он участвовал в освобождении Киева, Белой Церкви, в Корсунь – Шевченковской операции. В составе 2-го Украинского фронта форсировал Южный Буг и Днестр. Форсировал реку Прут и вышел на территорию Румынии под Яссами. Отсюда он направляется на учёбу в артучилище, но смог добиться разрешения у начальника училища вернуться на передовую. Видимо, столько желания и упорства было в его словах, что начальник училища дал «добро». Отсюда – в пункт, где шло формирование гвардейских миномётных подразделений. И снова в пекло. Теперь под Минск в 54-й гвардейский миномётный полк. В сентябре 1944 года расчёт П. И. Парамонова перешёл границу СССР и вступил на территорию Восточной Пруссии. Отсюда до Берлина оставалось 600 км. А через месяц страна салютовала Великой Победе. Раненный под Кёнигсбергом, услышал эту весть сержант Парамонов в госпитале. В его фронтовом блокноте сохранился отрывок из письма товарищам-гвардейцам 54-го миномётного полка.

«4 апреля судьба резко изменила; покидаю родную часть, товарищей по оружию. Второй раз за три года боевой фронтовой жизни я заплакал... До слез было жалко расстаться с друзьями, вместе с которыми кровью и потом прошёл путь побед, радостей и невзгод. За короткое время я стал как старик. Теперь вместо широкой панорамы боя перед взглядом узкая постель, вместо оружия у меня в руках палка. Как всё надоело... Сам здесь, а мысли с Вами... Скоро вылечусь и где бы Вы ни были, разыщу, нагоню. С Вами вместе за одним столом буду праздновать Победу.

Ваш батареец, командир 2-го орудийного расчёта Пётр Парамонов».

За проявленное мужество и героизм Пётр Иванович Парамонов был удостоен ордена Красной Звезды и ордена Отечественной войны II степени, имеет 10 медалей и 6 благодарностей Главнокомандующего.

Нелегки были и первые мирные годы. И на трудовом фронте он «сражался», не жалея сил, за что получил медаль «За трудовую доблесть».

Каждый год 9 Мая Пётр Иванович выезжал в Москву, чтобы встретиться с друзьями-однополчанами. Одной из таких встреч он посвятил стихотворение «С победной весны 45-го года». Мотивом написания которого послужил тот самый «страшный» бой за станицу Большая Муратова на северном Донце, эпизод из которой был описан выше.

*С победной весны 45-го года
Гвардейские залпы молчат.
Сынов с дочерьми мы для жизни взрастили
И за руки водим внучат.
Нам Родина всё доверяла,
Судьбу свою нам отдала.
Дрались мы свирепо, но честно.
И враг получил все сполна.
Мы в мирную жизнь по-гвардейски вступали.
Телесные раны едва подлечив,
Земельку родную пахали, металл выплавляли,
Гвардейскую хватку к делам подключив.*

*Нас Родина скромно ласкала,
Как мать повзрослевших сынов,
А если нависнет беда над Отчиной
Гвардеец на подвиг сегодня готов.
Мы вспомним, гвардейцы, при встрече
Всех тех, кто сражался в бою,
Кто жизнь положил за Отчизну!
Сегодня он с нами в строю
Так будем же помнить мы вечно
Всех тех, кто погиб в этом страшном бою,
За мирную жизнь, за Отчизну
За Родину-мать дорогую свою.*

Пётр Иванович Парамонов ушёл из жизни 17 сентября 1992 года в канун своего 70-летия. Суровые годы войны, тяжёлые ранения отразились на его здоровье, но память о нём, о его героическом прошлом навсегда сохранится в наших сердцах.

**Гусельникова
Валерия Владимировна**

Родилась 23 февраля 1990 года в Алдане, Республика Саха (Якутия).

Образование высшее, окончила Санкт-Петербургский государственный университет, биологический факультет, кафедра цитологии и гистологии (аспирант), магистр биологии.

Работает в ФГБНУ «Институт экспериментальной медицины» в отделе общей и частной морфологии в лаборатории функциональной морфологии центральной и периферической нервной системы (научный сотрудник).

ТО ЛИ ГРОЗА, ТО ЛИ ЭХО ПРОШЕДШЕЙ ВОЙНЫ

Посвящается моему дедушке, Ефанову Николаю Тихоновичу, ветерану Великой Отечественной войны, фронтовому разведчику, и Гусельникову Владимиру Никитичу, который первым подсказал мне идею написания данного произведения

Я сидела на скамейке, пристроенной к стволу большого дуба, и смотрела на раскинувшееся внизу озеро. Хорошее место дедушка выбрал для палисадника – напротив дома, на вершине небольшого холма, спускающегося прямо к воде. Здесь только сидеть и мечтать, чем я с удовольствием и занималась последние полчаса. Вокруг разбуженные ласковым майским солнышком стрекотали насекомые, порхали бабочки, а где-то в ветвях заливался трелью соловей. Казалось, округа наполнена сотней звуков... но такой пронзительной тишины, как в Гольни – маленькой деревушке на юге Брянской области – я не встречала больше нигде...

Мои мечтанья прервал новый звук, принесённый ветром с востока. Я узнала в нём красноречивый рокот – предвестника сильной грозы. В голове всплыли строки из Тютчева: «Люблю грозу в начале мая, когда весенний, первый гром...». А туча, появившаяся на

горизонте, тем временем быстро приближалась. Она была иссиня-чёрной и как будто подсвечивалась изнутри вспышками молний. Громыхнуло ещё раз – уже ближе и значительно громче. Я вздрогнула. «Как будто снаряд взорвался», – подумалось вдруг. Хотя откуда мне знать, как врываются настоящие снаряды...

***

Грохот повторился. Этот далёкий приглушённый звук от разрыва артснаряда показался мне вдруг похожим на раскат грома. Я взглянул в ту сторону, на размытую полосу горизонта. Где-то всё ещё шли бои и, растянувшись на сотни километров, пылала Курская дуга...

Я снова перевёл взгляд на лежащее внизу озеро. Вода искрилась в лучах полуденного солнца, играя бликами. Вокруг царили покой и безмятежность, как будто война не тронула это место и не было двух страшных лет оккупации... «Отгорожу здесь палисадник, когда вернусь», – неожиданно подумал я, оглядывая пригорок вокруг. А что? Красиво, и дом наш совсем близко – через дорогу. Я посмотрел назад, но вместо добротной хаты, построенной отцом, увидел лишь обгорелые балки.

... Немцы, отступая, сожгли почти все дома в деревне...

Рука, лежащая в кармане, произвольно сжала листок бумаги – повестку, пришедшую сегодня. В нынешнем, 1943 году, мне как раз минуло 17 лет – пришло и моё время вступить в ряды Красной Армии...

Боевое крещение

Танки приближались, заполняя округу грозным рёвом моторов и лязгом гусениц. В основном это были Т-4. Только два – приземистые, с длинноствольными пушками – были мне незнакомы. «Тигры» – пронеслось в голове и на лбу выступила испарина. Вот оно, смертельное оружие Рейха. Я видел их впервые. Казалось, ничего не может пробить стальную броню этих монстров, остановить их ход. Но этот миф уже был развеян под Прохоровкой.

Я попал на фронт в декабре 1943 года, отучившись три месяца вместо положенных шести в школе младших командиров в Брянске. В звании ефрейтора я прибыл в противотанковую дивизию 250-го стрелкового полка и был приписан «вторым номером» в расчёт

противотанкового ружья. Моим «первым номером» был Дед – так мы прозвали его, прошедшего три войны – Гражданскую, Первую мировую и Советско-финскую. Сейчас он напряженно следил за надвигающимися немецкими танками, выжидая и не торопясь открывать огонь. Вот со стороны наших раздались первые выстрелы, завязался бой. Дед первым же выпущенным снарядом сбил с танка гусеницу – подбитая машина завертелась на месте и больше не сдвинулась с места. Почти сразу в нас прилетел снаряд, но Дед ещё раньше научил меня – сразу после выстрела отпрыгивать в сторону от орудия. И вот теперь мы с ним, целые и невредимые, лежали – я справа, он слева от дымящегося ружья, от которого уцелел только кусок ствола.

Уже после боя при осмотре позиций один из чекистов задержался у остатков нашего орудия.

– Почему не стреляли? – ровным голосом спросил он.

– Как не стреляли?! Стреляли! – ответил Дед.

– А если стреляли, почему у вас от ружья ничего не осталось, а на вас обоих ни царапины?

«Думает, оставили ружьё и переждали где-то бой», – догадался я.

Тут мой Дед молча достал откуда-то из кармана носовой платок, надел его на прут и сунул в оставшийся от ружья кусок ствола, вытащил и так же молча протянул майору. Тот поднёс платок к лицу, вдохнул, пожал плечами и пошёл дальше по траншее. Дед отдал платок мне. Тот пах порохом.

– Запаху бы не было, если б вправду не стреляли! – с довольной усмешкой разъяснил Дед. – Ну что, сынок, с боевым крещением тебя!

Кто желает в разведку?

Как-то весной по взводам прошёл слух, что в полк приехали два офицера набирать бойцов в какое-то неизвестное подразделение. Оказалось – в разведку. Нужно было пять человек, брали только добровольцев. Трое уже стояли на два шага впереди общего строя.

Я одёрнул гимнастерку и решительно шагнул вперёд. Позади тихо охнул Дед:

– Коля! Ты что?! Пропадешь без меня!

И, схватив меня сзади за ремень, с силой дёрнул обратно в общую шеренгу. Стоявшие рядом сдержанно захмыкали. Я, кажется, покраснел, отодвинул Дедову руку, снова вышел вперёд и представился как положено. Офицер записал мое имя.

– Ещё желающие? – спросил он.

Оставалось выбрать одного. Все молчали. Вдруг кто-то из строя громко и весело спросил:

– Товарищ майор, а как же теперь? Раз никто больше не хочет?

– Значит, пятого возьмем по приказу.

– Тогда пишите меня! – с притворной грустью, чуть помедлив, сказал спрашивающий.

– Это почему же? – развеселился офицер.

– А если по приказу, вы всё-равно меня выберите! Тогда уж лучше добровольно!

И, сделав шаг вперед, громко сказал:

– Никодимов, Николай!

«Тезка значит, – подумал я. – Интересно, почему он считает, что выбрали бы его». Я украдкой скосил глаза на будущего сослуживца, а он, чуть повернув голову в мою сторону, задорно подмигнул. Так началась наша с Никодимовым дружба.

Никодимов

Оказалось, Никодимов был разведчиком со стажем. Попав в разведку в самом начале войны, он дослужился до сержанта и стал командиром разведотделения. Но однажды «отличился» так, что был разжалован в рядовые и отправлен в штрафбат. Дело было в начале 1943-го. Очередная вылазка за «языком» для разведгруппы, возглавляемой в тот день самим Никодимовым, прошла более чем успешно – вместо одного удалось взять сразу двух немцев. Группа уже покинула немецкую территорию и оставила позади нейтральную полосу, когда неожиданно наткнулась в лесу на заброшенную лесничью избушку. Погода тем временем стала портиться – пошёл снег, поднялся сильный ветер – и разведчики решили переждать настигшую их метель, чтобы случайно не сбиться с пути. Избушка стояла довольно далеко от нейтралки и была хорошо укрыта в лесу, поэтому неожиданный визит немцев разведгруппе не грозил. Вошли. Дом, казалось, был оставлен хозяевами уже давно, но ещё

не успел обветшать. Внутри царил полумрак – тусклый свет едва пробивался через доски, которыми снаружи были заколочены окна.

Пока группа наслаждалась неожиданным отдыхом, Никодимов погрузился в невесёлые мысли. Обстановка на фронте накалялась, готовилось наступление. За «языком» посылали каждые 2-3 дня, несмотря на крепчающие морозы, сугробы по пояс и ясные звёздные ночи, когда под сияющей в полнеба луной местность просматривалась немцами как при свете прожектора. Почти после каждой такой вылазки в разведгруппе кого-то недосчитывались...

Никодимов задумчиво посмотрел на сидящих на полу связанных немцев. А что, если...

Прошло три дня. Разведгруппа Никодимова вернулась с очередного задания – снова с «языком» и без потерь в личном составе. Каково же было удивление офицеров, ведущих допрос, когда «свежий» «язык» оказался из той же части, что и приведенный разведчиками три дня назад!..

В то утро, в избушке, Никодимову пришлось в голову отвести в часть только одного из захваченных немцев, а второго оставить, чтобы в следующий раз прийти за «языком» в избушку, а не лезть во вражеский тыл. Но на допросе «второй» немец честно рассказал, когда и при каких обстоятельствах был схвачен и как просидел три дня запертым. После этого Никодимов и оказался в штрафбате. Но историю находчивого разведчика солдаты, смеясь, ещё долго пересказывали друг другу!

Потом Никодимова ранило в бою. Кровью искупив свою вину, он получил разрешение вернуться и после госпиталя попал в наш полк, а оттуда вместе со мной – снова в разведку, в 83-ю гвардейскую стрелковую дивизию 11-й гвардейской армии 3-го Белорусского фронта.

«Гитлер капут!»

В августе 1944, пройдя Литву, освободив Вильнюс и Мариамполе, форсировав Неман, мы вышли к границам Восточной Пруссии. Наша дивизия расположилась недалеко от какой-то оставленной жителями деревеньки. Я сидел на траве, прикрыв глаза, подставив лицо лучам солнца, и наслаждался передышкой.

– Николай! – Никодимов подошёл ко мне сзади совершенно бесшумно. – Вставай-ка и пойдём со мной, прогуляемся до деревни.

– Зачем это? – недовольно спросил я, приоткрыв один глаз и оглядываясь на товарища. Снова он хочет втянуть меня в одну из своих бесконечных авантюр! Был же строгий приказ – не покидать границ расположения.

– Не могу я больше эти каши есть, а в деревне наверняка что-нибудь от жителей осталось. Пошли проверим.

И прежде чем я успел что-либо возразить, Никодимов схватил меня за руку и рывком поднял с земли.

Деревенька оказалась дальше, чем мне показалось из лагеря. Только через полчаса бодрой ходьбы мы поравнялись с первыми домами. Осмотрелись – вроде никого, прислушались – тишина. Никодимов, не теряя времени, зашел в один из домов, я последовал за ним. Внутри мы почти сразу увидели целую головку сыра – тут же попробовали по кусочку, а то, что осталось, Никодимов убрал в свой вещмешок.

Мы уже вышли из дома и чуть замешкались на крыльце, решая, куда идти дальше, как вдруг со стороны хозяйственных построек раздался какой-то шум. Мы с Никодимовым замерли, а справа от нас распахнулись дверцы погреба и во двор вышел немец с автоматом в руках. «Вот и прогулялись», – подумал я, обмирая. Немец тем временем медленно поднял автомат и... бросил его на землю! Несколько секунд мы втроем молча стояли и смотрели – я и Никодимов на брошенное оружие и немца, а немец на нас. Я всё никак не мог поверить в случившееся – немец, вооружённый до зубов (помимо заряженного автомата у него было несколько гранат) сдавался!

– Гитлер капут! – на всякий случай, чтобы мы не усомнились в его намереньях, уточнил немец, поднимая вверх руки.

Первым опомнился Никодимов. Смачно ругнувшись, он поднял автомат с земли и проворчал, недовольно глядя на немца:

– Ты смотри-ка, «Гитлер капут»! Это мы и без тебя знаем! А вот что нам теперь с тобой делать-то?!

– Я, я! – ничего не понимая, кивал немец.

Никодимов посмотрел на меня:

– Может, ну его к чёрту? Пристрелим фрица и дело с концом?

Я, наконец, понял, что к чему – надо было вести немца в расположение. Но тогда придется объяснять, как он к нам попал и каким образом мы оказались в этой деревне. А ведь мы нарушили приказ и самовольно ушли с территории части. За такое нам грозил военный трибунал. Я на секунду замешкался, но потом твердо сказал:

– Нет! Я присягу давал и пленного расстреливать не буду.

– Ну тогда пошли, по дороге что-нибудь придумаем, – вздохнул Никодимов.

Да только что мы придумаем? Вернулись в расположение, сдали немца. Я пошёл докладывать командиру, а Никодимов остался ждать неподалёку.

– Товарищ майор, разрешите?

– Что у тебя, Ефанов?

– Там это... «язык» пришёл!

– Как, пришёл?!

– Да вот, пришёл сдаваться!

Майор недоумённо смотрел на меня, подняв взгляд от лежащих на столе бумаг, потом хмыкнул:

– Ага, «пришёл»! Долго же он вас, разведчиков, искал, чтобы сдать-то!

Поднялся из-за стола и, выглянув из палатки, раздражённо прокричал:

– Никодимов! Ко мне!

– Да я тут вообще ни при чём, товарищ майор! – обреченно донеслось снаружи.

– Знаю я, как ты «ни при чём»! Заходи давай!

Ох и отругал он нас тогда. И поделом, мало было – надо бы под суд.

– А если б этот немец не сдаваться сидел?! Если б у него задание было?! Вы б к калитке, а он в вас очередью из автомата, стащил бы в погреб, и поминай как звали! А в части решили бы – дезертиры, ведь задания не было, а люди пропали! – продолжал бушевать командир, от волнения шагая из стороны в сторону.

Мы виновато молчали.

– Никодимов, ну что ты за человек такой?! Разведчик из тебя хороший, а вот солдат никудышный!

– Извините, товарищ майор! Больше не повторится! – покорно бубнил Никодимов.

– Какого чёрта вы вообще туда пошли?!

– Да просто так, проверить!

– Я тебе сейчас дам «проверить»!

Но в эту минуту Никодимов, хлопнув себя ладонью по лбу, как человек, внезапно вспомнивший что-то очень важное, развязал свой вещмешок и со словами: «Товарищ майор! А мы вам тут гостинчик принесли!» – явил нашему с командиром ошарашенному взору уже трижды проклятый мною за этот день сыр...

Карандаш

Был у меня ещё один сослуживец. Звали его Карандаш. Конечно, это было прозвище, но так крепко оно к нему прилипло, что уже никто, включая нашего командира, не помнил, как звали Карандаша на самом деле. Родом он был из поволжских немцев, отлично знал немецкий язык, мог говорить на нескольких диалектах. Поэтому обычно именно Карандаша, в немецкой форме и с соответствующими документами, отправляли за линию фронта на несколько дней. Так было и в этот раз. Но сегодня шёл уже четвёртый день его отсутствия. Он должен был вернуться вчера...

Мы с Никодимовым сидели в молчаливом ожидании, каждый раз с надеждой оборачиваясь к двери при звуке приближающихся шагов. Но Карандаш всё не появлялся.

В комнату вошёл дежурный:

– Ефанов! К командиру!

Я знал, зачем меня вызывают – собирать группу на поиски Карандаша.

– Разрешите?

– Входи, Николай! Ну что, Карандаш ещё не вернулся? Тогда собрай ребят и ко мне – дам ориентировку.

Я торопливо направился к выходу... и столкнулся с идущим навстречу Карандашом! От сердца отлегло. Я с жаром пожал товарищу руку и не стал его задерживать. Карандаш зашёл к командиру на доклад, а я отправился к Никодимову.

Я знал, скоро Карандаш присоединится к нам – войдёт в комнату, как всегда сдержанный и спокойный, сядет прямо на пол, снимет

сапоги и с удовольствием растянется на спине, полежит с минуту, а потом поднимет ноги вверх и замрёт в неудобной позе. А Никодимов возьмёт ручку и начнёт аккуратно переписывать точки, палочки, цифры, какие-то схемы с карандашевых стоп себе в блокнот. Ведь Карандашом его прозвали не только из-за того, что был он высок и худощав, а ещё и потому, что он всегда носил с собой на задние маленький, в треть исходной длины, химический карандаш. Им наш Карандаш записывал себе на стопы получаемые «за линией» разведсведения в виде понятных только ему символов.

...Первое правило ведения допроса гласит: «Обыск военнопленных должен производиться чрезвычайно тщательно. Ведь пленный может хранить при себе документы, предоставляющие ценность – схемы, карты, записи и т. п.». Но разве кто-нибудь когда-нибудь догадается осматривать у человека стопы?!

«Осторожно! Мины!»

Стягивали войска под Кёнигсберг. Этот город-крепость, окружённый мощной кольцевой системой фортов, предстояло брать штурмом. Для прибывающих солдат освободили несколько поселков. Наша дивизия подтягивалась последней. Глядя на идущие впереди солдатские шеренги, я с грустью думал о том, что пока мы доберемся, все дома займут и нам снова придется спать на земле. Словно подслушав мои мысли, командир сказал:

– Да, ребят... Будем, видимо, палатки ставить.

Никодимов встрепенулся. Он-то, надо сказать, любил комфорт.

– Товарищ командир! – говорит. – Разрешите отлучиться, будет нам квартира!

Командир, помедлив, кивнул, и Никодимов побежал вперёд, в сторону ближайшего посёлка, обгоняя шагающие взводы.

Как и следовало ожидать, устраиваться на ночлег нам пришлось уже затемно. Никодимов уверенно вел нас между давно занятыми домами. Вот он остановился у двери одной из хат, потянулся к ручке...

– Ты что, ослеп?! – закричал подоспевший командир. – Или жить надоело?!

На деревянной двери мелом было написано: «ОСТОРОЖНО! МИНЫ!». Такие надписи оставляли сапёры, которые проверяли

дома до заселения. Если все чисто, писали: «Проверено. Мин нет», а если дом заминирован, то оставляли предупреждающие надписи.

Никодимов, не убирая руки, спокойно ответил:

– Да вы не волнуйтесь, товарищ майор! Это ж я написал! – открыл дверь и бесстрашно шагнул внутрь...

Мел легко стирается. Никодимов нашёл безопасный незанятый дом, затёр оставленную сапёрами надпись и начёркал свою. Естественно, этот дом никто не занял.

– Никодимов! Ты же говорил, больше не повторится!

– Так я ж не для себя, товарищ майор! Для общего блага!

Последнее

Занимался рассвет. Мы втроём – я, Никодимов и Карандаш – возвращались с задания. «Языка» в этот раз взять так и не удалось – немцы стали очень уж осторожными, даже покурить по одному не выходили. Мы уже приблизились к нейтральной полосе, как вдруг утренняя тишина взорвалась сразу сотней звуков, слившихся в единый рев, который обрушился на наши головы. Стреляли автоматы, ружья и пулемёты, грохотала артиллерия, летели ракеты. Вокруг нас, обдавая землей, рвались мины и снаряды. Было не разобрать, кто стреляет, куда и почему. Я вдавился в землю, накрыв голову руками. Сбоку подполз Никодимов и стал что-то кричать. В промежутке между взрывами я смог разобрать только «Немцы!.. Разведка боем!..» Тем временем раздалось скрежетание, шипение, свист – это ударили наши «катюши». Теперь с обеих сторон на нас сыпались недолетавшие до целей снаряды.

Мы продолжали медленно ползти вперёд. В какой-то момент мне показалось, что огонь немного стих. Я чуть приподнялся на локтях и ту же секунду почувствовал жгучую боль в груди, слева. Во рту стало солоно. Я успел подумать только: «Всё!» – и потерял сознание...

Вместо эпилога

Дедушка не погиб в том бою. Пуля, пробив ему лёгкое, вышла со спины, оставив в теле несколько осколков, чудом не задевших сердце. Никодимов и Карандаш под перекрёстным огнём тащили товарища, которого они считали мёртвым, через всю нейтральную полосу и, только миновав её и тоже получив серьезные ранения,

оставили в укромном месте, забросав ветками. На следующий день туда отправили солдат забрать тело, но те никого не нашли и решили, что разведчики в пылу сражения неправильно запомнили место. В Гольинь улетела похоронка. А дедушку сразу после боя подобрали санитары из другой части. Почти год он лечился – пуля пробила нерв, отнялась левая рука. Только в апреле 1945-го он вернулся в родную деревню, а уже в мае небо над Москвой озарилось салютом Победы.

На месте сожжённого немцами дома дедушка построил новый, лучше прежнего. Под сенью этого дома выросло четверо его детей, а мы – внуки – играли с его орденами и медалями, рассматривая ленточки и читая надписи: «За отвагу», «За боевые заслуги», «Отечественной войны II степени». Как-то я спросила дедушку о войне, и он рассказал мне эту историю.

***

«Так пусть же она будет записана для моих детей и внуков», – решила я, бросая прощальный взгляд на водную гладь озера, пошедшую рябью из-за налетевшего ветра. Пора было возвращаться домой, а то бабушка станет волноваться. Гроза всё же добралась до нашего палисадника и, казалось, решила остановиться здесь, прямо над моей скамеечкой. Вот на лицо упали первые капли, а уже через минуту стеной лил дождь – тёплый майский дождь, первый в этом году. Снова была весна на белом свете...

Я спрыгнула на землю и побежала к дому.

... Он был совсем близко – через дорогу...

Но, добежав до забора, я замерла с протянутой к щеколде рукой, не в силах отвести взгляд от калитки, будто впервые увидев её – так в этот момент поразила меня пылающая через пелену дождя пятиконечная звезда, аккуратно выведенная на железной двери красной краской.

*Автор выражает сердечную благодарность
Вячеславу Михайловичу Шерменкину за предоставленные сведения.*

Поэзия

Федосов Илья Алексеевич

Родился в Оренбурге в 1996 году. С 4 лет занимался спортом, в 2014 году поступил в СПбГАСУ. Планирует после окончания университета остаться жить в Санкт-Петербурге. Когда ему тяжело общаться с людьми, начинает разговаривать с листом бумаги. Так рождаются его произведения. В 2014 году вышел небольшой сборник его стихов «Первые строки». Не считает себя поэтом, просто через стихотворения излагает свои мысли.

Герой

Июнь... Война... И сорок первый...
 Советский батальон идёт.
 Там был солдат, не самый смелый,
 Что громких песен не поёт.

На фронт попал. Какого чёрта?
 Совсем молоденький парнишка!
 На нём одежда вся потёрта;
 Зовут его – Парфёнов Мишка.

Едва он встал со школьной парты,
 В чулан закинув свой рюкзак,
 Увидел дуло автомата
 И свору вражеских собак.

Он видел, как сожгли деревню,
 Сестру убили на глазах,
 Как в эшелон грузили пленных,
 Как утопало всё в слезах.

Ничуть не думая о смерти,
В свои шестнадцать полных лет,
Я вам скажу, а вы поверьте:
Он выглядел как старый дед.

Морщины на лице сказались
От страха пережитых дней.
Конечно, люди удивлялись:
Таких не видели парней.

Тяжёлый взгляд... И седина
Осталась пеплом на висках.
И эта страшная война
Его сжимала, как в тисках.

Ружьё не мог держать умело,
Последний самый шёл в строю.
Ну и, конечно, ясно дело,
Что он неопытен в бою.

Выстреливал всё чаще в небо,
Не попадал в своих врагов.
Кому не хватит если хлеба,
Тому помочь всегда готов.

И вот в сражении одном
Врагам пришла его расплата:
Все немцы падали ничком
От пуль советского солдата.

Не по себе на сердце стало:
Не убивал ведь никогда.
Хоть пусть фашистов было мало,
Но кровь текла их, как вода.

Пошёл Парфёнов в часть родную,
И, к командиру подойдя,
Сказал : «Я в эту ночь глухую
Убил трёх немцев, не щадя».

У Мишки ноги всё пытались
Шагать спокойней, но плелись.
Глаза слезами заливались,
И руки нехотя тряслись.

Его поднялась голова:
Старлей похлопал по плечу:
– Тебя не мучают слова
«Зачем на фронте я торчу?»

Уже найдёшь себе ответ,
Когда вопрос, малыш, задам:
Родные где ? – Увы, их нет
«Благодаря» твоим врагам.

– Товарищ, но ведь эта месть
Загнать меня может в капкан.
Но командир велел присесть
И чистый спирт налил в стакан.

– Воюешь ты не из-за мести.
Стрелять – не значит смерть любить.
Воюешь ты во имя чести,
В стране родной чтоб внукам жить.

На улице закрапал дождь,
На небе звёзды появились.
От холода бросало в дрожь,
И женщины порой молились.

Но засвистели тут же пули,
Раздался шум шагов, и вновь
Вокруг стонали все от боли
И проливалась чья-то кровь.

Березы плачут, лес шумит,
Трава колышется от гнева,
От злости гром сильней гремит,
И первый снег посыпал с неба.

В такую роковую ночь
Попал Парфёнов к немцам в плен.
Никто не смог ему помочь:
Погибли русские у стен.

Солдату повязали руки.
Потом раздели, сняли сапоги.
Прикладом били эти суки
И говорили: «Schwein, беги!»

Дошёл до места весь в крови.
Пытать фашисты стали сразу:
– Все позывные назови!
– Я дам ответ лишь по приказу.

Опять удар. Лицом на землю.
Кнутом хлытали по спине.
– Я слушаю тебя и внемлю,
Скажи всё то, что нужно мне.

И пытки длились ровно сутки –
Парфёнов Мишка все молчал,
К утру очнулся возле будки
И от бессилия стонал.

Собаки лают, и в тревоге
Мороз стучится в этот мрак.
Два пленных в полосатых робах
Парнишку занесли в барак.

Лежал на досках, видя кровь,
Он тёплый дом стал вспоминать;
Родителей своих любовь,
Постель и мягкую кровать.

Как он сидел перед окном,
Разглядывал леса, цветы.
Теперь казалось страшным сном –
Не видеть этой красоты.

Взамен смотрел на боль и раны
И слышал стоны, слёзы, крик.
Порезы на руках и шрамы
Похожи были на плавник.

Остаться здесь, чтобы страдать,
Он понимал: не хватит сил.
– Невинных бросьте убивать:
И так достаточно могил.

Увы, не смог даже подняться,
И голод мучил, нет воды.
– Нельзя же мне так просто сдаться,
Хоть и забыл я вкус еды.

Мальчонке снега принесли
Два пленных русских офицера.
«Попей, браток», – произнесли,
И в Мишке зародилась вера.

Опять фашисты показались,
Перешагнув через порог:
«Хотите есть?» – и засмеялись,
Вареный бросив им сапог.

И видя истощённым взглядом,
Один старик, с кощеем схож,
С этой «едой» уселся рядом:
Даже такой обед пригож.

Дождались пленные восхода,
Их снова начали пытаться.
– Какого ждёте вы исхода?
Не сможем Родину предать!

А Мишка время не терял.
Пока он шёл до места пыток,
Вокруг всю местность изучал,
Считал солдат, число калиток.

Прошло три месяца. Весна.
И в небесах запели птицы,
Но не закончилась война:
Парфёнов видел те же лица.

Нашел какой-то ржавый гвоздь
И сел в углу, как истукан.
Царапал стены через злость,
Нарисовать, пытаясь, план.

Колочка, проволока, забор
И часовых под 30 штук.
Прожекторами полон двор,
Собаки бегают вокруг.

Качался на ветру фонарь,
Что плесень освещал на стенах.
И вжившуюся в тело гарь
Стирали руки с кожи пленных.

На улице стояла тьма,
И показался кот на крыше.
В него стреляли, не щадя,
Фашисты с параллельных вышек.

А этот кот, как общий друг,
С барака выгоня крыс,
Как часовой ходил вокруг –
Нешадно их клыками грыз.

И в эту ночь, угля темней,
Надумал Мишка убежать.
И благо, не было дверей,
Его что могут удержать.

Он с пола встал, пошёл, хромая,
И досок пару выбил пяткой.
Дополз до брёвен у сарая,
Поглядывал назад украдкой.

Там был подкоп, за ним – свобода,
Но он не мог один уйти.
Душой не тот, не та порода:
Друзья ведь были взаперти.

Хотел по плану штаб немецкий
Поджечь Парфёнов в 5 утра.
Он парень был не самый дерзкий,
Но здесь пришла его пора.

Тем офицерам, что несли
Его зимой, открыл он путь.
Нырнув в подкоп, они ушли,
А Мишка долг хотел вернуть.

Фашисты были не в себе:
Горел их штаб в тиши ночной.
И полыхало всё в огне,
Нарушив сон их и покой.

Парфёнов слышал лай собак,
Мгновенно пронеслась сирена,
Свинцом прострелен был барак,
А он бежал уже из плена.

Потом прошёл Варшаву, Вену,
Ну и, конечно, Будапешт.
Увидел он Рейхстага стену,
Но выстрел в спину – нет надежд.

Погиб солдат у самой грани.
Все говорили: он – Герой.
Пришёл с такими именами
Триумф победы в Мировой.

Алексеев Игорь Владимирович

Родился в 1967 году в городе Йошкар-Ола.

Член Союза писателей Москвы и Московского клуба афористики.

Лауреат многих литературных премий, в том числе «Золотой телёнок» «Литературной газеты» и премии ГУВД Москвы.

В периодической печати публикуется с 1997 года. На сегодняшний день вышло более 600 публикаций как в России, так и в США, Германии, Израиле, Канаде и на Украине.

Автор трёх десятков коллективных сборников и четырёх авторских книг.

Главный редактор журнала «Содружество».

Подполковник внутренней службы.

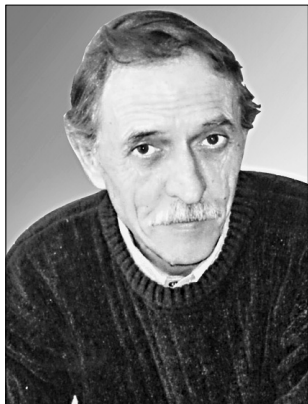
Дедова сарайка

Признаюсь честно, без кокетства,
 На свой оглядываясь путь,
 Что помню многое из детства,
 Но вот в деталях лишь чуть-чуть.
 Как раз одним из самых ярких
 Воспоминаний детских лет
 И стала дедова сарайка,
 В которой тот держал мопед.
 Зачем он только сдался деду,
 Я до сих пор не догоню,
 Ведь, как положено мопеду,
 Ломался десять раз на дню.
 Но дед упорно и ударно
 Чинил свой мощный драндулет...
 Такой он был, мой легендарный
 И удивительнейший дед!
 Что мне, однако, не мешало
 В ответ на слишком строгий вид

Приопускать своё забрало,
Алкая горький хмель обид.
Бывало чуточку вспылит дед –
Тот час насуплюсь, дурачок,
А сам всё жду, когда он кликнет:
– Эй, подсоби-ка мне, внучок!
Уж так механиком заправским
Себя хотелось ощутить,
Что даже зов, лишённый ласки,
Не мог умерить пыл и прыть.
И перестав мгновенно дуться,
В порыве мчался я святом...
А дед:
– Надень-ка шланг на штуцер
И зафиксируй хомутом.
О, да – сомнительной опорой
Была, когда не влазил шланг,
Та кисть у деда, на которой
Недоставало двух фаланг.
Увечье это, что в ремонте
Служить подспорьем не могло,
Он получил в войну, на фронте,
Где прочим меньше повезло.
Сегодня с точностью уже вам
Я констатировать могу:
Дед ранен был в бою под Ржевом,
Сражён шрапнелью на бегу.
Сначала сутки в медсанбате
Усердно утку орошал,
Потом три месяца в палате
Медикаментами дышал.
Пройдя неполный курс лечения,
Как мне рассказывала мать,
Просил врачей, чтоб в заключение
Вписали: «Годен воевать»...
Но апеллировать к начмеду,
Что бить подушкой о скалу...
И стал мой дед ковать Победу

С бригадой тракторной в тылу.
Пусть не в шинели, а в фуфайке,
Но встретил праздничный рассвет...
И вот сидим мы с ним в сарайке,
И ремонтируем мопед.
Я знаю, он не любит трёпа,
Особо под руку когда...
Молчу, как совесть эфиопа,
В себе убившего раба.
Но чуть отвлёкся от мопеда,
Стал что-то шарить в стороне,
Я тут как тут:
– Послушай, деда,
А страшно было на войне?
И призадумался «войка»,
Припоминая что-то, знать...
Потом сказал:
– Бывало всяко...
И страшно было, что скрывать.
Но даже в жуткой рукопашной,
Где жизнь подвешена на нить,
Я шёл вперёд, чтобы не страшно
Тебе на свете было жить!

И так запомнились мне эти
Проникновенные слова,
Что я поклялся быть в ответе
За то, чтоб подлая молва
Не опорочила с годами
Имён поборников добра!
Чтоб все гордились мы дедами,
Лишь добавляя пра, пра, пра...
Я ж, своего дождавшись часа,
Скажу: не хуже был иных
Мой славный дед – сержант запаса
Андрей Лаврентьич Кузьминых.

**Постников
Валентин Васильевич**

Родился на хуторе Скородумовка Каменского района Ростовской области 13 октября 1945 года. В 1964 году окончил 11 классов. В 1973 году окончил Ростовский-на-Дону государственный педагогический институт по специальности учитель математики.

После окончания института – учитель математики Калитвенской средней школы Каменского района Ростовской области. Педагогический стаж – 50 лет, заслуженный учитель Российской Федерации. В 2013 году вышел сборник его стихов «Степь Донецкая».

Сейчас пенсионер. Проживает в станице Калитвенской Каменского района Ростовской области.

Ночь перед последним боем

Последний бой! Не уж-то правда, братцы!
Последний раз косою в лицо смотреть!
Господь поможет нам в живых остаться.
Коль не судьба – достойно умереть.

Я за войну, конечно, изменился,
И жажда жить горит в моих глазах.
А на лице шрам новый появился,
Да седины прибавилось в висках.

Нам не в первой в лихом бою сражаться,
Зря погибать нам вовсе не с руки.
В который раз покажем лихomanцам,
Как воевать умеют казаки.

Не буду жизнь свою беречь я слишком
И шашкою махать для куражу.
Друзьям, отцу, мамане и детишкам,

Что я жене своей потом скажу?!
Как все, и я живу одной мечтою:
Живым с победой воротиться в дом
С винтовкой, пикой, шашкой боевою
И с верным другом – боевым конём.

А если даст судьба моя промашку,
Я точно знаю это наперёд:
Из рук отцовских выпавшую шашку
Сынок мой твёрдо за эфес возьмёт.
Спокоен я за старшего сынишку.
Жаль будет, если не увижу я,
Как казачонка, младшего братишку,
В седло посадит моего коня.

Перед последним боем дума гложет:
А так ли я на этом свете жил?
Святой Георгий завтра нам поможет,
Чей полный бант я честно заслужил.

Вздремнуть всем надо этой ночью, братцы.
Пусть будет мирным наш тревожный сон.
За Веру снова завтра будем драться,
За дом родной, Отечество и Дон.

Казачьей лавой двинем, атаманцы,
И в строй врага ворвёмся на скаку.
А круп коня показывать германцу –
Нет, не к лицу, не любо казаку!

Не всем живым нам суждено остаться,
Но перед боем мысль у всех одна:
Всем вместе надо очень постараться,
Чтобы издохла мачеха-война.

**Бикметова
Раиша Шамуратовна**

Родилась в Ташкенте в 1952 году. В 1966 году с родителями переехала в Республику Башкортостан в город Салават.

Лауреат международного литературного конкурса, посвящённого 100-летию со дня рождения Константина Симонова, который проводился в Белоруссии, серебряный лауреат национального литературного конкурса «Золотое перо

Руси!», лауреат общественной премии «Достояние столицы» города Уфы.

Писать стихи начала в юности. В 2002 году вступила в Союз писателей РБ и РФ.

Сегодня пенсионерка и всё свободное время посвящает творчеству. Печатается под псевдонимом Раиша Бик.

Мать двоих детей и бабушка пятерых внучат.

До Берлина
героическая поэма

Пролог

Тот, кто честен, спит спокойно,
И ему не снятся войны.
Гитлеру чужие страны
Виделись куском желанным:
Всю Европу захватил
И к России подступил.
В этом мире всё возможно.
Одурманив дружбой ложной,
Гитлер сладко пел: «Со мной
Покоришь весь шар земной».
Но однажды на рассвете
Разлетелись бредни эти,
Словно утренний туман.

Мирный договор – обман,
Как и пакт ненападения.
А готовилось вторжение.
Самый длинный день в году
Не сулил стране беду.
Громко пели птицы
Вдоль большой границы.
Ночке звёздной вышел срок.
Заалел едва восток,
Самолётов грозный строй
Появился над страной.
Рёв атаки, и снаряд
Мир взорвал, обрушив в ад.
И советская страна
Вмиг огнём опалена ...

Андрюшка

Спал Андрюшка у окна,
Там, где улица видна.
А когда проснулся он,
Был испуган, удивлён.
Кто стреляет на заре?
Грохот страшный во дворе.
Не проводят так ученья,
Да какие тут сомненья?
Для учений полигон
Не случайно размещён.
Или это артобстрел?
Но всему же есть предел!
Как в кино идёт бомбёжка!
И куда пропала кошка?
Был один он дома. Всё же
Началась война, похоже!
Пусть не сразу, пусть не вдруг
Победил Андрей испуг.
В крепости отец и мать –
Надо срочно разыскать.

Уж они-то знают точно,
Что случилось этой ночью.
Только вышел за порог,
Двух шагов пройти не смог –
Самолёт летит чужой
У него над головой.
И на бреющем полёте
Форму видно на пилоте.
Веер пуль прицельно шлёт
По селу чужой пилот.
Вот уже дома подряд
По всей улице горят.
Пролетают пули градом,
Всюду ямы от снарядов.
Люди ищут тут и там,
Где укрыться по дворам.
И у всех безумный вид.
Кто живой, а кто убит...

Брестская крепость

В крепость, видно, не пройти
По знакомому пути.
Но Андрей решил – пройду
И родителей найду.
Хорошо, сплошной осады
Нет ещё. И нет преграды
Для мальчишек – всё свободно,
Проскользнут куда угодно.
И Андрюшка понемногу
Отыскал себе дорогу.
Ведь недаром говорится,
Смелых даже смерть боится,
Смелых пуля не берёт.
Если надо – он пройдёт!
Где ползком, а где бегом.
Наконец с большим трудом,
Весь в пыли, он еле-еле

До своей добрался цели.
В Брестской крепости – огонь.
Насмерть встал весь гарнизон.
Взяли в руки автоматы
Женщины, юнцы-солдаты –
Западный рубеж страны
Защитить они должны.
В нападение враг неистов,
Ведь к Москве рвались фашисты.
Но беда – не всё шло гладко,
Вышла в этот раз накладка.
Видно, собирался враг
Крепость взять «за просто так».
Не случилось, взять не смог,
Встала в горле поперёк.
Бой жестокий и короткий,
Бил фашист прямой наводкой.
Стены рухнули. Солдаты
Отступили в казематы.
Ждали ночь, чтобы смогли
Всех собрать, кто полегли
Днём в бою, укрыть в подвалах
И не дать лежать в завалах.
Вот пробитая стена –
Крепость хорошо видна.
Снайпер бьёт в любую тень,
И опасен яркий день.

Стоять насмерть

Ночью в груди мёртвых тел
Мать мальчишка разглядел.
Помертвевшим ищет взглядом:
Где отец? Он тут же рядом.
Кто-то движется во тьме,
Тени пляшут на стене.
Свет луны их выдаёт,
Бьёт фашистский пулемёт.

Мальчик близкий шёпот слышит:

«Не кричи, не надо, тише!
Всех в подвалы отнесём,
Похороним их потом.
Ты не плачь, не плачь, малец!
Здесь не мама, не отец –
Здесь погибли два бойца.
Ты иди путём отца,
К фронту, парень, уходи.
Немцам в плен не попади.
Должен нашим ты сказать:
Будем насмерть мы стоять!
Пусть у нас патронов мало,
Будем биться, чтоб ни стало
Не дадим фашистам спуску,
Будем биться мы по-русски!»»

По дорогам войны

Шёл Андрюшка по дорогам,
В кровь порой стирая ноги,
Пробирался вдоль лесочка,
Прятался за каждой кочкой.
Кто расскажет, где он спал?
И кого в пути встречал?
Возвращалась в часть разведка.
Там, где рос кустарник редкий,
И нашёлся под листвой
Мальчик грязный и больной...

В Красной Армии

Кто идёт по мостовой –
Метр с пилоткой? Рядовой!
Не пригоден он пока
Для боёв, хоть сын полка.
Я открою вам секрет:
Мальчику – тринадцать лет!
Был Андрей, считай, пехота,

Но другая есть работа.
У него на попечение –
Боевое снаряженье!
Чистить, смазать он готов
Сто винтовочных стволов.
Автомат ему собрать
За минут, наверно, пять.
Всё, что нужно, делать рад
Этот маленький солдат.
Знает мальчик – час пробьёт,
И тогда Берлин падёт.
А пока что немцы злые
Взяли Минск, Смоленск и Киев,
Всю Прибалтику и Крым.
«Но Москву не отдадим!»
Враг стремился окружить,
Уничтожить, разобщить
Силы главные Советов,
К Волге выйти этим летом.
Всё же истина горька,
Что советские войска
Отступали вглубь страны –
Слишком силы неравны.
Речь по радио звучала:
«Родина в беде! Настало
Время дать отпор фашистам,
Землю мы свою очистим.
Пусть узнают наперёд,
Где агрессор смерть найдёт!»
Поднималось население,
Создавая ополчение.
Все, кто мог, шли на войну
Защитить свою страну.
Шли бои, стреляли пушки.
Командир решил: Андрюшку
Надо бы отправить в тыл,

Хоть мальчишку полюбил
Всей душою. Был он в роте
Окружён большой заботой.
Мальчуган просил остаться.
Так хотелось поквитаться
За родителей, за мир!..
Непреклонен командир:
Здесь опасно быть подростку.
Здесь и взрослому непросто.

Ранение

На разъезде эшелон.
В переполненный вагон,
Пусть и тесно в нём и душно,
Посадил солдат Андрюшу,
Сунул узелок с пайком
Под шинель ему тайком.
Тронул с места паровоз,
Зазвучала песнь колёс.
Но в знакомый многим стук
Вдруг другой вмешался звук.
И в атаку мессершмит
Над вагонами летит.
Бомба с неба угодила
В эшелон. Заголосила
Тётка с маленьким ребёнком –
Плакал он истошно, громко.
Перевернуты вагоны.
Отовсюду крики, стоны.
Медсанбат тут подоспел,
Ищет, кто остался цел.
Кто-то мальчика в охалку
Подхватил – пробита шапка.
Кровь стекает до бровей –
Надо в госпиталь скорей.
Ранен был Андрей легко,
Так сказать, неглубоко:

По касательной, по счастью,
Снял осколок лишь отчасти
Кожу с левого виска.
Жив остался сын полка.

В госпитале

Что на фронте там такое?
Сводки он читал запоем.
Что в Крыму ряд поражений
Наших войск и продвиженья
Немцев к Волге и Кавказу,
К Ленинграду вышли сразу.
Славный город окружён,
Оборону занял он.
Днём и ночью горожане
Город свой обороняли,
С верою в победу жили.
Им продукты привозили,
Топливо, боеприпасы
По «Дороге жизни» – трассе.
На заводах на Урале
Делали из прочной стали
Танки, пушки и оружие,
Что для фронта было нужно.
Вклад в Победу был высок!
Все работали, кто мог.

На фронт

Очень был Андрей сердит:
Неужели он забыт?
Стыдно, если жив-здоров,
Ждать на койке докторов.
Врач его мальчишкой, видно,
Посчитал. А как обидно!
Он ещё докажет людям.
Он, как лев, сражаться будет.
Где его родная часть?

Как бы вновь в неё попасть!
Пишут в письмах все ребята:
«Жди в палате медсанбата.
В наступление пойдём
И тебя с собой возьмём».
Отвечал: «Ждать не могу,
Вот увидите – сбегу».
Был бы только пулемёт,
Место он в строю найдёт.
С ним лежал один солдат.
Он помог попасть в отряд.
Ехали к передовой
На трёхтонке грузовой,
Что на фронт везла снаряды.
Два бойца сидели рядом.

В строю

Так вернулся наш Андрей
В размещенье батарей.
И к орудию «катюша»
Был приставлен наш Андрюша,
Там подручным он служил,
Делал всё по мере сил.
Пусть он ростом неказист,
Но зато артиллерист.
Артиллерия страны,
Всем известно, – бог войны!
И наводчик Анатолий
Был солдат весьма толковый.
А «катюша» просто зверь.
Бьёт себе, и нет потерь.
Сколько вражьих танков сбито,
Дотов огневых разбито!
Если точно подсчитать,
Выйдет ровно двадцать пять.
За сноровку всем отрядом
Их представили к награде.

Славные наши герои

После боя в час затишья
Вслух читал газеты Миша,
В блиндаже один солдат.
Слушать сводки каждый рад:
Как крушил врагов Гастелло,
На колонну фрицев смело
Бросил лётчик самолёт
В свой отчаянный полёт.
И Панфилов под Москвой
Показал, что он герой.
Насмерть стали парни биться,
Не прошли враги к столице!
Все панфиловцы – герои,
Каждый памяти достоин!
Прочитал солдатик нам –
Рейд у немцев по тылам.
Как дивизия гвардейцев
Бой вела в тылу у немцев.
На подбор все, как один,
Шаймуратов – командир!
Из башкир он родом был,
В детстве в батраках ходил,
Испытал нужду и голод.
Повзрослев, подался в город.
Он в гражданскую войну
Защищать пошёл страну.
Дрался против Колчака
В красной Армии полка,
Был в составе первой Конной,
Где командовал Будённый.
Бить противника хотелось.
Не одну медаль за смелость
Получил Минигали, –
Патриот своей земли!
Генерал им дал приказ,

Да ошибся в этот раз,
Хоть заранее предвидел,
Что отряд там ждёт погибель.
Был полковник Шаймуратов
Исполнительным солдатом,
Красной армии боец.
Понял он – пришёл конец!
И при выходе из рейда
Между сёлами погиб.
Славный подвиг не забыт!
В тот же день погиб Матросов
Александр. В день морозный
По заданию батальон
Шёл вдоль леса. Вдруг огонь.
Вражеских три пулемёта
Прикрывали путь из дзотов.
Шли к деревне. Очень много
Полегло тогда солдат.
Только нет другой дороги.
Близился уже закат.
Удалось два пулемёта
Уничтожить. Третий что-то
Бьёт, себе не умолкая.
Парень полз, в руках сжимая
Крепко несколько гранат.
Кинул. Мимо. И солдат
Грудью бросился на дзот –
Захлебнулся пулемёт.
И советские солдаты
Смело ринулись вперёд.
Так погиб на поле боя
Паренёк – и стал Героем,
Образцом патриотизма,
Смелости и героизма!

Перелом в войне. Победа!

Долго наши отступали,
Наконец врага погнали

Прочь от города Москвы.
В Сталинграде он, увы,
Тщетно рвался в битве долгой
Выйти, наконец, за Волгу.
В городе идут бои,
Волга-матушка горит.
Даже тракторный завод
В Сталинграде бой ведёт.
И понёс враг пораженья
После танковых сражений
Возле Прохоровки, вспять
Немцы бросились бежать.
Мощным, яростным ударом
Им под Курском дали жару.
После длительной осады
Враг разбит под Ленинградом,
Взят в котёл он в Сталинграде,
Проведён в Москве в параде
Жалким и позорным строем
(Шли с понишкой головою),
Чтобы Запад видеть мог,
Как фашистам дан урок.

В Берлине

Так и шёл солдатик бравый
От Москвы и до Варшавы,
От Варшавы до Берлина,
Шёл, как все, дорогой длинной.
Хоть порою было страшно,
К цели шёл своей отважно.
Хоть нелёгок этот путь,
Да нельзя с него свернуть,
Если ты идёшь к победе,
А не просто в дом к соседям,
И не просто славы ради.
Все друзья с ним были рядом.
Залпы ружей раздаются,

Люди плачут и смеются.
И в конце не на бумаге,
А в Берлине, на Рейхстаге,
Расписался на века:
«Здесь Андрей был – сын полка!»
И добавил на стене:
«Миру мир! Конец войне!»
Над Рейхстагом – красный флаг,
Верный наш советский стяг!

**Великжанин
Павел Александрович**

Родился в Ленинске-Кузнецком в 1985 году. В 1987 году переехал в Петухово (Курганская область), а в 1997 году – в город-герой Волгоград. В настоящее время проживает в городе Волжском. Работает, воспитывает сына, а свободное время посвящает литературному творчеству.

Цикл: портреты
героев Великой Победы
Диверсанты

Стихотворение посвящено знаменитому подпольщику и партизану Константину Заслонову (партизанский псевдоним – Дядя Костя), который в октябре 1941 года по собственной просьбе был отправлен в тыл врага. Там, войдя в доверие к немецким оккупантам, Заслонов стал начальником паровозного депо станции Орша и создал подпольную группу, которая развернула активную диверсионную деятельность. Впоследствии эта группа выросла до партизанской бригады. Её командир Константин Заслонов погиб в бою с карателями осенью 1942 года.

За своих до поры принимает нас враг,
Сторож-пёс не облает – облизжет,
Но смертельно опасен здесь каждый наш шаг,
В нас нередко стреляют свои же.

А приказ будет дан –
И скользнём мы в туман:

Мастера взрывов, рейдов, сожжений.
Мы без права на плен
Сеем гибель и тлен
На полях наших тайных сражений.

Кулаком и ножом снимем вражеский пост,
Склад на воздух взлетит, и обрушится мост,
И врагу, что в стране нашей что-то забыл,
Хуже фронта покажется собственный тыл.

А случится провал –
Контрразведки подвал
Не услышит ни мольб, ни признаний.
Пусть я без вести пал,
Но никто не узнал
Ни имен, ни фамилий, ни званий.

Ведь под формой чужой бьются наши сердца,
За чужим языком – наши мысли.
Если надо, свой путь мы пройдем до конца:
Встанем к стенкам и в петлях повиснем.

Да, удел наш суров,
Ни к чему много слов:
Испытаешь все это и сам ты,
Если трудной порой
Встанешь в сомкнутый строй
Уходящих в туман диверсантов.

Остров Людникова

Стихотворение посвящено Ивану Ильичу Людникову, командиру 138-й стрелковой дивизии, сражавшейся в Сталинграде осенью 1942 года. Бойцы Людникова защищали заводской посёлок «Баррикады», с трёх сторон окружённый немцами, а с четвёртой стороны отрезанный от тыла холодной волжской водой. Это место стало средоточием самых ожесточённых боёв и вошло в историю Сталинградской битвы как «остров Людникова».

Его на разноцветных картах нет.
Остался лишь в легендах этот остров,
В подшивках старых фронтовых газет –
А нынче отыскать его непросто.
Не так уж этот остров и велик:
Четыре сотни метров на семь сотен.
Но весь огромный мир тогда привык
К масштабу этажей и подворотен.

За каждый сталинградский километр
Враг дольше дрался, чем за всю Европу.
Здесь в небесах столкнулся с ветром ветер,
А под землей – подкоп навстречь подкопу.

Тот остров окружён был не водой –
Огнём, свинцом, клубами едкой пыли ...
И сорок дней не прекращался бой,
Атаки-волны в скалы дотов били.

Но даже окружённый с трёх сторон –
А за спиной ноябрьская Волга –
Сдаваться и не думал гарнизон,
Готов сражаться, как придётся долго.

Ведь Людников дивизию свою
Готовил к испытаниям суровым,
Всегда с бойцами шёл в одном строю
Полковник – богатырский, двухметровый.

Прямой наводкой разнесён КП,
И на ребре стоит судьбы монета.
По фрицев набегающей толпе
Он бьёт из наградного пистолета.

Кирпич домов бомбежкой в пыль растёрт,
Земля изрыта оспою воронок ...
Последним напряжением аорт

Здесь держится зубами оборона.

А на реке не лёд и не вода –
Шуга идёт, борта сдирая лодкам.
Подвоза нет. С патронами беда.
Стреляют лишь трофейные находки.
Нет подкреплений. Каждый на счету.
И с каждым днём все тают эти счёты...
Уходит струйкой крови в мерзлоту
Дивизия – составом меньше роты.

В санбате, вросшем в волжский бережок,
Услышав грохот «панцеров» наката,
Поднялись все – кто мог и кто не мог –
Вперёд пошли: в бинтах, как в маскхалатах.

Гранаты! Вспыхнул гитлеровский танк,
Скребут предсмертно землю пальцы траков...
Была жестокой самой из атак
Последняя отбитая атака.

Лёд встал. Резервы с тыла подошли.
Не смыло остров штормом стали Крупша.
Весь мир узнал про этот клочок земли,
На глобусе не видный даже в лупу...

Теперь здесь тихо... Память берегут
Руины дома среди буйства сада
Про островок на волжском берегу
В посёлке под названьем Баррикады.

Берлин

Стихотворение посвящено Николаю Ивановичу Масалову, сержанту 79-й гвардейской дивизии, который 26 апреля 1945 года во время взятия Берлина, рискуя жизнью, вынес из-под обстрела маленькую немецкую девочку. Этот эпизод войны был впоследствии запечатлён скульптором Вучетичем в виде знаменитого памятника Воину-освободителю в берлинском Третьов-парке.

Берлин залит дождём огня и стали,
Но детский плач был громче, чем война:
Потерянно стоит среди развалин
Там девочка немецкая одна.
А может быть, отец её в гестапо
Служил, а мать эсэсовкой была...
Но вот она лепечет: «Мама, папа» –
Из пулями оббитого угла.

И может, брат её, слепой от злости,
Всё ближе целит пулемётный ствол...
Но тут солдат, чьи дети на погосте,
Поднялся, крикнув только: «Я пошёл!»

И ринулся к немецкому ребёнку
Сквозь ливень из немецкого свинца,
В шинель дитя закутал, как в пелёнку,
Собой прикрыл, не разглядев лица.

И вытащил почти что с того света,
Солдат в зелёной каске со звездой...
И девочка спасенною планетой
К плечу его приникла головой.

Тимофеев Максим Олегович

Родился в городе Волжске в 1995 году. В 2011 году на «отлично» окончил Волжскую музыкальную школу (аккордеон), а в 2013 году – МОУ СШ № 6.

В настоящее время студент 3-го курса философского факультета Казанского федерального университета.

Имеет публикации в СМИ. Награждён медалью юных гренадеров «Память России. Вера. Отечество. Честь» (2009 г.) и медалью Правительства Москвы

«За вклад в подготовку празднования 70-летия разгрома немецко-фашистских войск под Москвой» № 1749 (2011 г.).

Своё свободное время посвящает спорту, музыке и сочинительству.

Историко-героическая баллада
о Герое Советского Союза
Зиноне Филипповиче Трохорове

Поведаю сегодня вам,
Как в один осенний день,
Много-много лет назад
Умирал в бою солдат...

Это было в Румынии...
Враг строчил в пулемёт.
На вражеской линии
Расположился ДЗОТ.

«Наших солдат было много,
Теперь остался только он...» –
Подумал о близком друге
И в бой устремился Зинон.

«Рвану я в атаку и телом
Закрою тот вражеский ДЗОТ...»
Вперёд бросаюсь напролом,
Навечно сразил пулемёт!

У него судьба святая:
За Отчизну жизнь свою отдать.
И теперь страна его родная
Будет это имя сберегать!

Отважный советский воин
Великих почестей достоин!
Гордости марийской земли
У Обелиска голову склони!

Поведал я сегодня вам,
Как в один сентябрьский день,
Более полвека назад
У села Ходок умер наш солдат...

Примечание:

Герой Советского Союза Зинон Филиппович Прохоров, уроженец деревни Большие Олыкъялы Волжского района Республики Марий Эл – мой прапрадед по линии отца.

Котляр Николай Федорович

Ванина судьба

Мрак упал на плечи, ноги, на оскал передовой

Ощетинился стволами

Враг за речкой – нам родной,

Сыро нам в окопе, зябко

Хлябь на дне его лежит

Затянутся б самокруткой,

Но нельзя курить – режим!

Режим, лежим и ждём атаки,

Обняв винтовку, как жену!

Не избежать сегодня драки,

Мы грудью встанем за реку!

Отвоевать её нам надо,

Мы твёрдо верим – возвратим

И утро шепчет – уж прохлада.

Наш день сегодня – Победим!

Заговорили батареи,

«Катюши» воя песнь запели,

И валом в реку мы вошли!

Я слышу голос справа,

Сказать я не посмел

Перед атакой генералу

Я же плавать не умел!

Теперь девиз – плыву я!

Что значиться война,

Всему она научит

Ведь жизнь – она одна!

Ну молодец, Андрюха,

Держись, гребь, плыви!

Всему мы научились дорогами войны!

Вот бросили тела свои,

На берег мы врага!

Штыками колем, режим их,
Возмездием горя!
Вдвоём с Андрюхой впереди
Плечом к плечу идём!
А вслед за нами на штыках
В бой рвётся в батальон!
С Андрюхой мы как ком из нервов
В нас каждый мускул напряжён,
И оба мы страшны во гневе!
И будто дьявол в нас вселён!
Толчок вдруг чувствую я справа.
Фонтан крови мне в щёку бьёт,
Андрюхе перерезав шею,
Косою косит пулемёт!
И больно прорезая мысли,
Огнём мне руки, ноги жжёт!
Я пламя ада ощущаю!
И четвертует эшафот!
Кровь гимнастёрку заливает!
И тело в судорогах дрожит!
В полях солдат наш умирает!
Смерть, подбираясь, торопит...
Сестричка милосердная!
Налей чего-нибудь
Чтоб мог уйти к Всевышнему
Я от тяжёлых мук!
Не нужен я калекою,
Ни детям, ни жене,
Ночами я кумекаю
Не быть уж мне в семье!
Без рук и обезножен я,
Обрубком в простыне!
Кому? О Боже! Нужен я?
Ни маме, ни жене!
Спокойно Ваня, Ванечка,
Без рук, пускай без ног!
Но жизнь одну лишь, родненький,
Нам отпускает Бог!

Кольни, сестрёнка, милая!
Христом молю, кольни!
Я вымолю прощения
О Господи прости!
Мозги у Вани светлые.
И вспоминает он,
Минуты предрасветные,
Они с женой вдвоём!
Перед разлукой долгою
Припавшая к груди
Шептала ему Аннушка
Взахлеб слова любви!
Затем на полустаночке
С семьёю он стоял,
И маму, и жену свою
К груди он прижимал!
Неподалёку стояли сыновья,
В глазах у них не детская слеза!
Уж ежели виновны мы перед тобой – прости!
Воюй спокойно – с победой приходи!
Как молнией ударило!
По мыслям – приходи!
На чём сейчас пойду я к ним?
Я не смогу ползти!
И, умирая, говорю последнее «прости»!

**Карпунина
Валентина Евгеньевна**

Родилась в городе Николаеве 31 декабря 1954 года.

Сейчас на пенсии. Лауреат премии им Н. Аркаса. Состоит в старейшем литературном объединении «Стапель». Вышивает иконы бисером, пишет музыку, песни, стихи. Автор сборников «Есенинские мотивы», «Отзвуки сердца», «Незабываемое». Печатается в коллективных сборниках.

Помянем обычаем русским

– Ни шагу, ни шагу, ни шагу назад! –
Кричал командир третьей роты.
Бранился по-русски. Война – сущий ад!
– Вперёд! Новички-желтороты!

Фашистскую нечесть сравняем с землёй,
Не зря в бою головы сложим!
Вперёд! Лейтенант, огоньком нас, прикрой,
Умрём, фрицев мы уничтожим!

За Родину! – знамя поднял командир.
И это бойцов подбодрило.
– Я – «Сокол», я – «Сокол», – связной говорил,
Я... Пуля связного убила...

Горела земля под холодным дождём,
Кромешная темень настала...
«Земля», я – «Земля», мы вам помощь везём,
Я – «Сокол»... Сестричка шептала...

И это всё в прошлом... Но память жива,
Победа! Победа за нами!
Окопы, траншеи – сравняла трава,
Но память сильнее всё с годами!

Возложим цветы, о погибших скорбя,
И голову низко опустим...
Частицу души оторвём от себя,
Помянем обычаем русским.

Чудинова Елена Александровна

Родилась 29 апреля 1971 года. Проживает в Московской области в городе Химки.

В 1992 году окончила с отличием Московский государственный институт культуры по специальности режиссер-постановщик зрелищных программ. В том же году поступила в аспирантуру того же института, где обучалась до 1996 года.

С 1992 по настоящее время работает сценаристом и режиссёром массовых

мероприятий, концертов и иных событий.

Замужем, воспитывает дочь.

«Мы – молодая гвардия!»

Памяти подпольной комсомольской организации «Молодая гвардия», действующей в городе Краснодоне, Ворошиловградской области в годы Великой Отечественной войны посвящается.

***

В 1990 году город Ворошиловград переименован в город Луганск.

1

В школе номер один (в обычной школе),
Я учился со всеми, чтоб стать мудрей.
Мечтал стать не гвардии героем,
А инженером мирных кораблей.

Я до дыр перечитывал классику,
Всю: от русской до мировой.
В пионеры принимали всем классом.
Меня звали – Олег Кошевой.

Смолянистые жгучие волосы,
Заплетённые туго в косы.
Дневники вела и газетные полосы.
И зарю так любила, и росы.

Про меня говорили: «Гордая!»
Не то казачка, не то дочь цыгана?
Статная, сильная, даже упёртая.
Я – Громова Ульяна!

Меня в школе дразнили профессором,
За очки на носу и суждения.
Книги, шахматы – вот мои интересы.
Обладал даром я убеждения.

Я ценил дом, семью, родословную.
Мне давались рифмы стихов.
Я любил эту жизнь? Безусловно!
Меня звали – Иван Земнухов!

Боевая, весёлая, смелая
В школе и в агитбригаде.
На стадионе – рекорды, а на сцене ...
На сцене петь любила, на эстраде!

И в балетную школу ходила.
Тренировки, репетиции вновь и вновь.
Легко на себе весь мир носила.
Это я – Шевцова! Любовь!

Заводила, душа компании,
Предводитель ватаги ребят.
Вместе с Любой Шевцовой часто
Оказаться на сцене был рад.

Авиацией грезил, небом!
Занимался, учился без лени.
Мне бы вырасти, ах, мне бы!
Меня звали – Сергей Тюленин.

Это был день бешеный!
От бомб – на земле рубцы.
По травам, ещё не кошенным,
Из пушек бомбили немцы!

По нашему городу, улицам,
По шахте, дворам и домам,
От солнца тёплого жмурясь,
Немцы лупили по нам!

Люди город покинули.
Детей, стариков увезли.
В повозки самое главное кинули.
Уехать не все смогли ...

Остались, открыли двери.
И в город, в наши дома
Вошли вовсе не люди – звери!
В город вошёл сатана.

Девчонок – за косы.
Отцов – на колени.
Ведут на допросы,
Склоняя к измене.

Теперь в наших хатах –
Штабы, казармы.
Повсюду солдаты,
Караул и жандармы.

Железные марши
Звучат словно шутки.
Мы вдруг стали старше
За первые сутки.

3

Мама, мне нужно тебе признаться.
Смотреть на всё нестерпимо больно,
Я решил: нужно с немцами драться,
Думаю, не открыто нужно, подпольно!

Спишь? Мам, ты спишь? Устала.
Полотенце красивое вышила.
Я признался, сказал, а ты не узнала.
Не слышала – плохо! Хорошо, что не слышала!

Я вырос, мама! Мне уже пятнадцать!
Молчишь, не смеешь мне возразить.
С врагом могу я на равных драться!
И мир на родину возвратить!

4

Кидаем клич по своим, тайно:
«О наборе особенной группы».
Тут нет места людям случайным.
Немцы – подонки, но они не глупы.

Собираем тех, кому как себе верим,
Комсомольцев – нам не нужны шестёрки!
Собираем товарищей, только проверенных.
Формируем группы в пятёрки.

Ребята, пока нас мало, нас немного,
Но разве дело в количестве?
Даже один может взорвать дорогу.
Вывести из строя электричество.

Нет! Не то! Это мелко очень.
Есть кое-что посильнее орудий.
Мы уничтожим их в клочья!
Мы поднимем дух народный!

Мы напишем листовок тысячи,
Мы заставим людей воспрянуть!
Мы наклеим их всюду, слышите,
Всюду клеим, куда ни глянуть!

5

Взорвалось звериное логово!
Зашипело от простой бумаги.
Мальчишки вам дали фору?!
Вам страшно от такой отваги?

По городу поползли слухи:
«Мы не одни, с нами партия!»
Такие начались заварухи...
Так родилась – «Молодая гвардия»!

6

Я, вступая в ряды «Молодой гвардии»,
Перед лицом друзей по оружию,
Не ради себя, а мира ради
Клянусь истреблять нечисть вражью!

Я клянусь мстить беспощадно.
За разорённые города и убитых!
Выполнять любое задание,
Пока враг не будет разбитым!

Я отдам свою жизнь, не думая,
Без сомнения и колебания!
Если струшу, или предам я,
Или выдам врагам я тайну...

Пусть суровая рука товарищей
Покарает меня за предательство.
Стану проклят, сгорю в пожарищах!
За несдержанные обязательства!

Кровь за кровь!
Смерть за смерть!
Клянёмся!

7

Завтра особенный день, праздник.
Завтра 7 ноября!
Можно его праздновать по-разному,
Но не праздновать его нельзя!

Мы поднимем знамёна красные,
Над всем городом, пока он спит.
На высокие здания влезем, на разные.
Заревом небо пусть окропит.

Невозможно, решите вы? Нереально?
Не по зубам такое? Мол, салаги?
А мы решили: «Всё простое – гениально» –
И на все школы водрузили флаги!

Проснулся город, взглянул и ахнул!
Обнялись все и друг друга поздравили.
Генерал немецкий по столу так бахнул,
Что подчинённые там штаны и оставили.

«Найти! Расстрелять! Повесить!
Флаги приказываю снять!»
Но мы догадались в довесок
На школах «мины» написать.

Бегали немцы по крышам,
Рвали полотна разные.
А город встречал, слышишь,
И пел свои песни красные!

8

Такого, как он, мы звали предателями.
Он пальцем тыкал в своих, выдавал.
Такие, как он, по тылам заседатели,
Лучших из лучших людей продавал.

Доносил на партийных работников.
Немецкий прихвостень! Шкура продажная!
(Он и раньше не ходил на субботники).
Было бы можно – убили бы дважды!

За деяния и преступления,
Против советского народа,
Приговор привести в исполнение:
Повесить врага народа!

На центральной площади
Ночью предателя – приговорили!
Он просил пощады,
Но мы его не простили.

9

С каждым днём в рядах прибавление.
Все охотно вступают в Гвардию.
Вот уже и особые поручения
Выполнить доверяет партия:

«В бараке, на окраине города,
Политических готовят к расстрелу.
Освободить пленных надо!
Думать некогда, сразу к делу!»

От постов избавились.
Открыли ворота.
Выходите на улицу!
Выходите! Свобода!

Рванули пленные,
Еле живые, но живо!
Растворились в городе.
И остались живы!

Кто к жёнам вернулся,
Домой в хаты.
А кто к партизанам
Воевать, в солдаты!

Мы не владели военным искусством.
Куда нам в пятнадцать лет?
Но фашистов дразнили искусно,
То ночью диверсия, то поджог в обед!

То там, то тут – повсеместно.
Своими командами по пять человек,
Устраивали на весь город известные
То угон, то кражу, то побег!

Горожане не знали наши лица.
И подумать не могли они тогда,
Что молодой бы гвардии ещё учиться!
Что Гвардия настолько молода!

Мы не умом выполняли приказы.
Не умом, исключительно сердцем!
Просчитать это немцам удалось не сразу.
Сначала мы задали им перца!

10

Беда, ребята! Списки готовы,
Для отправки в концлагеря на каторгу!
Две тысячи жителей наших погонят
В Германию, фашисты проклятые!

Необходимо спалить канцелярию!
Необходимо уничтожить документ!
Списки, досье, комментарии!
Как это сделать? Улучить момент!
Организуем концерт для фрицев.

И в это время, под ночным покровом,
Пусть сгорит канцелярия, а они хлопают,
Пока танцует Любовь Шевцова!

Как польхало здание!
Как ярко оно пылало!
Танцуй, Люба! Танцуй!
Ах, как она танцевала!

11

Сказать, что немцы огорчились?
Значит – просто промолчать!
Они, свирепые, по городу носились!
Такие списки потерять!

Две тысячи человек теперь спасены!
Но город затих. За нами пришли.

За каждым из нас пришли, и нас взяли.
Ночью и днём забирали, без повесток.
Одни говорят, нас предали, сдали!
Другие твердят про неизбежность арестов.

Про то, что было дальше в застенках,
Рассказывать подробно не будем!
Синяки, побои всех оттенков,
Что вы хотите, ведь они – не люди!

С нас спрашивали по-настоящему
Без скидки на возраст, без правосудия!
Девочка хрупкая пред ними стоящая
Шептала: «Они – не люди».

Нас узнать было трудно, истерзаны.
Искалечены и тела, и судьбы.
Но дух был жив! Хоть силы исчерпаны.
Что вы хотите, ведь, мы же люди!

12

Для нас, людей, слово «боль» богаче!
Для нас, людей, «боль» понятие шире, выше:
Больно смотреть, когда мама плачет.
Тихонечко так, чтоб никто не слышал.

Больно видеть, когда весною ранней,
Огромный шмель ужалит брата.
Больно смотреть, как стареют руки
Бабушки навсегда, безвозвратно.

Больно пристыдит отец: «Сынок!» –
И влепит за яблоки из соседнего сада.
Больно видеть, когда твой щенок
Поскуливая, хромает на трёх лапах.

Больно, когда выпускники расстаются.
Когда школьный рассвет прерван.
Больно, когда шрамы от любви остаются.
Пусть даже наивной и первой.

Ещё тысячи случаев и примеров,
Про то «больно», что вам непонятно.
А ваши пытки! (Сказать откровенно) –
Вовсе не больны, они невняты!

После долгих пыток нас казнили.
Патроны не тратили, в шахту бросили.
Более ста человек из нас убили.
Спаслось немного – восемь.

Мы сами пришли к месту казни.
На шахте и раньше бывали:
К отцам приходили, на праздники,
К штольням, уголь где добывали.

13

Тихо так было, и мы вниз летели.
Заметьте, летели, не падали!
Мы в это мгновенье жить так хотели!
Думаем, объяснять не надо вам!

Мы и без ног – шагаем в историю!
Мы и без глаз – смотрим в будущее!
Мы силой воли – сберёжем территорию!
Мы и без жизни – живые, могучие!

Мы и без рук – подпишем вам приговоры!
Мы и без языков – споём свои партии!
Бойтесь враги! Изверги, захватчики, воры!
Бойтесь нас, «Молодую гвардию»!

14

В школе нашей, в обычной школе,
Я учусь, чтоб стать мудрей.
Мечтаю стать не гвардии героем,
А инженером мирных кораблей.

Смолянистые жгучие волосы,
Заплетённые туго в косы,
Я веду дневники и газетные полосы.
И зарю я люблю, и росы.

Меня в школе дразнят профессором,
За очки на носу и суждения.
Книги, шахматы – вот мои интересы.
Обладаю даром я убеждения.

Боевая, весёлая, смелая,
Тренировки, репетиции, хор,
В балетную школу бегаю
Перетанцюю всех на спор.

Заводила, душа компании,
Предводитель ватаги ребят.
Вместе со всеми часто
Оказаться на сцене я рад!

Авиацией грежу и небом!
Занимаюсь, учусь без лени.
Побывать очень хочу я
В школе имени Сергея Тюленина.
Имени Ульяны Громовой,
Имени Ивана Земнухова,
Имени Любви Шевцовой,
Имени Олега Кошевого...

Валуева Диана Александровна

Родилась 23 октября 1986 г. в городе Новый Уренгой. Проживает более 10 лет в Тюмени. Пишет стихи с 16 лет на разные темы. Произведение, представленное на конкурс, было написано за 2 дня (22–23 февраля 2015 г.). О войне ей рассказывали бабушка и дедушка, участник ВОВ.

В память о погибших

Дорогие мои ветераны,
Я пишу этот стих для того,
Молодёжь чтоб отчетливо знала,
Пережитый людьми холокост.

Бабий Яр

Погибли братья, сестры наши,
Пусть будет пухом им земля,
А память вечно сохраняет,
И помнит всех их, до конца.

Как звери, немцы продвигали,
Свой ужасающий сюжет,
Идеологией страдали,
Стереть евреев жалкий след.

Мимо могил своих же предков
Вели евреев умирать,
Стреляли женщин, малых деток,
Телами застлан весь овраг.

Игрушек детских, фотографий,
Одежды, обуви, тряпья,
Их сверху просто накидали,
Ещё на тёплые тела.

Те палачи, что измывались,
Губя невинные сердца,
От всей картины надрывались,
Сходя в истерике с ума.

Весь это ужас, что творился,
Хранит теперь мемориал,
Ему мы можем поклониться,
На Бабьем Яре побывав.

Аушвиц-Биркенау (Освенцим)

Земля дрожала и стонала,
И ужас был в её глазах,
В Освенцим снова подъезжала,
Людей огромная толпа.

Их ежедневно привозили,
В холодных, грязных поездах,
Примерно четверть уводили,
Травили газом, напоказ.

Я дальше плачу, сожалею,
Что с ними делали они,
Их никогда не пожалею,
Морили, мучили и жгли.

А Хёсс, всё время утверждал,
Как был свидетелем нацизма,
Что жалость сразу подавляя
И уступал решимости.

СС послало в Аушвиц,
Функционеров партии,
Чтоб посмотрели весь тот страх
Вопросов ликвидации.

Все те, кто раньше говорил,
О мерах подавления,
Стояли в полной тишине
Под полным впечатлением.

А фюрер громко ликовал,
От донесений партии,
Указы новые давал,
Для продвижения нации.

Бухенвальд

Все знают лагерь в Тюрении,
С названием страшным Бухенвальд.
Доверен Коху в управление,
В строю ещё один, палач.

Нам слоган лагеря известен,
Ведь смысл ясный он несёт,
Но сколько боли, унижений,
А им всё: «Каждому своё».

А как красиво в переводе,
Звучит название «Бухенвальд»,
Но ничего же, кроме горя,
С ним никогда не сочетать.

До нас дошли все документы,
Страданий, муки и мольбы,
О том, как узники просили,
Не ставить опыты на них.

Их заражали и травили,
Бросали к людям дальше гнить,
Они молились и просили,
Их от болезни излечить.

Каким жестоким было время,
Погибших столько, что не счесть,
Но фюрер понял – всё напрасно,
Россию им не одолеть.

Давайте помнить, о погибших,
Чужих, своих не забывать,
Не только в праздник День Победы
Об убиенных вспоминать.

Дахау

Дахау – первый лагерь смерти,
Не позабыть его никак,
Пропитан болью, страхом, мстью,
Губили души там в тисках.

Я не могу никак поверить,
Что Эйке лагерь сотворил,
Наладил пыток в нём систему
И много лет руководил.

Там так же, как и в Бухенвальде,
Морили голодом людей,
Их плетью, палками пытали
И забивали до смертей.

В Дахау узники рыдали,
Но их не слышал там никто,
Травили газом, убивали
Фашисты, жуткое зверье.

Возвращение фашизма

О Боже, люди, что творится?
Опять кровавая война,
Фашизм вернулся в Украину,
Открылись снова ворота.

За Крым Россию обвинили,
Навешав санкций 3 мешка,
Майдан, так снова тут Россия,
Везде нам тычут, виноват.

Страдают люди в грязных играх
И умирают ни за что,
А вот политики ликуют,
Урвав куски, как шакальё.

Забыли ужас пятилетний,
Ведь легче всё переписать.
Земля всё помнить будет вечно,
Костей ненайденных храня.

В совхозе «Красный» умирали
Десятки, тысячи людей,
За что в те годы погибали,
Чтоб не дожить до наших дней?

Кричат нам люди: «Помогите!»
Мы откликаемся в ответ,
«Разрушен дом, нас приютите!»
Везём к себе их на ночлег.

Так в чем Россия провинилась?
За помощь первыми в беде?
За что ЕС так ополчилось,
Навешав санкции в ответ?

Эпилог

Спасибо нашим ветеранам,
Кто отстоял нам нашу честь,
Не перед кем не преклоняясь,
Достоинo немцам дав ответ.

Я преклонюсь и поцелую,
Всех тех, кто смог войну пройти,
Я помолюсь и продиктую,
Кто не дожил до наших лет.

**Колесникова
Людмила Александровна**

Родилась в 1980 году в Казахстане. В 1984 году переехала с родителями на Алтай, сейчас живет в селе Алтайское Алтайского района Алтайского края.

Окончила Бийский государственный педагогический университет им. В. М. Шукшина по специальности учитель русского языка и литературы. В 2009 году была принята на работу учителем-филологом в МБОУ АСОШ № 5.

Все свободное время посвящает литературному творчеству: пишет стихи, поэмы, песни, публикует свои произведения на поэтическом портале Стихи.ру

Диалог внучки и бабушки

Посвящается моим деду Шмелёву Андрею Емельяновичу
и бабушке Шмелёвой Татьяне Николаевне.

– Война!
Как много боли в этом слове!
Война!
Душа на части рвётся!
Зачем она?
Зачем войной зовётся?
Хотелось нам дышать и жить на воле...
– Ну, милая, не плачь, не плачь, бабуля...
Прости, что вновь задела эту тему.
Поверь, расстраивать тебя я не хотела,
Но так мне хочется про жизнь твою узнать,
Ты расскажи, как приходилось кушать, спать?
Ты расскажи, бабуль, как есть, мне интересно...
– Ну что ж, садись и слушай, –
Жили тесно.
Изба худая, ребятишек много,

Твоя вон мама пятой народилась,
 А дед Андрей с войны пришёл безногий ...
 – А как же так, ранение такое?
 – Да, дочка, мина и шальная пуля,
 Один остался дед на поле боя,
 Совсем один ...
 – Ну как же так, бабуля?
 – Вот так, родная. Полегли солдаты дружно,
 А бой идет, фашисты подступают ...
 – А дед Андрей, ему бежать ведь нужно?
 – Глупышка, на войне такого не бывает.
 Один твой дед, но до последнего сражался,
 Гранату в руки и под танк забрался ...
 Сейчас как наяву картину вижу:
 Лежит под танком, а фашисты ближе, ближе ...
 – И что же он задумал, умирать?
 – Как помнится мне по его рассказам,
 Задумал дед фашистов подорвать ...
 – Бабуль, так что ж, у деда получилось?
 – Как видишь, только так сложилось,
 Что ноги уберечь не смог твой дед,
 Зато народ наш защитил от бед ...
 – Да, защитил, теперь с небес глядит на нас ...
 – Он и на небе нас оберегает, –
 Те, кто войну прошёл, те правду знают,
 Как тяжела война ...
 – А дальше, бабушка, как встретились, как полюбили?
 – Об этом позже, дочка, не сейчас,
 Устала ... сердце от воспоминаний ноет ...
 Герой твой дед, об этом помни каждый час!

Осипова Тамара Ивановна

Родилась в Новороссийске в 1946 году. В 1964 году окончила Иса克林скую среднюю школу в Куйбышевской области с золотой медалью, а в 1970 году – Куйбышевский политехнический институт. Работала инженером на Волжском автомобильном заводе до 2009 года.

Сейчас на пенсии. Секретарь литературного объединения «Творческий почерк» в городе Тольятти, печаталась в сборнике «Человек, живущий на земле», газетах «Трудовая жизнь», «Иса克林ские вести», «Волжский автостроитель», «Парус».

Переправа

«Прикрой меня, Иван, я уйду...
И переправу фрицы обстреляли.
Не знаю, долго ль здесь я проживу,
Увижу ль я тебя, сама не знаю...
Мне лишь бы раненых
На левый берег Дона...»

За канонадой не услышал он,
А бой гремел, и думали здесь оба
О том, что каждый дома не успел.

Он не успел обнять своих мальчишек,
Она – проститься с мамой и сестрой,
А бой гремел, и не было здесь слышно,
Земля стонала. Шёл здесь страшный бой...

Она уходит быстро, не простившись.
Он крутит телефонный аппарат:
«Земля, Земля, ты слышишь, это «Сокол»
Земля, ответь, я «Сокол», «Сокол» я!»

Земля молчала. Видно оборвали
Ту ниточку надежды от Земли,
А бой гремел, и раненые ждали
Не милости, а доброты семьи...

Земля молчала, кажется, так долго,
Как он её упрямо вызывал.
И наконец, когда надежда вовсе
Уж покидала страшный свой приют:
«Земля, я – «Сокол», жду твою команду!
Давай прицел, а то всех нас побьют...»

И «Сокол» выдал: «Бей прямой наводкой
Туда, где я команду отдаю,
Да не смущайся, брат, когда отправим лодки,
Я снова здесь «Катюшу» запою!»

Ковалёв Иван Павлович и Верещаго Ольга Павловна

Воронин Андрей Викторович

Родился в Москве в 1956 году. В дальнейшем проживал по месту службы отца – в Североморске, Полярном. В 1960 году переехал вместе с родителями в Тулу. После окончания Тульского высшего артиллерийского инженерного училища проходил службу на Дальнем Востоке. В 1990 году вернулся с семьёй в Тулу, где и проживает до настоящего времени.

Офицер запаса. Работает в службе безопасности. Свободное время посвящает литературному творчеству и путешествию на велосипеде. Профессиональный фотограф.

Женат, воспитывает двоих детей.

Их было 616...

*Посвящается Архипову Леониду Даниловичу,
выпускнику Тульского оружейно-технического училища 1941 г.,
и всем курсантам...*

«... Тульскому оружейно-техническому училищу с двумя ротами сапёрного батальона 330 сд выступить из Тулы в 14.30 3 октября и к 20.00 3 октября занять для обороны рубеж по северовосточному берегу реки Зуша в районе города Мценск с задачей прикрыть шоссе на Тулу. Подготовить минирование шоссе на участке Мценск – Самозвановка. Оборонительные работы и подготовку минирования закончить к 6.00 4 октября...»

Их было 616... Очень юных и очень смелых.
Пусть ещё необстрелянных и не знавших любви.
Это было под Мценском, шёл октябрь 41-го.
И курсантское сердце горело в груди...

Пал Орёл... На столицу открылась дорога.
С юга грозные тучи собирались в «ТАЙФУН».
Прозвучала в училище гулко: «ТРЕВОГА»!!!
Батальон на рассвете вышел к полчищу «Гунн».

Пулемётная рота, стрелковые роты,
Трёхлинейка родная и комвзвода – отец.
Первый бой... Рукопашная... Будни пехоты,
Где в стремительной схватке только штык молодец.

Двадцать дней продолжалась оборона на Зуше,
Двадцать дней полыхали в округе поля.
В эти дни потеряли действительно лучших,
Но врага задержали... Будь им пухом земля...

Эшелон на восток, выпускной лейтенантов.
Фронтные дороги развели технарей.
До Берлина шагали, грома оккупантов,
Защищать свою Родину – нет работы важней.

Поколение ВЕЛИКИХ постепенно уходит,
Но останется память у людей на века.
Возродится училище Тульских Героев,
В рост поднимется снова Родная Страна...

Кошкин Сергей Валерьевич

Родился 31 января 1979 года в городе Чебоксары Чувашской Республики. Служил в рядах Российской армии.

Окончил физико-математический лицей, педагогический институт и юридический факультет кооперативного института. Работал в АО «Чебоксарский завод имени В. И. Чапаева», на Чувашской таможне, в Минобразования Чувашии в управлении Рособнадзора. В настоящее время – менеджер.

Женат. Сыновья – Даниил и Артём.

История любви

Народ российский не из робких -
Живём-то как одна семья.
Вновь на параде мы в «коробке»
И справа третий – это я!

Страну мы защитить готовы,
Хоть и бои прошли уже,
Нести достойно дал я слово
Свой крест на волжской стороне.

Не первый год идём мы строим,
Но всё ж в ногах пружинит дрожь,
Волнение своё не скрою –
Чтит ветеранов молодёжь!

И что мне дорого и любо,
За что я юность не браню:
Ведь, как тогда в Европе, люди
Цветы бросают на броню.

При орденах мой дядя Ваня
И тётя Настя рядом с ним.
Защитники – нет выше званья!
Мы им спасибо говорим.

Герой Хасана, парень ловкий
И получивший ряд наград,
Прошёл танкистом он Сычёвку,
И отстоял он Сталинград.

Был другом Винокуров Слава,
Жаль, что попал в число потерь...
Но помнит славная держава
Своих героев и теперь.

«Близки нам, как «аз, буки, веди...»,
Свои поля, леса, луга.
За Сталинградом путь к Победе
Открыла Курская дуга.

Народов дружба – наша крепость,
Национальная черта.
«Берлинский горе-архитектор» –
В строительстве нам не чета.

Ошибся Гитлер-полуночник:
Свой план секретный «Цитадель»
«Несостоявшийся художник»
Воздвигнуть из песка хотел.

Не подвела нас и разведка,
И начеку Генштаб наш был,
Да, вспоминаем мы нередко
Весь фронт, конечно же, и тыл.

Под Курском – адские сраженья;
Смешались небо и земля...
К танкистам – наше уваженье,
О них хочу напомнить я.

Через терпение и муки
Смогли врага там победить.
К танкистам приезжал сам Жуков,
Чтоб лично поблагодарить.

Война – не шуточные игры,
Быть бдительным она велит:
В бою подбил наш Ваня «тигра»,
Ну, а другим был сам подбит.

А от рожденья до погоста
Всего один лишь шаг-другой,
И покидать совсем не просто
Горящий танк, что дом родной.

Был ранен, но помог соседу,
Сказав: «Мой брат, давай, держись,
Должны дойти мы до победы,
Не так должна кончатся жизнь».

Но вновь, к тому ж, настигла пуля,
Прошила ткань ноги насквозь,
Подумал: «Ах, конец ходуле,
Она ведь что машине ось...»

Он зубы сжал: «Ещё не вечер,
И кто сказал: «Иван капут»?..
Не дав упасть, подставил плечи –
Кто ж оказался тут как тут?

А глянул: хрупкая девчонка!
Чуть стало стыдно – сам не свой:
«Ах, петь бы ей со сцены звонко.
Не быть же на передовой!»

Перевязала быстро рану,
Жгут наложила медсестра:
«А помирать, – сказала, – рано,
Так продержаться б до утра...»

В дороге санмашина, точно,
Но медики не знают сна,
Тут военврач сказал: «Нам срочно
Для парня кровь сейчас нужна!»

Сестричка Настенька-Настасья,
Как донор, кровь свою сдала.
Признался он: «Я – в Вашей власти,
Ты так прекрасна и мила.

Жди, подустав в военных трясках,
И верь, нам вместе быть с тобой...»
Не долечившись, он в повязках
Друзьям на помощь рвался в бой.

Горел он дважды, трижды ранен
И всю Европу «пропахал».
У смерти был на самой грани,
Но о своей любви мечтал.

Да, час свидания был длинным:
Пути-дороги разошлись.
Как снова встретились в Берлине –
Светлее стала сразу жизнь.

Вновь рядом оказалось счастье;
Добро всегда сильнее зла.
Любовь нашли Иван и Настя.
А может, их любовь нашла?!

Любовь испытана войною
И миру подарила мир,
Пред их божественной любовью,
Знать, шляпу снял бы сам Шекспир!

По двадцать лет тогда им было
Под Прохоровкой в том году,
Судьба их беспощадно била,
Зато теперь в одном ряду!

Трудился Ваня на заводе
И выпускал здесь трактора.
В почёте Настя у народа
Да так же, как все доктора.

Полковник-сын силён в науках,
Ему уже за шестьдесят,
И армию прошли все внуки:
Своё геройство подтвердят!

Всем дорога роль Курской битвы
В истории побед страны,
Не прекращаются молитвы,
Чтоб больше не было войны.

Хвала и честь – победным датам:
Своим сынишкам говорю:
«Я остаюсь всегда солдатом
И сердце Родине дарю!»

Уметь любить и быть любимым –
Вот где связующая нить.
В беде мы не проходим мимо
И наш народ не победить!

Становится всё меньше, видно,
Спасавших нас, о чём и речь.
Они смогли... До слёз обидно,
Что их никак не убережешь.

Но так устроена Россия:
Питают Волгу родники,
Оттуда – чистота и сила
Великой матушки-реки.

Нас берегут святые мощи,
В душе звенят колокола,
Поэтому у молодёжи
Достойные идут дела.

Нет у любви конца и края:
Гори, свеча, у алтаря!
Храни себя, страна родная,
Несокрушимая моя!

Семёнова Елена Николаевна

Родилась в 1970 году в городе Онега Архангельской области.

После окончания Поморского государственного университета им М. В. Ломоносова (ныне – САФУ) работает учителем русского языка и литературы в школе № 55 города Архангельска.

В свободное время пишет стихи. У неё трое детей.

Победитель городских конкурсов литературного творчества педагогов «Небесные струны», «Пасха светлая», лауреат конкурса «Языка нашего небесна красота» Северо-Западного региона. Номинирована на премию «Наследие» Российского императорского дома и премию «Поэт года» портала «Стихи.ру».

Мой дед войну нечасто вспоминал

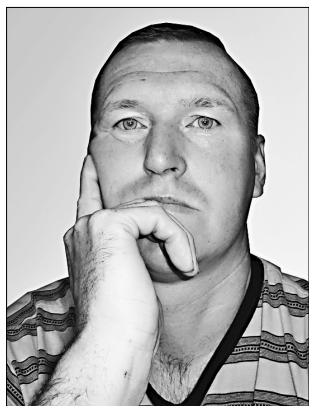
*Посвящается моему деду, моряку-североморцу,
участнику северных морских конвоев.*

Мой дед войну нечасто вспоминал
Наверное, хотел забыть тот ужас,
Когда, цепляя мин слепых металл,
Их тральщик шёл, морскую даль утюжа.

«Там было страшно!» – краток был ответ
На мой вопрос о тех годах суровых.
Хоть разговорчив был мой добрый дед,
Но о конвоях – даже вскользь – ни слова.

«Кормили нас отменно, моряков,
На берегу встречали, как героев...»
Но никогда о том, как нелегко
Пройти дорогой северных конвоев.

Он был матрос. С тельняшкой своей
Не расставался... Зимнею порою
Его мы так и схоронили в ней –
Североморца, моряка, героя.

Шалов Александр Валентинович

Родился 3 января 1973 года в деревне Ивкино. Окончил школу в посёлке Дулятино. Работал механизатором, электромонтёром.

Одним из его увлечений являются стихи. В 2011 году в литературно-поэтическом конкурсе «С любовью к земле Середской» был награждён поощрительным призом за акростих «Фабриканты села Серёда». Стихотворение «Смута» опубликовано в газете «Новая жизнь» в ноябре 2012 года. Ещё одно, посвящённое войне в Афганистане, – в книге Е.С. Еришовой «Обязаны помнить... Афганистан: Владимир Шумилов» (2014 г.).

Живёт в городе Фурманов Ивановской области.

Мы терпели лютый холод

Мы терпели лютый холод.
Тяжело жила страна.
Временами был и голод,
Что поделаешь – война.

Дождик льёт, в болоте тонем,
И на пруд окоп похож.
Мы не ноём и не стонем.
Участь, знать такая, что ж.

А взгрустнулось если вдруг,
Не вешай нос, не унывай,
Запевай-ка песню друг,
Братцы, ну-ка подпевай.

Но случалось временами
Очень близких хоронить.
Я скажу вам между нами,
Приходилось слёзы лить.

А Рейхстаг когда был взят,
Радость так сдавила грудь:
Ведь теперь наш брат солдат
От войны мог отдохнуть!

Ноябрь, 2012

Фоменков Александр Сергеевич

Родился в городе Таганроге в 1954 году.
Работал слесарем на Таганрогском металлургическом заводе.

В 47 лет окончил заочное отделение литфака Таганрогского государственного педагогического института.

После его окончания некоторое время работал воспитателем в стационарном отделении для лечения подростков Таганрогского наркодиспансера.

В настоящее время пенсионер.

Пишет стихи, статьи, эссе и рассказы.

Ведёт Живой Журнал и блоги на сайтах «Кавказская политика» и «Русский пионер».

Ультрафобатовец

Санитар,
не тревожь меня, брат.
Этой крови я ждал,
я ей рад.
Я пылаю,
пылаю, как стяг.
На высотке я –
поднятый флаг.
Санитар,
не бинтуй, не бинтуй.
Погорюй, санитар,
погорюй.
Посмотри, –
сколько пало парней
У высотки.
Один я на ней.
Обагрённый, как знамя,
лежу.
Смыла кровь
между нами межу.

Я из тех,
кто «до первой крови»;
И я шёл к ней
с начала войны.
Сорок два долгих месяца
шёл.
Кровь такая...
такая, как шёлк.
Санитар,
не тревожь, не тревожь.
От волнения, друг,
эта дрожь.
Сорок два долгих месяца бой!
В первый раз
я встречаюсь с тобой.
В первый раз
я встречаюсь с тобой,-
Разойтись невозможно
с судьбой.
До последней крови изойду!
С высоты я своей
не сойду.
С высоты я своей
не сойду,
И себе,
и врагу на беду.
С двух сторон наведён автомат!
И в свою их,
и в Богу мать!
Нет патронов—
шли в дело ножи.
Сколько выпало их
у межи!
Снег горел здесь,
горел, как трава.
Санитар,
санитар,
брат,
това...

1987 г.

Рыбакова Мария Фёдоровна

Родилась в 1982 году в селе Седельниково Седельниковского района на севере Омской области.

В 2000 году окончила Седельниковскую среднюю школу № 1, а в 2005 г. – Омский государственный педагогический университет.

В 2006 году вернулась с родное село, работала руководителем Социально-психологического центра, руководителем отдела по делам молодёжи, физической

культуры и спорта.

Замужем, воспитывает двоих детей – сына Матвея и дочь Варвару.

Литературному творчеству посвящает самые тихие часы суток. И тогда её мысли ложатся на белый лист бумаги.

Пламка

Бобрикович Павел Павлович (1919–1975), уроженец деревни Короленка Седельниковского района. Похоронен в посёлке Мадаун Магаданской области. В РККА призван Бодайбинским РВК Иркутской области в 1940 году. Гвардии сержант, командир отделения топографического взвода 74-й гвардейской стрелковой дивизии. Награждён орденом Красной Звезды, медалями «За отвагу», «За боевые заслуги», «За оборону Сталинграда», «За победу над Германий в Великой Отечественной Войне 1941 – 1945 гг.».

Над кроваткой детской утром рано,
С ворохом фланелевых пелёнок,
Наклонился ветеран устало,
Чтобы посмотреть, как спит ребенок.

Думал ли тогда ещё мальчишкой,
Что дожить он сможет до седин,
Что из лётной роты той парнишка
Сможет выжить только он один.

С грустью смотрит серыми глазами
На игрушку – детский самолёт.
Память не стирается годами –
Вспомнил он последний свой полёт.

Как с товарищем – пилотом Пашкой,
С кем сверлил он небо много раз,
С нетерпением он ждал отмашки,
Чтобы новый выполнить приказ.

Гул мотора – и летит машина
В огненный блокадный Ленинград.
На борту – гранаты, пули, мины
Поддержать защитников спешат.

Но откуда «фоккеры» ворвались
В небо над Невою в этот час?
Злыми светлячками в ночь вонзаясь,
Пули немцев сыплются на нас.

И, как камень, падает машина,
Не доставив груз свой в Ленинград,
И, не получив в подмогу мины,
Пала рота, не познав наград.

Пашка ... Он погиб в том самолёте,
С парашютом выбросив меня.
Старый санитар спасал пилота,
Чтоб за Пашку жил и за себя!

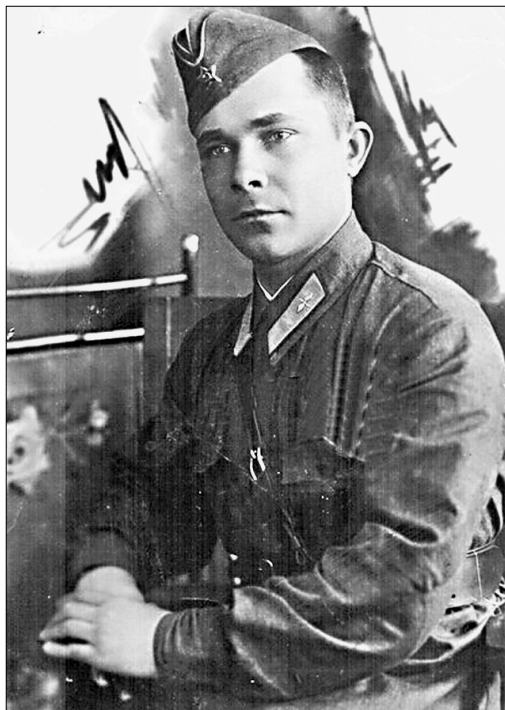
Позже он считал, что жизнь – ошибка,
Что не он, а Пашка должен жить ...
Но Победы радостной улыбка
В жизни чудо может совершить.

В этот день стихает боль на ранах,
И не очень грустно от седин.
С внуками шагают ветераны...
Но шагает наш пилот один.

Встав пораньше, он надел рубашку,
Подошёл к кровати не спеша –
Не проснулся ль рано правнук Пашка?
И увидел глазки малыша.

На мордашке – светлая улыбка,
Ручки тянет к дедушке малыш...
Значит, жизнь нельзя назвать ошибкой,
Коль ты снова с Пашкою стоишь!

Бобрикович Павел Павлович

Майстренко Альбина Алексеевна

Родилась 1 апреля 1938 года в совхозе Октябрьский Панинского района Воронежской области.

В 1955 году окончила среднюю школу.

Трудовую деятельность начинала в совхозе Октябрьский Воронежской области, работала на строительстве дорог в Краснодарском крае, на молокозаводе города Ноябрьска Тюменской области.

С 1994 года и по настоящее время на пенсии.

70 лет Победы

В боях за Сталинград!

из воспоминаний старшего лейтенанта 101-го полка

... Это было на подступах к Волге,
 А за Волгой стоял Сталинград,
 Он стоял в ожидании строгом
 И в густой сети баррикад!
 Вот ракета взвилась в небе чистом
 Мы стремительно в бой пошли!
 Было четверо нас, танкистов,
 Когда немцы наш танк подожгли.
 Мы в атаку рванулись из люка,
 Преградив двум «тиграм» пути!
 Меня ранило в ногу и в руку.
 Ад крошечный стоял впереди!
 Я хотел сквозь дым оглянуться
 На ребят, что лежали в крови,
 Но уже не мог шевельнуться,
 Только небо увидел вдали...
 Я очнулся в тылу медсанбата,
 Вспоминая погибших друзей,
 А мой полк уходил на запад

Чтоб громить фашистских зверей!
И бойцы повторяли: «Клянёмся!
Только ты, родимый, крепись!
Сталинград! Мы ещё вернёмся
И построим новую жизнь!!!»
А февральская стужа крепчала,
Но пылал в огне Сталинград,
Для меня будто время не стало
Среди раненых юных солдат.
Медсанбат – это та ж батарея:
Здесь безрукие рвутся в бой.
И я стиснул зубы, жалея,
Что остался тогда живой!
Здесь кричат от бессилья ночами,
Костылём кому-то грозя!
Лишь в бреду вспоминают о маме,
И забыть такое нельзя!
Как забыть? Как с друзьями расстаться?
Но под танки легли друзья,
А ведь им ещё не было двадцать,
– Почему же они, а не я!
Я не смог в этой огненной «вьюге»,
Не успел их собою закрыть!
И со стоном спросил у хирурга:
«Так зачем без ноги теперь жить?»
Но сказал военврач медсанбата:
«Ты, брат, нервы свои береги!
Ведь солдат должен быть солдатом,
Даже если он без ноги!
Даже если он сильно страдает!
И за ним ходит смерть, словно тень.
Это фронт! А на фронте бывает –
Погибают бойцы каждый день,
Погибают, но не сдаются
Потому что верят в себя!..»
Как бы я хотел не проснуться,
Чтоб не видеть бессилье, скорбя!

И сказал мой сосед по кровати,
Молодой безусый сержант:
«Здесь мы все – калеки в палате,
Где же стойкость твоя, лейтенант!»
А другой сосед, что был справа,
Костыли мне свои предлагал,
Задыхаясь в повязке кровавой,
О Маресьеве тихо шептал,
Он, конечно, во что-то верил,
Он от боли старался заснуть...
Я на миг забывал о потере,
Представляя иным свой путь.
Сколько раз я с желанной надеждой
Засыпая, видел в слезах,
Будто я шагаю, как прежде,
И блестят сапоги на ногах.
Я не верил, что я безногий,
Я хотел подняться и встать
И, с щемящей на сердце тревогой
Убежать! И свой полк догнать!..
Только факт остаётся фактом:
Мне достали протез, а потом
Вместо танка сел я на трактор
И пахал день и ночь на нём!
Я мечтал! Я был всё же на взлёте!
Но ворует кто-то мечту,
– Снится мне, что я снова на фронте
И опять надо брать высоту!..
Просыпаюсь и не пойму я:
Где друзья? Где мой первый взвод?!
До сих пор я во сне воюю,
И кричу: «В атаку! Вперёд!»
И бегу через лес и болота
Без ноги! С автоматом бегу!
Я кричу! И мне страшно охота
Отомстить за страданья врагу,
За сожжённые сёла и пашни!

За разрушенный наш Сталинград!
За Великую Родину нашу!
И за то, что я жизни не рад!
Я ныряю в кровавую бездну,
Чтоб узнать, где находится взвод,
Только взвод уже не на месте,
И мне надо прорваться вперёд!..
Так живу я прошлым ненастьем,
Привыкая в поту к новизне!
Кто сказал, что покой или счастье
Нам приснится только во сне?
Сны, как белый кораблик бумажный,
В них картины в тумане видны.
Был бы Мир, остальное – не важно,
Только жаль не пришедших с войны!

Подойница
Галина Александровна

Родилась 25 января 1960 года в посёлке Шипицыно Котласского района Архангельской области. Художник МУК «МБС Котласского муниципального района».

Её отец – Плюснин Александр Афанасьевич, участник Великой Отечественной войны, сержант, совсем мальчишкой попал в самое пекло – Сталинградскую битву. Всю войну прошёл с неразлучным другом – ручным пулемётом «Максим». О военных буднях говорил мало и редко, а когда не мог удержать в себе воспоминания, иногда плакал скупыми мужскими слезами. Его мечта – чтобы нас не коснулись ни боль потерь, ни непосильная тяжесть военного времени.

Вам, не вернувшимся с войны...

Я не слышала крики и раненых стон,
Я не слышала злую немецкую речь.
Я не слышала ...

Только приходит в мой сон
Тот мальчишка седой, что сумел уберечь
Это поле. Рябиновый этот закат.
Эту рожь, васильки. Этот старенький сад.

Не лежала в окопе под шквалом огня,
Не бросалась всем телом на вражеский дот,
Не пытали в застенках фашистских меня,
Не твердила, что враг до Москвы не дойдёт.
Я не знала войны ...

Но приходит в мой сон,
Тот мальчишка седой, что сумел уберечь
Это небо и воздух, родительский дом,
Эту землю, в которую выпало лечь ...

Я не видела тонущих русских солдат
И кровавые воды широкой реки.
Я не видела яростью вспыхнувший взгляд,
Я не видела танки, атаки, штыки ...
Я не видела ...

Только приходит в мой сон
Тот мальчишка седой, что сумел уберечь
Этот чудный, протяжный, малиновый звон.
Эту дивную, яркую, русскую речь ...

Иванова Ираида Яковлевна

Родилась 29 января 1955 года в с. Архангельское Республики Башкортостан.

Учитель высшей категории, отличник образования Республики Башкортостан, ветеран труда, награждена грамотой Министерства образования РФ.

Образование высшее, окончила Бирский государственный педагогический институт в 1979 году. Специальность по диплому – преподаватель физики и математики.

Стаж работы по специальности более 40 лет.

Баллада о братьях

Историю о семье Левшенковых из г. Давлеканово (Республика Башкортостан) поведала мне жена среднего из братьев – Левшенкова Надежда Алексеевна, ветеран ВОВ, проживающая в настоящий момент в г. Нефтекамске.

Красавица Дема, солнца закат
И шесть молодых парней,
Костёр... и любится братом брат,
Их шестеро – мамы одной сыновей.

Шутили, смеялись и вспоминали,
Как окуней вот здесь добывали,
Бывало, дрались во дворе иногда,
Росли и выросли... как все и всегда.

Костёр догорел, все вернулись домой...
Счастливая ночь перед страшной войной.
А утром все шестеро, к брату брат,
Ушли... добровольно... в военкомат.

Гремела война, ночь меняла рассветы,
Так долго, так страшно длилось всё это!
А женщина писем ждала от сынов,
Ведь шестеро там, шесть упрямых голов.

Писали, но редко: мол живы ... стреляем ...
Нет, не встречались ... по дому скучаем ...
Но реже и реже ей письма носили,
Война ... не до писем ... а ждать нет уж силы!

Потом похоронка – погиб самый старший,
Как больно! Как горько! Обидно и страшно!!!
Затем сообщенья ... без вести ... средний ...
И ранен серьезно младший, последний ...

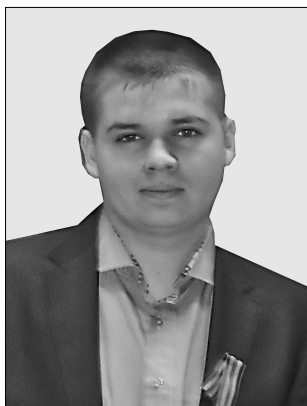
А мать всё ждала и, плача ночами,
Кары молила над палачами,
Помощь молила для наших солдат ...
Чтобы живыми вернулись назад.

Победа! Победа! Война завершилась!
На лицах людей и радость, и боль ...
Вернулись солдаты, а тех, кто не выжил,
Уже не дожждаться домой.

А эти вернулись, все шестеро! Живы!
На фронт уходили – мальчишками были,
Вернулись домой – их с трудом узнавали,
Мужчины ... раненья ... седины ... медали.

Стали колдуньей женщину звать,
Некого было многим встречать,
Многих назад не вернула война,
Всех дождалась лишь только она ...

А похоронки случайно пришли ...
Простая ошибка страшной войны.

Любухин Алексей Сергеевич

Родился в 1996 году на хуторе Заикинском Верхнедонского района Ростовской области.

Окончил МБОУ Верхнедонская гимназия им. А. М. Рекункова с золотой медалью. В настоящее время учится в Ростовском государственном экономическом университете (РИНХ) на факультете компьютерных технологий и информационной безопасности.

Интересуется литературным творчеством. Литературный путь начал в раннем детстве.

Штурмовик

Час сорок ровно было на часах,
 Когда тревога подняла всю роту.
 Со словом «победим!» в своих глазах
 Солдаты вылетели ночью на охоту.
 Повсюду плыли истребители врагов:
 Летели на деревню с смертным ядом.
 И каждый повторял: «Всегда готов!»
 И было только слово «надо»!
 Каких-то несколько мгновений,
 Обстрел уже ведут «стрижи»,
 Чтобы не допустить поползновений
 Фашистской злой и чёрной лжи!
 За правду, счастье и свободу,
 Забыв волненье, лёгкий страх,
 Пронзают небо в непогоду,
 Чтоб разнести их в пух и прах.
 Огонь! Огонь! Давай ещё снарядов!
 Гаси врага, стреляй от всей души!
 И истребляй фашистов – подлых гадов!
 Пусть знают, что в бою мы хороши!
 С небес на землю то и дело

Летят со свистом злые асы.
Обстрел без перерыва, без предела,
И кончились совсем боеприпасы.
Снарядов нет, а «мессершмит» совсем уж рядом,
И окружил кольцом фашистский караван,
И пот полился жарким градом –
Ведь путь один сейчас – таран...
И за момент до столкновенья
Вся жизнь стремительно промчала,
И за секунды, за мгновенья
Явилось всё: деревня, дом и мама.
И вспомнил он свой первый шаг
В мир неизвестный, странный новый,
Как в детстве лазал на чердак,
И вспомнил встречу с сельской школой,
И как старался лишь пятерки получать,
Чтобы гордилась, радовалась мама,
Чтоб никогда её не огорчать,
Чтоб помогать ей – самой-самой!
Но нет! Не суждено такому сбыться!
Миг счастьем так неуловим!
Жестокая рука фашиста-фрица
Решила утопить Союз в крови:
И вместо игр в глиняных солдатах
И беззаботного катания на санках
Ребята видели лишь гильзы автоматов
И полчища суровых, страшных танков!
И за это ко всем беспощадным фашистам
Сверкнула ненависть из-под бровей!
И взрыв раздался в небе чистом...
За жён! Сестёр! И матерей!
... И через день, а может, через два
По сводкам из страничек старых
Там напечатают те горькие слова:
«Ваш сын-герой пал смертью храбрых!»»

Сурина Елена

С отличием окончила Томский политехнический университет, получила диплом инженера. Затем поступила в университет Сорбонны Парижа, который успешно окончила по специальности кинематограф и аудиовизуальное искусство. Работала во французской кинокомпании в качестве ассистента продюсера, где получила прекрасный опыт. Затем ушла в «вольное плавание», чтобы посвятить свою жизнь кинорежиссуре. Пишет сценарии, стихи и прозу на русском и французском языках. Занимается пропагандой российской культуры во Франции и Европе.

Проживает в Париже.

Ты был матросом
на балтийском флоте

посвящая бабушке И. В. Меньшикову

Ты был матросом на Балтийском флоте,
И крейсер Киров стал тебе родным.
Корабль идёт на полном обороте,
Рассеивая в море белый дым.

Ты в сердце судна, где гудят машины,
Лишь мельком оттеняя свет дневной.
А если рядом якорная мина?
То вы пойдёте первой чередой.

Ты был матросом, и тебя хранила
Иконка Богородицы Святой,
Которую тихонько положила
Мать, отправляя сына в путь большой.

Корабль идёт на оборону Ленинграда,
Чтобы на дольше задержать врага,
Чтобы не дать ему прорваться из засады
И взять в кольцо родные берега.

Уж двадцать семь узлов, и всё быстрее
Корабль мчится, чтобы принять бой.
И воздух, расступаясь, леденеет,
Давно оставлен позади конвой.

Ты был матросом молодым, красивым,
Служил Отчизне до последних дней.
Спасибо, мой родной, за счастье мира,
Горжусь тобой и Родиной своей!

Крылова Ирина Петровна

Родилась в 1966 году. Окончила СГПИ им. Карла Маркса в Смоленске, факультет иностранных языков. После окончания института работала учителем английского языка в городе Сафоново Смоленской области.

Песнь о юном партизане

Посвящается моему отцу – Ващенко Петру Ивановичу, 1926 года рождения, ветерану Великой Отечественной войны, участнику партизанского движения Смоленской области, конкретно – бригады им. Ворошилова, отряда им. Пархоменко.

... Смешной тулуп, чумазая щека.

– Откуда, парень, ты? Издалека?

Иль, может, ты из местной детворы?

Не видел я тебя до сей поры!..

– Возьми меня, дядь Ваня, в свой отряд!

– Да ты же, парень, ростом маловат!

Что будешь делать ты, скажи на милость?

Война тебе, наверно, и не снилась!

Не видел бой, пылающие хаты,

Война тебе, сынок, не аты-баты!..

– А почему войну зовут «войною»?
– А я тебе, сынок, сейчас скажу,
Так громко жёны, овдовевши, воют,
Что слышно аж на дальнем рубежу!
Война – от слова «вой», от слова «выть»!
Так что, сынок, раздумал ли служить?

– Ты не смотри, что ростом маловат,
Я знаю анатомию гранат!
Я знаю, как доставить «языка»!
А то, что ростом мал, так то ж – пока!

Сказал и улыбнулся через слёзы,
А вдалеке уже гремели грозы
Боев за Сталинград и Ленинград.
То было много-много лет назад!..

– Ну ладно, сын, ты всё ж уговорил,
Когда-нибудь в лесу землянку рыл?
Бери лопату и скорей за дело!
По небу стая «мессеров» летела ...

Ах, дядя Ваня, бравый командир!
Да на таких, как ты, держался мир!

– Смотри, сынок, вот шесть пакетов важных,
Доставить должен все ты их к утру,
Поторопись, солдатик мой отважный,
И две гранаты я тебе даю!

Одна для немцев, если обнаружат,
Другая для кого – ты знаешь сам,
Ну, долго наставлять тебя не нужно,
Попасть ты в плен не должен к этим псам!..

В пакетах этих – об атаке весть,
Ты должен их доставить командирам,
Ну, с Богом, парень, с Богом или с миром,
И на дорожку надо бы присесть...

И обнял дядя Ваня паренька,
И этот миг остался на века
В истории страны, всего народа
Как символ века и любого года,
Как мужества чистейший образец,
Отлитый из мальчишеских сердец!..

Он шёл по лесу ночью, меж кустов,
Затем по полю шёл, так страшно было!
Казалось, смерть принять он был готов,
Когда ракета поле осветила!

– Стой! Кто идёт? – вопрос из темноты.
Уж часовому тут не до веселья.
– Да это я! Ах, Петя, здравствуй, ты?
Принёс я командиру донесенье!

И так шесть раз, шесть разных деревень!
Успеть к утру! Успеть, успеть к рассвету!
Усталый, в полудрёме, сел на пень.
За ночь успел доставить все пакеты...

И грянул бой! И злая вражья нечисть
Катилась по полям и по лугам,
Казалось, бой тот будет длиться вечно,
И вечным стал для тех он, кто в нём пал!

Стреляли пулемёты нараспев,
Летели пули на врага с ответом...
А утром дядя Ваня, постарев,
Повесил красный флаг над сельсоветом.

Мальчишке, что пакеты разносил,
Сказал: «Смотри, рассвет, как гроздь рябины!
Ты, парень, знаешь, тоже молодчина,
Я б без тебя врага не победил!»

Теперь тот паренёк – седой старик,
Но он душой и сердцем не поник!
Он помнит всё – все лица, имена,
Но для него не кончилась война!..

**Виноградов
Дмитрий Леонидович**

Уроженец Беларуси, родился 26 февраля 1943 года. Окончил Гомельский дорожно-строительный техникум и Белорусский институт инженеров железнодорожного транспорта.

Профессиональный строитель. Участвовал в строительстве важнейших строек Советского Союза. Участник ликвидации последствий аварии на ЧАЭС. Детская мечта стать писателем осуществилась в зрелом возрасте. Первая книга «Забывший герой» вышла к шестидесятилетию юбилею. Член Союза писателей Республики Беларусь с 2005 года. Автор 21 книги, в том числе 11 для детей. Лауреат премии П. Труса. Награждён высшей наградой Союза писателей РБ – медалью «За большой вклад в литературу».

Шестой ротный

*Светлой памяти отца Виноградова Леонида Дмитриевича,
младшего лейтенанта морской пехоты.*

Зарывшись в землю, отдыхал
Усталый полк пехотный.
Остатки роты принимал
Шестой за месяц ротный.

Недолог сон передовой.
Вал артралёта плотный.
С рассветом поднял роту в бой
Шестой за месяц ротный.

Уж близок высоты овал.
Но прочерк пулемётный
Уткнулся в грудь... И он упал,
Шестой за месяц ротный.

Упал и землю он обнял,
К траве прижавшись сочной.
И скромным обелиском встал
Шестой за месяц ротный.

А роту вдаль увёл другой,
Чей номер был нечётный.
Им вслед фанерною звездой
Смотрел убитый ротный.

Сквозь кровь и дым в заветный мир
Привёл к Рейхстагу роту
Вконец уставший командир,
Бог весть какой по счёту.

Давно закончилась война.
Истлели похоронки.
Но павших в битвах имена
Торжественны и звонки.

Вам, победившим в той борьбе,
За тяжкий труд ваш ратный
Земной поклон всем, и тебе,
Шестой за месяц ротный.

Бармина Лариса Сергеевна

Родилась в городе Дзержинске Горьковской области. В 1962 году семья переехала в Горький (Нижний Новгород). Окончила физический факультет Горьковского государственного университета. Более 25 лет проработала инженером конструкторского бюро завода «Орбита». Занималась разработкой методов диагностики радиодеталей для промышленной и оборонной индустрии. Ветеран труда.

Замужем. Имеет сына и внучку.

Стихи начала писать в школьном возрасте. Неоднократно печаталась в заводской газете «За прогресс».

Анечка Станицына

*Моей матери, СТАНИЦЫНОЙ АННЕ ДМИТРИЕВНЕ,
уроженке подмосковного города Солнечногорск
ПОСВЯЩАЕТСЯ...*

*С колен живота не просила,
Гнала чужеземную рать.
Одна ты такая Россия
В размахе – прощать иль карать.
В тебе милосердья «со стогом»
На зло, что творит вороньё.
За то и дарованы Богом
И мощь, и величье твоё!*

Анечка Станицына...

Что ей уготовано:

Сталинскими лицами

Жизнь укомплектована.

В платье маркизетовом
В цвет морской волны
Анечка с газетою,
«Правдой» до войны.

А в газете некролог –
Дело рук ежовщины,
Губит чёрный «воронок»
Хуже поножовщины.

Не знавала риска, как
В «воронке» она.
Это только присказка,
Впереди – война.

Маленькая, хрупкая
Девочка, держись,
Треснула скорлупкою
Анечкина жизнь.

С вестью из динамика:
На Россию! Эх!
За судьбой «Титаника»
Двинул третий рейх.

Площадями, скверами
Под разгул петунии
Стали люди серыми
В солнечном июне.

Шли на фронт ребятушки,
На смерть добровольно.
У России – матушки
Витязей довольно.

Нам не быть вассалами,
Нам не быть рабами!
Фрицам – по сусалам им
Плетью с батагами.

Анечке Станицыной
С озера Сенёж¹
Быть лишь вольной птицею,
В рабство не возьмешь.

Горький, Кремль, автозавод –
Пристань тыловая,
Но и здесь война идёт,
Только трудовая.

Дети, жёны, матери
За мужей, сынков,
Домоседки – на тебе –
Встали у станков.

В кузнице оружия,
Спрятавши в ларец
Вышивку и кружево...
Женщина – кузнец.

Труд – в железной борозде
Вплоть до горизонта.
Ничегошеньки себе,
Только все для фронта.

В Анечке Станицыной
Чувства таковы –
Злость кричала львицею:
«Фриц, иду на Вы!»

---

¹ Озеро Сенёж – самое крупное озеро в Московской области,
г. Солнечногорск.

Т-шестидесятку, танк,
Выпустил завод –
Немцу плохо, немец кранк²,
А точнее – тот³.

Пуля, штык, патрон, снаряд,
Смерть фашистам сея,
Будут бить их всех подряд,
Оптом – «За Расею!»

«Жечь врагов!» – приказ «катюшам».
При свиных натурах
Им лишь место, швайнам, хрюшам,
Только на шампурах.

И поможет миномёт
Долг свершить солдатский,
А полуторка на лёд
Выйдет ленинградский.

Так мечтала Анечка ...
Вдруг, припав к станку,
Обессилел Ванечка.
Дарит пареньку

Свой талон Станицына,
Хлеба три куска:
«Ешь! Враг под столицей.
Танки ждёт Москва!»

Крик пронзительный: «Летят!»
Свастики, не ромбы
И не звездочки. Свистят
Сброшенные бомбы.

---

² Кранк – в пер. с немецкого означает больной.

³ Тот – в пер. с немецкого означает мертвый.

То фашист бомбит, бомбит,
Сталь – за пудом пуд.
Щедро жертвовал в гамбит,
А пришел – капут.

Анечка Станицына
Выпорхнула галкою,
Крыша как позиция
В схватке с «зажигалкою».

Цех спасён. Для всей страны
Жив гигант заречный.
И над всем – как «нет войны»
Путь зажётся млечный.

Он тревожит нас, сверкая
Звездными страницами.
Знайте, что была такая –
Анечка Станицына.

Биографии

Гюльшан Тофиг гызы (Абдуллаева) родилась 4 ноября 1953 года в городе Баку в семье военнослужащего. С 1971 по 2008 год проработала на киностудии «Азербайджанфильм» – сначала художником мультипликации, а затем старшим редактором. С 2008 года по настоящее время – сценарист объединения анимационных фильмов «Азанфильм».

В 1978 году окончила Азербайджанский педагогический институт русского языка и литературы им. М. Ф. Ахундова, а в 1985 году – Азербайджанский институт иностранных языков имени 50-летия образования СССР.

Член Союза писателей, Союза журналистов, Союза кинематографистов Азербайджана, член Международного союза писателей «Новый Современник». Автор 17 сборников прозы и поэзии, переводчик, автор сценариев шести анимационных фильмов. Лауреат и дипломант международных литературных конкурсов.

Гюльшан Абдуллаева – мать троих детей, бабушка семерых внуков.

Анна Александровна Платонова (Щенникова) родилась 19 июня 1979 года в посёлке Черноморском Северского района Краснодарского края. Окончила 11 классов и в 1997 году поступила в Краснодарское краевое училище культуры на библиотечный факультет, в 1999 году окончила Краснодарский краевой колледж культуры.

Профессиональную трудовую деятельность начала в этом же году в детской поселковой библиотеке. В 2006 году вышла замуж за Андрея Борисовича Платонова в городе Дубна Московской области.

Работаю по профессии в ГБПОУ МО «Аграрно-технологический техникум «Дубна» заведующей библиотекой. Профессиональный библиотечный стаж работы свыше 10 лет.

Любовь Александровна Белова родилась в посёлке Тумботино Павловского района Нижегородской области в 1968 году. В 1985 году окончила среднюю школу и поступила на обучение в Муромское педагогическое училище по специальности педагог дошкольных учреждений. Более 15 лет работала в детском саду «Ручеёк» в родном посёлке.

В 2000 году судьба привела её в Тумботинскую детскую библиотеку, где в настоящее время она занимает должность заведующей библиотекой.

Рассказ «Победу встретил он в Берлине!» – первый писательский опыт Любови Беловой.

Евгений Павлович Гусев родился 15 октября 1948 года в деревне Перекладово под Ярославлем в семье учителя, ветерана Великой Отечественной войны, участника Сталинградской битвы. После окончания Ярославского пединститута учительствовал.

Затем – служба в разведывательном подразделении в Группе Советских войск в Германии. Тридцать лет прослужил в ОВД Ярославской области, полковник в отставке.

Член Союза писателей России, член Союза журналистов России, заслуженный работник культуры РФ, автор 30 книг поэзии и прозы. Лауреат четырёх творческих фестивалей МВД СССР и России. Лауреат и победитель всероссийских и международных литературных конкурсов. Лауреат Всероссийского литературного конкурса МВД РФ «Доброе слово» 2014 года.

За творческую деятельность награждён медалями Пушкина, Лермонтова, Некрасова, Гоголя, Шолохова, Музы Джамилля (за переводы). С 2013 года – председатель ярославского областного отделения Союза писателей России.

Ольга Николаевна Дергунова родилась в 1952 году на Урале (город Богданович Свердловской области). Окончила Костромской государственный педагогический институт, музыкально-педагогическое отделение.

С 1974 года проживает в Риге. Активно занимается общественной деятельностью. Шестнадцать лет является режиссером Латвийского фестиваля русской культуры и образования «Татьянин день», а также режиссером конкурса русской народной культуры «Рижский пряник». Преподаёт русский фольклор в Рижской средней школе № 54 и детском саду.

Руководит семейным фольклорным русским ансамблем «Берендейка», а также фольклорным школьным ансамблем «Бирюльки» и фольклорным дошкольным ансамблем «Берендеечка». Является автором 5 учебно-методических пособий по русскому фольклору.

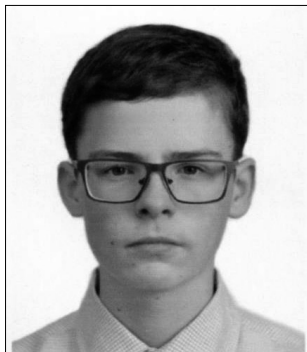

Ксения Олеговна Волкова родилась 10 августа 2006 года в Снежногорске Мурманской области. В настоящее время проживает в городе Полярном Мурманской области с родителями (отец – Олег Иванович Волков, подполковник юстиции, начальник следственного отделения, мать – Алёна Викторовна Волкова, юрисконсульт (дознаватель) военной комендатуры).

С 2013 года обучается в муниципальном бюджетном образовательном учреждении основной общеобразовательной школы № 2 города Полярного (классный руководитель – Солдатова Ирина Валентиновна), а также в детской школе искусств по классу хореографии.

Увлекается историей (особенно – событиями Великой Отечественной войны), планирует составить генеалогическое древо своей семьи.

Данила Владимирович Золотов родился 25 ноября 2001 года в посёлке городского типа Кикнур. С 2008 года обучается в МБОУ СОШ с УИОП пгт. Кикнур.

Мир интересов Данилы Золотова многогранен. Это и обучение на хоровом (народном) отделении в музыкальной школе, и занятия на дополнительных курсах английского языка «RELOD», и посещение кружков «Друзья библиотеки», художественной самодеятельности и театрального искусства в Кикнурском ЦКиД.

Активный участник Всероссийской профильной смены «Мир молодых» в детском лагере «Звёздный» и «Олимпийский» ВДЦ «Орлёнок».

С сентября 2015 года обучается на биологическом отделении в Центре дополнительного образования одарённых школьников.

Людмила Павловна Цыганкова родилась 26 декабря 1950 года в городе Канске Красноярского края в семье служащих.

В 1968 году с серебряной медалью окончила среднюю школу имени В. И. Ленина и в том же году поступила в Алматинский педагогический институт иностранных языков.

В 1972 году, после окончания учёбы, начала свою трудовую деятельность в Казахстане.

С 1979 года работала учителем немецкого языка, а также в течение 10 лет преподавателем языковых курсов автономии немцев города Канска (трудовой стаж – 42 года). В настоящее время на пенсии.

Людмила Цыганкова – лауреат всероссийских и международных конкурсов преподавателей немецкого языка.

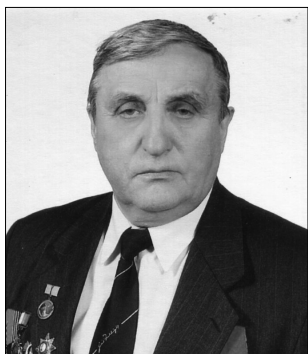

Галина Александровна Балина родилась 27 июля 1959 года в посёлке Махнёво Алапаевского района Свердловской области.

В 1978 году с отличием окончила Свердловское культпросвет училище. После окончания учебы приехала работать в село Балтым.

Галина Балина прошла путь от молодого специалиста до опытной заведующей библиотекой-клубом (трудовой стаж – 38 лет). Она – почётный житель села Балтым, награждена различными грамотами управления культуры, активный участник вокальной группы «Лада», организатор культурно-массовых мероприятий для сельчан.

Она чудесная мать троих детей, бабушка (у нее два внука), прекрасная хозяйка дома, её любят и уважают в селе.

Герман Петрович Бич родился 5 декабря 1939 года в деревне Ковалево Всеволожского района Ленинградской области.

29 марта 1942 года по «Дороге жизни» был вывезен из блокадного Ленинграда. В 1957 году после окончания школы работал токарем на судостроительном заводе «Янтарь».

В ноябре 1958 года был призван в ряды Советской армии, служил солдатом.

В 1963 году окончил Ульяновское высшее военно-техническое училище, а в 1971 году – инженерный факультет Военной академии тыла и транспорта. Службу проходил в Забайкалье, Закавказье, Германии и Прибалтике.

После увольнения в запас в 1988 году работал заместителем главного инженера ПО «Рижский машиностроительный завод».

С 2012 года на общественной работе. Всё свободное время посвящает литературному творчеству и работе в ветеранских организациях. Член Союза российских писателей.

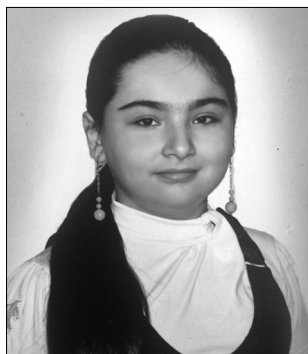

Елена Михайловна Старцева (Кондакова) родилась 29 сентября 1975 года в селе Первомайском Нижнесергинского района Свердловской области. В посёлке Алябьево Тюменской области окончила школу, затем получила медицинское образование.

Заочно окончила Тюменский государственный нефтегазовый университет. С 1994 года проживает в Югорске.

Замужем, имеет дочь.

В настоящее время работает в филиале ООО «Газпром информ». В 2013 года стала активно сотрудничать с городской библиотекой. Принимает активное участие в различных конкурсах, пишет стихи, рассказы, увлекается фотографией. Является членом творческого союза «Элегия».

Маргарита Габидиновна Харатова родилась 12 октября 2004 года в городе Ставрополе Ставропольского края. Проживает в городе Черкесске, главном городе Карачаево-Черкесской Республики, с родителями (отец – инженер-строитель, заместитель председателя совета старейшин города; мать – доктор филологических наук, профессор, почётный работник высшего профессионального образования Российской Федерации, многократная чемпионка республики по шахматам).

Учится в пятом классе МОУ гимназия № 5, пятый год занимается игрой на пианино и вокалом в музыкальной школе № 1 города Черкесска. Является призёром первенства города среди младших школьников по шахматам.

С шестилетнего возраста сочиняет стихи и песни, пишет сочинения на различные темы. Любимые предметы – история, литература, русский язык, география.

Олег Викторович Калугин родился в 1961 году в городе Сталинграде.

В 1964 году вместе с родителями переехал в Ставропольский край. В 1979 году окончил среднюю школу № 6 села Раздольное Ставропольского края.

С 1979 по 1985 год учился в Харьковском ордена Ленина политехническом институте им. В. И. Ленина на энергомашиностроительном факультете по специальности инженер-механик.

По окончании института работал сменным инженером на компрессорной станции и главой Лонгъюганской сельской администрации.

В 1997 году с семьей переехал в город Надым. В настоящее время работает в тендерном отделе ООО «ЯРГЕО», дочернее предприятие ОАО «НОВАТЭК» в городе Надыме. Женат. Воспитывает сына и дочь. Увлекается поэзией, спортом и музыкой (саксофон, пан-флейта, дудук, зафун).

Валентина Николаевна Демидова (Беличенко) родилась 14 июня 1964 года в Подгоренском районе Воронежской области в семье учителей. В 14 лет окончила 8 классов школы в совхозе «Опыт» Подгоренского района и в 1978 году поступила в Борисоглебское педагогическое училище.

В 1982 году была направлена в Покровский детский сад Острогожского района воспитателем, где начала свою трудовую деятельность. Работая в детском саду, получила высшее образование в Борисоглебском педагогическом институте.

В настоящее время работает воспитателем в детском саду города Борисоглебска. Имеет более 30 лет непрерывного педагогического стажа.

В 1991 году вышла замуж, имеет двоих детей – дочек. Подрастает внук, который вместе с бабушкой очень любит сочинять всякие рифмы и небольшие стихи.

Альберт Иосифович Кароза родился 8 июля 1937 года на разъезде Гайны Альшеевского района БАССР в семье рабочего-железнодорожника. Окончил Уфимский геологоразведочный техникум и Московский нефтяной институт им. акад. Губкина. С 1957 по 1998 год работал в полевых партиях Шкаповской геофизической экспедиции треста «Башнефтегеофизика». С 1998 года – на пенсии.

Впервые стихотворения Альберта Карозы были опубликованы в 1958 году, когда поэт служил в армии, в газетах Уссурийска, Владивостока, Хабаровска. А встреча с дальневосточным поэтом, сотрудником армейской газеты «Боевое знамя» Анатолием Краснопольским окончательно поставила точку в его поэтических изысканиях. Анатолий Краснопольский, прочитав стихотворение «На посту», сказал: «Вот это и есть настоящая поэзия».

Тихон Григорьевич Чуликов родился 4 июня 1942 года в деревне Кукуй Новомосковского района Тульской области. Литератор и краевед, бывший работник Венёвской межпоселенческой центральной библиотеки. Окончил Тульское культпросветучилище и 45 лет проработал в библиотеке. В настоящее время находится на заслуженном отдыхе. Живёт в городе Венёве Тульской области.

За любовь к родному краю, за популяризаторскую и просветительскую краеведческую деятельность удостоен звания «Почётный гражданин Венёва» (2009). Автор нескольких краеведческих и поэтических сборников.

Тихон Чуликов участвовал в работе оргкомитета по созданию Венёвского герба, подбирал материал для вступительной статьи в «Книгу Памяти».

Андрей Владимирович Тимофеев родился 10 ноября 2000 года в посёлке Молоково Тверской области. В настоящее время обучаюсь в 9-м классе Молоковской средней общеобразовательной школы имени Маршала Советского Союза Героя Советского

Союза Н. В. Огаркова.

Принимает участие в олимпиадах по физике, математике, географии.

Активный участник общественной жизни школы, заседаний краеведческого клуба, конференций, викторин по краеведению.

Участствует в соревнованиях по футболу, шахматам, лыжным гонкам, туризму.

В 2014 году окончил хореографическое отделение детской школы искусств, а в 2016 году – по классу гитары.

В 2015 году за успехи в учёбе был поощрён путёвкой во Всероссийский детский центр «Орлёнок». Лауреат интеллектуального марафона «Письма Победы».

Зимфира Рифовна Вахрушина родилась 9 декабря 1964 года в городе Октябрьский Республики Башкортостан в семье простых рабочих. Когда ей исполнилось четыре года, семья переехала в город Туймазы. В 1982 году окончила десятилетку во второй

Туймазинской средней школе.

В 1986 году поступила в педагогический класс по специальности воспитатель детского сада. С 1987 года началась её педагогическая деятельность.

В 1994 году окончила Бирский государственный педагогический институт, дошкольный факультет и продолжила свою педагогическую деятельность в качестве учителя-логопеда в городе Октябрьский.

Произведения Зимфиры Вахрушиной печатались в городских газетах «Октябрьский нефтяник» и «Туймазинский вестник».

Раиса Леонидовна Царёва-Форост (Форост – литературный псевдоним) – крымская поэтесса. Родилась в городе Курахово Донецкой области в 1949 году.

В 1972 году окончила Григоропольский сельскохозяйственный техникум Ставропольского края.

С 1978 года жила в городе Припяти Киевской области, работала цветоводом на Чернобыльской АЭС. После аварии эвакуировалась с семьёй в Керчь. С 2008 года проживает в городе Симферополе.

С 1991 года начала писать стихи на русском и украинском языках для взрослых и детей, публиковалась в периодической печати. Автор книг «Шипящий утюг», «У врача», «Забияка воробей», «Данилка в зоопарке».

Член Союза русских, украинских и белорусских писателей АР Крым, Международного сообщества писательских союзов (Россия), член клуба детских писателей КРДБ им. В. Орлова. Лауреат многих международных конкурсов и фестивалей.

Матрёна Васильевна Сухобок-Дашченко родилась 30 июня 1927 года на хуторе Кувичи в семье зажиточных крестьян. В 1933 году, когда от голода умерли родители и старшие дети, Матрёну с сестрой забрали в детский дом. Затем Мотю усыновила бездет-

ная пара. До начала войны успела окончить 5 классов.

После освобождения Мотя работала на хуторе Гарькуши в лазарете санитаркой, затем пионервожатой и заведующей детскими яслями. В 1945 году возглавляла молодёжное девичье звено, была группкомсоргом. В 1950-х работала заведующей МТФ, а также почтальоном.

Матрёна Васильевна – ударник коммунистического труда, ветеран труда, постоянный член литературного объединения «Родники». Ею издано 13 книг.

Олег Алексеевич Куликов родился 9 июня 2006 года в ЗАТО Озёрном Тверской области в небольшом военном городке.

Свою первую творческую победу одержал ещё в раннем возрасте. Его работа стала призёром регионального конкурса «Выборы глазами детей» и вошла в сборник «Отражение». В 2013 году поступил в МБОУ СОШ № 2 ЗАТО Озёрный. В настоящее время перешел в 4 класс. В свободное от учёбы время занимается в секции плавания, очень любит конструировать и рисовать.

Активный участник и победитель многих всероссийских и международных творческих конкурсов, участник акций.

За успехи и достижения включён в Международную ежегодную энциклопедию «Одарённые дети», 9-й выпуск, рубрика «Им принадлежит будущее».

Адель Ильдаровна Имангулова родилась в 2000 году в городе Уфе Республики Башкортостан. С шести лет занимается художественной гимнастикой и является неоднократным победителем соревнований, имеет медали и грамоты. Занимается живописью, а на досуге пишет стихи и рассказы, занимается «журналистикой» под умелым руководством Екатерины Владимировны Щипакиной.

Участница и победитель многочисленных литературных конкурсов. Печатается в журнале «Бельские просторы», «Дошкольная Уфа», в газете «Истоки».

С первого по шестой класс училась в Башкирской гимназии № 122, потом перешла в СОШ № 78. В настоящее время учится в 9-м классе, активно участвует в жизни школы.

Первоначальная цель – окончить школу с аттестатом особого образца. Мечтает заниматься режиссурой.

Светлана Александровна Купавых родилась 11 апреля 1963 года в деревне Панкратовка Глушковского района Курской области в крестьянской семье. В настоящее время проживает в посёлке Олымском Касторенского района Курской области.

В 1980 году окончила Олымскую среднюю школу, затем Московский экономико-финансовый институт, получила профессию бухгалтера-экономиста.

Работает в администрации посёлка Касторное главным специалистом-экспертом по финансам и бухучёту. Замужем. Мать двоих детей. Двое внуков.

«Проба пера» состоялась в школьные годы. Публиковалась в районных газетах «Знамя Октября», «Вести», «Родные просторы», в газете «Отражение». В 2014 году вышел в свет сборник стихов «Грешна любовью».

Член Союза курских литераторов, руководитель Касторенского отделения СКЛ, член Большого творческого совета СКЛ, участник Второго съезда курских литераторов.

Маргарита Васильевна Хитренко родилась 10 февраля 2000 года. Обучалась в ДШИ № 1 города Советская Гавань на двух отделениях: фольклорном (хор, сольное пение, общее фортепиано) и ИЗО.

Участвовала в школьных, районных, краевых, всероссийских и международных конкурсах.

Имеет много побед по ИЗО (дипломант Международного конкурса «Космос и я» (2011 г.), 2-е место во Всероссийском конкурсе «По страницам любимых книг» (2015 г.) и др.), есть победы по литературе (призёр муниципального этапа Всероссийской предметной олимпиады школьников по литературе (2014 г.), 3-е место в районном конкурсе чтецов «Художественное слово», посвящённом 70-летию Победы в Великой Отечественной войне (2015 г.), а также победы в школьных литературных конкурсах).

Написала несколько книг, пишет статьи в районную газету.

Мирослава Дмитриевна Смирнова родилась 27 апреля 2001 года в городе Вельске Архангельской области. В 2003 году с мамой, Ольгой Хасановной Смирновой – учителем географии, переехала жить в город Архангельск. Учится в МБОУ СШ № 95

г. Архангельска.

Принимает участие в конкурсах и олимпиадах разного уровня: в Международном игровом конкурсе по истории «Золотое руно», «Английский бульдог».

В свободное время любит слушать музыку, читать и рисовать. Заняла 3-е место в городском конкурсе экологических плакатов «Растения и животные Красной книги», имеет сертификат за участие в российско-польском конкурсе «Дети иллюстрируют книги».

Георгий Михайлович Баранов родился 13 марта 1921 года в селе Сероглазка Хараба-линского района Астраханской области. Окончил 10 классов средней школы № 56 им. А. С. Пушкина, а в июле 1939 года был зачислен курсантом 2-го Ленинградского Краснознамённого артиллерийского училища.

2 июня 1941 года окончил училище и получил назначение в Закавказский ВО города Ленинакана в 25-й корпусной артиллерийский полк.

В декабре 1941 года участвовал в операции по форсированию Керченского пролива и освобождению Крыма, в боях под Моздоком и на Кубани на «Голубой линии». Был трижды ранен.

Награждён пятью боевыми орденами и многими медалями.

По окончании военной службы окончил юридический факультет Львовского государственного университета. Работал начальником юридического отдела областного авто-управления. Активно занимается общественной работой: председатель ревизионной комиссии, организатор и руководитель Клуба «Весёлых ветеранов» им. Василия Теркина.

Вместе с женой, Лидией Александровной, прожил 66 лет, воспитал двух дочерей, сейчас в семье двое внуков, правнук и правнучка.

Нина Ивановны Черненко родилась 22 марта 1957 года в деревне Золотоношка Стерлитамакского района Республики Башкортостан. В 1974 году окончила среднюю школу и поступила в профессиональное училище, где получила специальность аппаратчика химического производства. Через год поступила на заочное отделение Аксеновского сельскохозяйственного техникума по специальности «Агрономия»,

С 19 января 1976 года и по настоящее время беспрерывно работает в библиотеке деревни Золотоношка. В 1983 году окончила заочное отделение Уфимского библиотечного техникума.

Выполняла работу председателя женсовета, секретаря комиссии по борьбе с алкоголизмом, народного заседателя в райсуде, секретаря избирательной комиссии в избирательных кампаниях. Более 35 лет является участницей художественной самодеятельности. Заслуженный работник культуры Республики Башкортостан.

Вместе с супругом, Алексеем Григорьевичем, воспитала троих детей. В настоящее время помогает детям растить 4 внуков.

Арина Олеговна Комарова родилась 2 августа 2002 года в городе Петропавловске-Камчатском. Проживает на острове Беринга. Любит путешествовать и узнавать что-то новое, рисовать, вышивать, но больше всего любит читать. Учится в 7-м классе Никольской средней общеобразовательной школы. Любимые предметы – литература, английский язык, физкультура. Любимый вид спорта баскетбол. Самые любимые русские писатели – Чехов и Куприн, а иностранные – Шекспир и Байрон. Каждое лето с руководителем детского передвижного туристического лагеря ходит в многодневные походы, в которых узнаёт много редких растений, совершает восхождение на самую высокую вершину острова – гору Стеллера.

Галина Александровна Матвеева родилась в небольшом уральском городе – Березники, который в советское время называли «Республика химии» (по периметру города размещены титано-магниевого, азотно-тукового, содовый, калийные комбинаты). А сразу за городом начинается живописный лес с мелкими речушками и полноводной Камой, несущей неспешные волны в великую Волгу.

Красивая природа, бескрайние хлебные поля, мельницы, запаха свежего хлеба, аромат лесной земляники, малинового варенья, целебных трав, что сушились на сеновале, и удивительный вкус родниковой воды на всю жизнь сохранились в душе.

Образование – БФ ПГТУ, инженер-химик. Более сорока лет проработала на БТМК (ВСМПО-АВИСМА). Пенсионер, ветеран труда.

Член литературного объединения «ЭЛИТА». Постоянный участник конкурсов «Решетовские встречи», фестиваля-конкурса «Вера», конкурсов, проводимых на АВИСМА. Стихи и проза печатаются в Березниковских СМИ, в «Библиотеке современной поэзии», г. Москва. Член Российского союза писателей.

Нина Петровна Вазу родилась 15 января 1958 года в деревне Сельцы Максатихинского района Тверской области. В 1965 году поступила в Селецкую среднюю школу, которую окончила в 1975 году. После окончания школы поступила в Андроповское педагогическое училище в Ярославской области, получила специальность дошкольное воспитание. Многие годы работала заведующей детским садом. В январе 1994 года перешла на работу в муниципальное учреждение культуры «Тихменевский центр досуга» Рыбинского муниципального района Ярославской области на должность заведующей детским сектором по работе с детьми. Окончила Ярославское училище культуры по специальности библиотекарь-библиограф. В настоящее время занимает должность заведующей библиотекой МУК «Тихменевский ЦД». Имеет 3 детей, 5 внуков. Любит читать классику. Увлекается литературным творчеством, участница всероссийских, международных, областных и районных конкурсов.

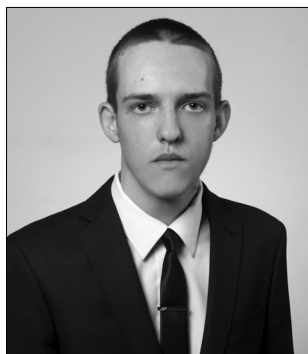

Владислав Валерьевич Апчем родился 24 января 2000 года в селе Новый Краснояр Стерлитамакского района Республики Башкортостан, где проживает в настоящее время с родителями (отец, Валерий Анатольевич, работает водителем в ГУСП

«Роцинский», мать, Ирина Ивановна, домохозяйка).

В 2006 году поступил в первый класс МОБУ СОШ села Большой Куганак. Отличник. Является победителем и призером олимпиад, творческих конкурсов муниципального, федерального, международного уровня.

В июне 2015 года получил аттестат об основном общем образовании.

Артём Владимирович Прядко родился 10 октября 2000 года в селе Новый Краснояр Стерлитамакского района Республики Башкортостан. Проживает вместе с родителями (отец, Владимир Иванович, работает пожарным в городе Стерлитамак; мать, Марина Ивановна, – учительница).

В 2007 году поступил в первый класс МОБУ СОШ села Большой Куганак. Сейчас учится в 8-м классе. Отличник. Является победителем и призёром творческих конкурсов, олимпиад муниципального, федерального и международного уровня.

Яна Алексеевна Шерстобитова родилась 28 декабря 2002 года в селе Новый Краснояр Стерлитамакского района Республики Башкортостан, где проживаю в настоящее время с родителями (отец, Алексей Сергеевич, работает в совхозе ГУСП «Роцинский» сварщиком; мать, Галина Ивановна, продавец).

В 2009 году поступила в первый класс МОБУ СОШ села Большой Куганак. За семь лет обучения показала отличные знания по всем школьным дисциплинам. Является призёром и победителем олимпиад, творческих конкурсов муниципального, федерального и международного уровня.

Алдар Батрович Киштенев родился 10 марта 1999 года в городе Элиста Республики Калмыкия. В 2006 году поступил в 1-й класс МБОУ СОШ № 4 города Элисты, в данный момент обучается в 10 классе.

Неоднократно защищал честь школы в городских и республиканских спортивных состязаниях, в военно-спортивных играх, в городских и республиканских научно-практических конференциях, является победителем и призёром муниципальных и республиканских этапов олимпиады школьников по предметам региональной компетенции в секции «История и культура родного края».

Занимается рукопашным боем в спортивно-патриотическом клубе «Юный десантник». Мечтает о профессии военного. В составе знамённой группы юных десантников неоднократно принимал участие в параде воздушно-десантных войск и военно-патриотических клубов на Красной площади в Москве.

Мария Николаевна Гусева родилась 10 января 1962 года в сибирском селе Лесное Тевризского района Омской области. Поступила в первый класс в селе Бородинка Тевризского района. Затем семья переехала в посёлок городского типа Рассвет Красноярского края. Там прожили недолго. И снова переезд – в село Кейзес Седельниковского района Омской области. В 1979 году окончила Кейзесскую среднюю школу. Затем поступила в Омский педагогический институт им. М. Горького на математический факультет. Через пять лет его окончила. В 1984 году пришла работать в школу в селе Кейзес, где проработала 32 года учителем математики.

В 1985 вышла замуж. Через год родились дети-двойняшки: сын Александр и дочь Ирина, которые уже завели свои семьи и подарили внуков.

Евгений Иванович Ожогин, член Союза писателей России и член Союза журналистов России, заместитель редактора еженедельника «Ржевские новости», автор книг: «Особо опасные...» (1997 г.), «Игра в предательство» (2000 г.), «История ржевской милиции» (2000 г.), «Славянки» (2001 г.), «Транспортная милиция на станции Ржев» (2002 г.), «Дамский танец» (2003 г.), «Ржев. Парни из Угро» (2008 г.), «Живёт возле Ржева девчонка» (2008 г.), «В лихие времена» (2013 г.).

Составитель и один из авторов книги «История Ржева» (2000 г.).

Печатался в ржевском сборнике «Истоки» (2000 г.), в книге «Это было на Ржевско-Вяземском плацдарме» (2003 г.), в литературном альманахе «Тверь» в 1996 и 2005 годах, в ржевском литературном сборнике «Город над Волгой» (2006, 2007, 2008, 2016 годы).

Награждён:

– почётным знаком Союза журналистов России «За заслуги перед профессиональным сообществом» (2011 г.);

– премией губернатора Тверского региона в области литературы (2013 г.);

– многочисленными дипломами журналистских конкурсов различных уровней и благодарственными письмами.

Проживает в городе Ржеве Тверской области.

Фоменков Александр Сергеевич родился 18 октября 1954 года, инвалид 3-й группы (хромой).

Образование высшее педагогическое – Таганрогский государственный педагогический институт (диплом ДВС 1626897 от 19 февраля 2002 года).

Квалификация – учитель русского языка и литературы.

Трудовая деятельность:

1970–1972 гг. – слесарь сантехник, Тагмежрай газ;

1976–1979 гг. – слесарь по ремонту оборудования, Таганрогский металлургический завод;

1979–1982 гг. – заготовитель сельхозпродуктов, Таганрогская заготсбыт база;

1992–1993 гг. – коммерческий представитель МПКФ «Хелен»;

1993–1995 гг. – директор ПКФ «Витязь АС»;

2005–2007 гг. – воспитатель стационарного отделения для лечения подростков Таганрогского наркодиспансера;

01.10.2012 – 30.11.2012 – заведующий хозяйством ООО Северно-Уральское геологоразведочное предприятие г. Карпинск, Свердловская область.

Общественная деятельность – 1992–2005 гг. председатель правления ТГОО «Возвращение к себе».

В настоящее время пенсионер.

Николай Ильич Мудров родился 26 января 1969 года в деревне Яманакки Красноармейского района Чувашской АССР. Окончил среднюю школу, в 1987 году – Калининское СПТУ № 24 Чувашской АССР. Служил в СА с 1987 по 1989 год.

Трудовую деятельность начал в 1989 году – прибористом 6-го разряда службе КИПиА.

В 1993 году окончил Чебоксарский энергетический техникум, но вплоть до настоящего времени повышает свой профессиональный уровень на различных курсах дополнительного образования.

Своё свободное время посвящает литературному творчеству. Активно участвует в мероприятиях по охране труда. Имеет публикации в СМИ. Является внештатным корреспондентом корпоративной газеты «Магистраль» – Газпром трансгаз Нижний Новгород.

Участник и победитель региональных конкурсов, посвящённых Победе советского народа в Великой Отечественной войне.

Женат. Воспитывает сыновей – Алексея и Леонида.

Гульфира Эльбрусовна Мухаметшина родилась в 1976 году в деревне Яраткулова Аргаяшского района Челябинской области. После окончания средней школы решила пойти по стопам родителей и выбрала профессию учителя. Свои первые стихи начала писать, будучи студенткой филологического факультета Челябинского государственного университета. Посещала литературный кружок при ЧелГУ «Ласточка» под руководством К. Д. Муртазина.

Свою педагогическую деятельность начала в 2001 году в школе № 2 села Акъяр Хайбуллинского района Республики Башкортостан.

Учитель высшей категории. В 2007 году стала обладателем Гран-при районного конкурса «Классный руководитель года», в 2009 году – призёр районного конкурса «Учитель года башкирского языка и литературы». Имеет множество грамот и благодарностей за активную деятельность в общественной и спортивной жизни школы, района.

Замужем, на данный момент воспитывает сына и дочь.

Подлевская Татьяна Александровна родилась в 1970 году. Окончила Абаканское педагогическое училище (Хакасия) и Красноярский краевой колледж культуры и искусства. Живёт в Красноярском крае Краснотуранском районе, работает библиотекарем сельской библиотеки.

Победитель нескольких грантовых проектов, в том числе победитель конкурса, учреждённого Министерством культуры РФ в 2013 году, «О мерах господдержки муниципальных учреждений культуры и их работников» – «Лучший сельский библиотекарь», участник и победитель многих конкурсов, а также руководитель дипломанта Международного литературного конкурса «Товарищ, верь!..» Международного союза «Мужество и Гуманизм». Является депутатом администрации сельсовета. Активно занимается исследовательской и краеведческой деятельностью.